ДРУЗЕЙ УСЛЫШУ ГОЛОСА

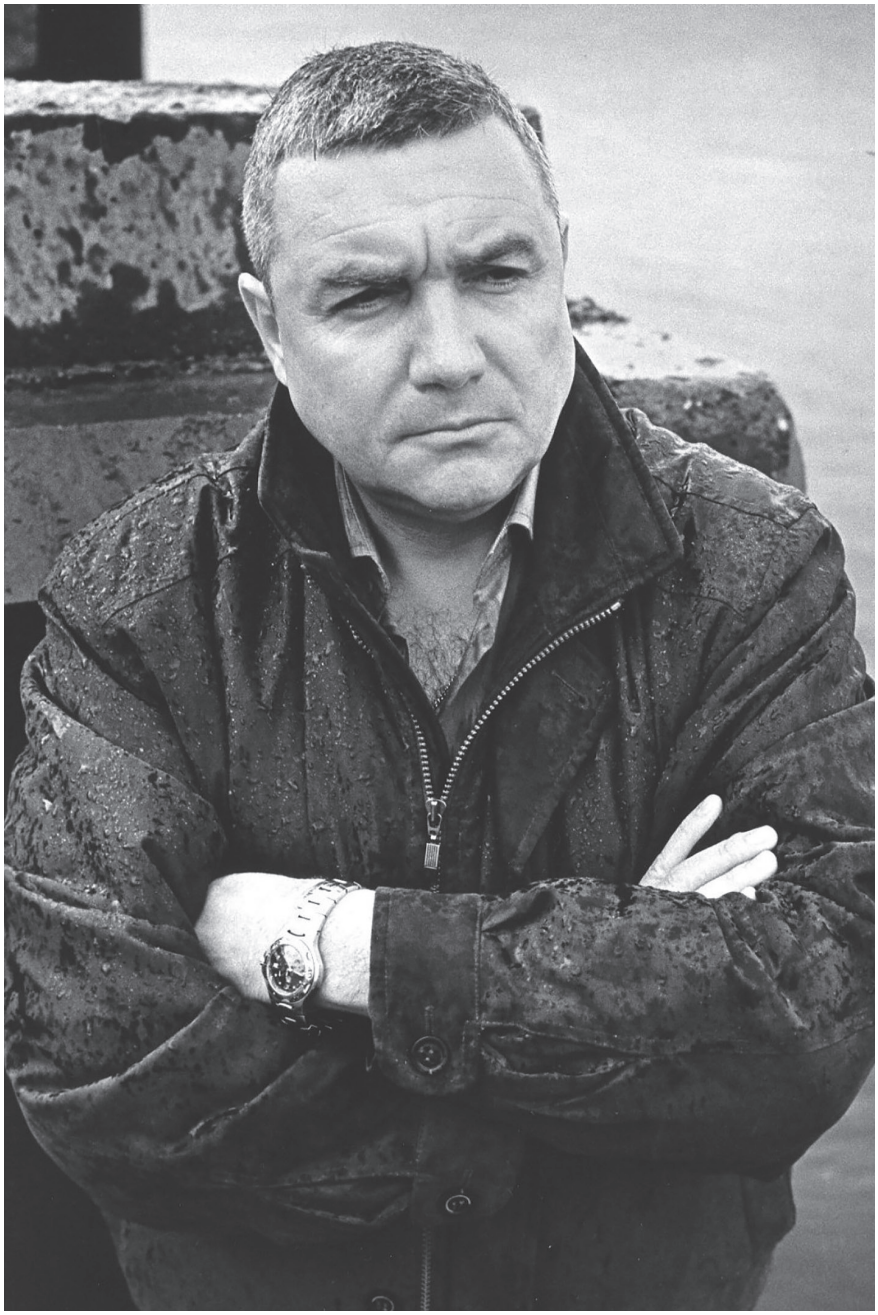
О творчестве Ахмадулиной

Избранные монографии
Статьи
Диалоги
Интервью

ТОМ 2

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2017



ДРУЗЕЙ УСЛЫШУ ГОЛОСА

О творчестве Д. Мизгулина

Избранные монографии
Статьи
Диалоги
Интервью

ТОМ 2

АПИ – 2017

УДК821
ББК84(2Рос=Рус)1-6
М57

Статьи, интервью/Составитель – В. Рыбакова, послесловие – Андрей Шацков, корректура – В. Неёлова, дизайн, вёрстка – А. Евменова. – СПб: АПИ, 2017. 400 с. Фотография Д. Мизгулина – П. Кривцов, фотографии солонок – Е. Лыков, графика – А. Бакулевский; для оформления книги использованы экслибрисы А. Аносова, Г. Бабича, Г. Босенко, А. Литвинова, В. Леоненко, Н. Неймеша, Н. Саутина, А. Сорокина, А. Шибанова, Э. Цыпляковой и фотографии солонок из личной коллекции Д. Мизгулина.

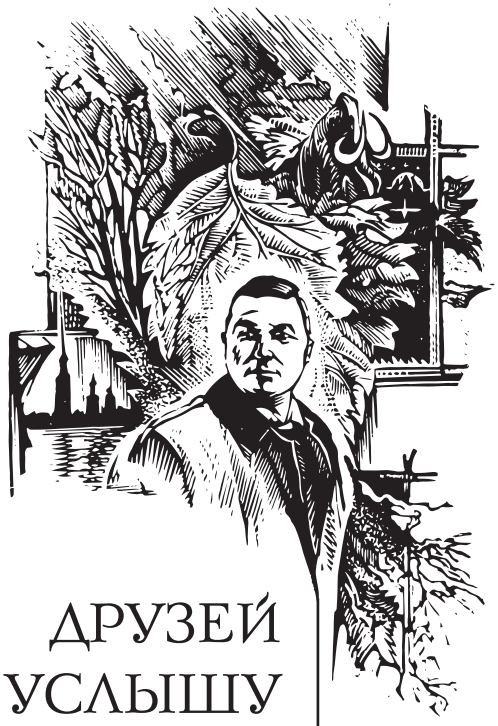
Любой настоящий поэт — демиург (в переводе на русский – творец). Так когда-то в древней Греции называли человека, свободно творящего. Поэт действительно творит свой особый мир со своими художественными законами, со своими странами, горами, реками и океанами. Побывайте в этом мире, мире великой русской поэзии, прислушайтесь к голосу собственных пророков, открывающих нам неповторимый и удивительный мир красоты и гармонии… Своим словом они помогают выжить нам в любые смутные времена.

Бесценны люди, которых мы называем поэтами, они готовы к выполнению своей высокой миссии, ибо кто ещё спасёт мир, как не поэты.

Всё это можно отнести к Дмитрию Мизгулину. Это большой, настоящий русский поэт.

ISBN978-5-94158-197-9

© Д. Мизгулин
© В. Рыбакова
© А. Евменова



ДРУЗЕЙ УСЛЫШУ ГОЛОСА

том 2

О творчестве Дмитрия Мизгулина

Избранные монографии
Статьи
Диалоги
Интервью

ПУТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Евгений КАРГАПОЛОВ,
Ханты-Мансийск

Итак, существует два пути, противоположных и взаимно исключающих друг друга: путь закона – как путь проклятия и осуждения, и путь веры во Христа и обновления Святым Духом – как путь, снимающий «клятву» и дающий спасение...

В.П. Вышеславцев

Понятие «духовность»

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

Духовность – производное от Духа; русская духовность – производное от Русского Духа. Чтобы понять, как духовность врастает в русскую культуру (традицию, символы, нормы, регулятивы, мышление, сознание, разум и т. д.), необходимо понять, что такое духовность, как ЕДИНОЕ, Божественная Троица из живительного источника превращаются в действительность, в русскую культуру. Ведь не вся культура, включая русскую культуру, имеет духовные

основания православия. До сих пор на русскую культуру оказывают влияние языческие арийские боги. Не менее сильное влияние на культуру оказывает и природа. Что же такое духовность? По мнению священника Александра Мороза, «...словом "духовность" будет справедливо назвать только то, что освящено дыханием свыше, что носит в себе отпечаток воли Божества, соответствует тому, что сказано в Евангелии и других боговдохновенных книгах». Сейчас культурологи, философы и мыслители других отраслей знания к духовной культуре относят значительно больше того, что «освящено дыханием свыше». Например, искусство. Но верно ли это на самом деле? Искусство, как мы знаем, несёт печать не только просветления, добра, мудрости, любви, справедливости. Искусство несёт и печать ненависти, зла, невежества, лжи, войны, распада и разрушения. Искусство может объединять, может и разъединять людей. Искусство «освящено дыханием свыше», но оно освещается и дыханием снизу. Искусство, в нашем представлении, имеет двойственную природу. Поэтому оно не есть духовность, а всего лишь часть культуры, часть её цивилизации. Русское искусство – важнейшая, но не доминирующая часть русской культуры. Как и вся русская культура, русское искусство нуждается в духовном окормлении.

Общество нуждается в духовных источниках. Ибо только они, то есть освящённые Духом Святым, вдыхают в русское искусство вечную, нравственную, созидательную жизнь. В духовных истоках, родниках, в основаниях заложены нынешние тенденции взлётов и падений русской культуры как системы, её процессуальной и результативной сторон, а также отдельных их компонентов. В этих основаниях необходимо искать «лекарство» для лечения нынешних социальных болезней русского народа, России, черпать энергию для возрождения системных качеств традиционной русской культуры, инструменты для окультуривания нынешних безнравственных российских реформ. Разработка актуальных проблем русской культуры подводит нас к пониманию жизненной необходимости объяснения источников (или родников, или основ) русской культуры, и в первую очередь – духовных истоков. Единосущность Духа

с другими Лицами Троицы всегда порождала много споров о понятии бытия. Европоцентристская традиция имеет богатую историю осмысления бытия Духа Святого, познания Святой Троицы. В XVII–XVIII вв. тема Духа приобретает новое звучание. Например, как тема духовной субстанции и структуры познавательных способностей. Дух уже выступает как онтологическая основа универсума. Европоцентристский разум категорически размежёвывает Дух и материю как замкнутых самих в себе. В традициях эмпиризма Дух лишается субстанциональности, сводится к единичным и конкретным состояниям души. Так, Локк пишет: «Дух есть нечто, способное мыслить». К проблеме Духа обращаются и такие мыслители, как Беркли, Юм, Лейбниц. По мнению Лейбница, «сущность духа так же неизвестна нам, как и сущность внешних тел и равным образом невозможность образовать какие-либо представления о силах и качествах духа иначе как с помощью тщательных и точных экспериментов...» По его мнению, душа-монада дорастает до самосознания, становится конечным Духом. Затем она начинает воспроизводить в себе Бога, которая есть Бесконечный Дух. Большое количество трудов по осмыслению проблем Духа написано такими представителями немецкой классической философии, как Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг. Они дают новую трактовку Духа. Все феномены Духа находят свой смысл в Абсолютном Духе. Абсолютный Дух – это процесс сверхэмпирической истории. В ходе этой истории Дух порождает себя и сам в себе существует. Абсолютный Дух в конце обретает конкретность и сознание. Гегель отмечает: «Дух обнаруживается как исполинский знак интеграла, соединяющий небо и землю, добро и зло». В XX веке тема Духа интересует Кассирера, Юнга, Шелера, Кроче, Джентиле, Ясперса и других философов и психологов. Гёте считает: «Ибо жизнь – это любовь, а жизнь жизни – дух». Русская классическая философия – богатейшее достижение русской мысли, проблеме духовности и Духа уделяла первостепеннейшее внимание. Русская духовность – это состояние души, мышления, сознания, сформированное под действием Русского Духа. У светлого, доброго, праведного человека достаточно полно сформированы целостные личностные

характеристики. Он продолжает развивать свой, особенный, нравственный стиль поведения в обществе, свой стиль общения, труда. У него глубоко нравственная логика мышления. Такой человек в своей жизни, деятельности и творчестве руководствуется теми ценностями и мотивами, истоки которых надо искать в традиционных сферах религии (православии), традиционной национальной философии, науки. Такой человек весь светится, излучает радость, оптимизм, уверенность в силу любви, правды, доброты, мира, мудрости, нестяжания. И мифологическое, и религиозное, и философское мировоззрение русского человека в настоящее время опирается в своём развитии на православную духовность. Научное мировоззрение также согласуется с нравственной позицией учёного. Философской позицией такого человека является любомудрие, правдоискательство, нестяжательство, миролюбие. Д.А. Мизгулин считает, что разум – от Творца. Так, в стихотворении «И флаг у нас теперь, и гимн...» призывает молиться, чтобы Бог вразумил и не оставил нас.

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.
Все в мире – сами по себе.
И свой шесток – всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим всё время быть похожи.
И во вселенской суете
Перемеряем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.
Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле...

У некоторой части мыслителей и населения сформировалось устойчивое мнение, что духовность – это всего лишь знание (информация). Эта точка зрения критиковалась ещё в XIX веке. Так, немецкий мыслитель Ф. Ницше писал по этому поводу: «Знание, поглощаемое в избытке не ради утоления голода и даже сверх потребности, перестаёт действовать в качестве мотива, преобразующего и побуждающего проявиться вовне, и остаётся скрытым в недрах некоего хаотического внутреннего мира, который современный человек со странной гордостью считает свойственной ему лично «духовностью». И далее он продолжает: «В таких случаях обыкновенно говорят: содержание у нас есть, нам не хватает только формы; но для всего живого это совершенно недопустимое противоречие». Не в бровь, а в глаз!

Ф. Ницше указывает на отсутствие прямой связи между знаниями и духовностью. Зато бывает много знания для человека, которое он «не переваривает», то есть не осмысливает, знакомится с ним ради любопытства, ради престижа, ради карьеры. И всё! Такое знание не может считаться духовной ценностью. Только знание, усвоенное личностью, становится силой его мышления, воли, души, становится знанием, имеющим духовную ценность. Много же духовности не бывает. Наоборот, духовности всегда мало, как для человека, так и для группы, общности, всего общества. Например, можно ли говорить, что много любви, много добра, много справедливости, много света, много мудрости? Нет, конечно! Много бывает только информации.

Как избыток, так и недостаток информации может привести к помутнению разума, к дезориентации мышления, формированию потребности в информации ради информации. При формировании личности следует руководствоваться принципом достаточности информации. Личности необходимо столько информации, сколько она может усвоить для принятия правильного (и эффективного) решения в любой сфере деятельности для того, чтобы оно превратилось в силу разума. Для каждого возраста этот принцип имеет специфику применения. Информационные технологии – не самоцель, а необходимый предмет познания и важное средство

развития личности, прочная база (или фундамент) для последующих научных открытий, для обеспечения необходимой свободы деятельности и творчества. Для того чтобы избежать излишней информации, её необходимо постоянно подвергать синтезу, соединять в блоки, системы, а ложное, мелкое, ненужное отбрасывать. Путь синтеза знания, синтеза информации, превращает её в значимую для личности, это и есть путь духовности. Ибо это путь к познанию ЕДИНОГО. Человек устаёт от большого количества информации, которое даёт нам сегодняшний прогресс. Весь негативизм усталости человек концентрирует на неприятии прогресса. Информация пуста, не трогает, более того – холодит душу личности. И неслучайно родятся такие стихи, как «Такие нынче холода...»

Такие нынче холода
Стоят в России, что – беда...
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,
Окоченевшие леса
Не ждут предвестия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на нет...
И капли жёлтого тепла
Морозная поглотит мгла,
Но в глубине души моей
Тепло последних летних дней,
Мерцанье тёплое свечи,
Листва, шумящая в ночи.
Туман. Уснувшая река.
В моей руке – твоя рука...
Оттаивает не спеша
Заиндевевшая душа...

Понятие «духовность» связано непосредственно с благими деяниями Святого Духа, всех участников Святой Троицы. А.А. Куракин выделяет три части понятия «духовность»: во-первых, «духовность есть сопричастность человека к святости»; во-вторых, «духовность есть выполнение общечеловеческих и нравственных норм»; в-третьих, «духовность есть постоянное совершенствование себя».

Сердцевиной или центром духовности выступает нравственность, постоянно взвешиваемая «на весах» человеческой совести. Ибо любые действия, любые слова святых людей несут печать нравственности. С позиций системного подхода нравственность выступает системообразующим фактором и русской духовности как системы ценностей. Это такие ценности, как любовь (например, к подвигу и страданию), добро, мудрость, справедливость, правда, свет, нестяжание. Человек и в жизни, и в труде, и в творчестве держащий сторону нравственности и поступающий по совести, продвигает доброе, светлое, чистое, мудрое, подвигает себя на духовное совершенствование. Философия этих людей есть любомудрие, правдоискательство, нестяжание, миролюбие. Святость и нравственность на протяжении тысячелетий и столетий составляли и составляют до сих пор ядро сущности и содержания русского национального характера, сознания и самосознания, мировосприятия и мышления русского человека. Русская душа, ум и дух всегда стремились к любви, свету, добру, правде, справедливости, мудрости и миру, и это стремление было всеохватывающим и не поддавалось оценке западного рационального мышления. Русский человек, несущий Бога в себе, на протяжении столетий усвоил привычку поступать и мыслить по любви, правде, доброте, справедливости, щедрости. Даже сейчас российские политики в условиях кризиса мировых финансовых институтов говорят не о каких-то новых реформах, а о справедливом мироустройстве, справедливой финансовой системе. Стремление к святости не следует упрощать до уровня простофильства, некой умственной неполноценности, как это делают некоторые недруги русской культуры, некоторые русологи, бывшие советологи, изучающие

душу русского человека, сущность русской культуры. Это способ жизни, труда и творчества русского человека. Поэтому неслучайно западное рациональное мышление, негативно относясь ко всему русскому, не понимало и до сих пор не может понять русской души, русского национального характера и русской духовности. А любое непонимание порождает страх, затем и русофобию. Это обстоятельство создаёт дополнительные барьеры в межкультурной коммуникации русской культуры с культурами Запада и Востока. Центральным догматом христианской теологии выступает учение о Боге, Святой Троице, или о трёх несменных и нераздельных Боге-Отце, Боге-Сыне и Боге – Духе Святом. И вот в функцию Духа Святого входит покровительство и руководство духовной жизнью людей. Люди, принявшие крещение, покаяние, очищаются не только водою, но и Духом Святым, очищаются Русским Духом. Дух Святой и является мощным, чистым и светлым источником энергии Русского Духа, частью этого источника, хлебом для русской души, «молоком» русского мышления. Люди, живущие по закону христианскому, Божьему, живут и по нравственному закону, по благодати. Нравственный закон – это голос Божий в душе человека, это светлая энергия Русского Духа, это импульс для трезвого ума и горячего сердца. Человек, услышавший этот голос Божий, чувствующий его в глубине своего сознания, есть человек светлый, мудрый, любящий, совестливый, правдивый, мирный, добрый. Человек, живущий по нравственному, христианскому закону, имеет право высказать свою точку зрения, право быть услышанным, имеет право на свою родную культуру, на свою жизнь в этом жестоком, развращённом атеизмом и потребительством, мире. Абсолютная любовь, добро, правда, мир, знание, справедливость, нестяжание есть категории божественные, но на пути к этому абсолютно нравственному человеку приходится противостоять множественным невежеству, злу, лжи, войнам, несправедливости. Преодолеть любовью ненависть, добром зло, правдой ложь, миром войну, мудростью невежество, справедливостью несправедливость – значит стать божественным, абсолютным. Это конечная цель жизни, деятельности и творчества человека на земле. Но это

при его жизни сделать невозможно – так устроена многомерная природа человека. Поэтому Спаситель и указал путь спасения человека в борьбе со своими повседневными людскими пороками. Это путь каждодневной, ежеминутной борьбы любви с ненавистью, добра со злом, правды с ложью, знания с невежеством, мира с войной, ума со страстями, ибо всё темное множественно, изворотливо. Это и есть путь духовного обновления и совершенствования. Насколько человек готов к такому духовному совершенствованию – такой путь ему и отмерен. Д.А. Мизгулин говорит, что Спаситель всем воздаст по заслугам. Спаситель придёт, чтобы спасти наши заблудшие души. Так, в стихотворении «Когда всё валится из рук...» Д.А. Мизгулин изображает путь спасения. Это путь к Богу.

Когда всё валится из рук,
Когда душа скорбит в тревоге,
Тогда мы как-то сразу, вдруг
Задумываемся о Боге.

И, безнадёжно одинок,
Застынешь пред вратами ада.
И веришь, что лишь только Бог –
Твоя надежда и отрада.

Но лишь минует срок – опять
Во власти суеты и пьянства…
Не расплескать бы благодать,
Не впасть бы снова в окаянство,

Пока душа ещё жива,
Спеши, спеши под своды храма
И благодарности слова
Не забывай твердить упрямо.

Совесть пронизывает всю общечеловеческую нравственность, является её мерой, мерилом и оценщиком. Совесть является мерой русской духовной культуры, мерой духовной жизни, деятельности и творчества личности. Идеал совестливости – совесть человека святого. Человек, не слушающий (или не слышащий) голос Божий в себе, есть человек со спящей (или сожжённой) совестью, глухой, тёмный, невежественный, грубый, лживый, враждебный, замкнутый и некоммуникативный, живущий в узком пространстве «своей личной» культуры и ограниченном времени сегодняшнего дня. О таких говорят: «ограниченный человек», «бессовестный человек» (или бес совестный), «человек с прожжённой совестью» или «человек без совести». Совесть в сердце, душе и уме человека действует как судья, законодатель, мздовоздатель. Совесть может утвердить Я в своей правости, а может привести к раздвоению, дальнейшему делению Я. Если совесть и душа, совесть и сердце, совесть и ум разъединяются в сознании, поведении и творчестве человека, он впадает в уныние, теряет свою уверенность, делает многочисленные ошибки или, наоборот, становится самоуверенным, циничным, эгоистичным, гордым. Такой человек есть творец дурной множественности в личности, в группе, в обществе. Нравственная культура достигает своих вершин в постоянной борьбе как со своими пороками, грехами, так и своей темнотой, а также с окружающим человека злом, ложью, ненавистью и невежеством, атомизацией в обществе. Нравственная культура духовно ищущей личности постоянно подкрепляется и насыщается энергиями Духа Святого, Русского Духа. Человек нравственный – с открытой душой, активной жизненной и гражданской позицией, боец на идейном и мировоззренческом фронте, не сдающийся, но одерживающий праведные победы. Этот человек не примирим ко всем проявлениям зла, лжи, ненависти, вражды, несправедливости. В вопросах совести он не идёт ни на какие компромиссы. Ибо борьба за утверждение единства против множественности никогда не прекращается в каждом человеке, группе (семье), нации, обществе. Вопрос всегда стоит так: кто кого? В Священном Писании говорится, что Бог сотворил людей по своему образу и подобию.

Он вложил в каждого человека частичку Духа Святого. Бог – это Я, Бог – во мне, Бог – со мной, в моей жизни, деятельности и творчестве. У человека душа, ум и тело даны от природы, Дух – от Бога. Но и сердце, и душа, и ум на любом витке индивидуальной жизни, деятельности и творчества человека, семьи, нации могут «провалиться» в хаос множественных ненависти, лжи, зла, несправедливости, невежества, стяжания, атомизации. Дух Святой, Русский Дух дают сердцу, душе и уму силу и мощь, единство, энергию. А любовь, правда, добро, мудрость, нестяжание, справедливость, мир, гармония не имеют нескольких толкований. Они по своей природе едины. В любом возрасте при открытости и желании, стремлении к любви, правде, добру и свету, чистоте человек обязательно получает от Духа Святого возможность обретения духовности, обретения благодати, духовного совершенствования. Но каждый ли реализует эту потенциальную возможность, каждый ли получает благодатные дары Святого Духа? Нет, не каждый! Только тот, кто имеет веру, тот обретает волю, то есть сам стремится к обладанию этими дарами Духа Святого. Тот, кто стремится к единству, гармонии, полноте в личности, семье, нации, культуре. Путь человека к духовности очень труден, извилист, трудно определяем словами, но чист, светел, благороден и правдив. Человек, вставший на путь духовного совершенствования, прислушивается к себе, открывается сердцем, умом и душой к Творцу, обновляется внутренне, очищается Духом Святым, Русским Духом от всего случайного, наносного, от своих грехов. Понятие греха имеет фундаментальную ценность и должно вернуться в русскую педагогику. Духовность человека – это сопричастность его к святости, это стремление к нравственности, это жизнь по совести, это постоянная борьба с грехами и греховностью в себе и в других, борьба со страстями, с плотскими помыслами, излишними потребностями и желаниями. Духовная жизнь, деятельность и творчество человека – это путь духовного обновления, самосовершенствования, возвышения к Богу, это высший, самый творческий уровень жизнедеятельности на Земле, верный путь спасения человека, нации и культуры. Феофан Затворник выводит следующие степени жизни: «Есть

сторона и степень жизни духовная, есть духовно-душевная, есть собственно душевная, есть душевно-телесная... есть телесная». Человек может жить той или иной жизнью, например, духовной – с духовными чувствами, воззрениями и правилами; душевной – с её понятиями и чувствами; только душевно-телесной жизнью. С этим связаны и направленность, и культура, и качество его жизни и деятельности. Эти стороны жизни воплощены в качествах личности, которые, в свою очередь, проявляются в повседневной деятельности и профессиональном, художественном творчестве личности. Но цель Церкви, цель русской педагогики в том, чтобы человек поднимался по ступеням духовной жизни: от душевно-телесной до духовной. Сейчас отечественный кинематограф рьяно пропагандирует душевно-телесную жизнь со всеми её страстями, низменными потребностями, характерными для деградирующей личности. Как только конфликт в семье, так сразу кто-то из участников конфликта хватается за стакан. У кинематографа уже нет способностей и ума показать драму без стакана. Сцены алкоголизма, наркомании и насилия захлестнули российское телевидение почти на всех каналах. В каждом фильме убивают, режут, насилуют, прелюбодействуют, врут, сквернословят. Так пороки не победить никогда, но развратить молодёжь очень легко. Возникает вопрос: а зачем нам такое искусство? Жизнь и так тяжела, полна драматических страниц и сюжетов, всё проходит перед нашими глазами, а тут ещё и искусство добавляет краски. Искусство должно нести прекрасное, гармоничное, объединяющее, мудрое. Иначе оно вырождается, а вместе с ним и его носители. Такое искусство создаёт для русской культуры «великие проблемы». А нам, русским, нужны «великие дела».

Куда бы жизнь нас дальше не вела,
Доказываем те же теоремы –
Кого-то ждут великие дела,
А остальных – великие проблемы.

Ну, чем не угодил нам отчий дом?
Но вновь простые истины отринув,
До основанья рушим. А потом –
Закончим жизнь в дымящихся руинах.

И мы уже – толпою у дверей –
На выходе. В конце последних сроков
Дай Бог простить слепых поводырей,
Дай Бог простить глухонемых пророков!

Дай Бог прозреть. Хотя бы и тогда,
Когда душа уже не отзовётся,
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно сомкнётся.

Особое место в жизни человека занимает его телесная жизнь, на которой строится и душевная жизнь, в которой растёт и духовная жизнь. Если телесная жизнь в человеке преобладает или доминирует, то человек, как правило, занят своими страстями, думает только о множественных потребностях своего тела, пытается их удовлетворить, что доводит его жизнь до абсурда, до скотства, до отрицания, то есть смерти. Так живёт человек-животное, человек-растение. Такой человек разрушает свою жизнь, сферу своего обитания, всю Землю. Только такая телесная жизнь возможна в человеке без личности, то есть в умственно отсталом, в идиоте, больном и социально опасном человеке. И этот идиотизм (иначе назвать нельзя) нам повсеместно навязывает кучка развращённой художественной и политической элиты во всех СМИ под видом «большой культуры» (!?). Тем не менее, доминирование жизни телесной ещё не распространилось, не заняло видное место в сознании, мышлении и мировоззрении человека даже в советский атеистический период. Советская культура, антирусская в сущности, пыталась выработать свои элементы духовной культуры человека, обществ, классов в целом. Это снимало многие опасные тенденции в развитии советской личности.

Но эти тенденции не закрепились, не стали содержанием Я. Сейчас же, при тотальной пропаганде средствами массовой информации всех видов страстей, похотей, мордобитий, преступности и войн, личность деградирует, раздваивается, делится дальше, теряет свою культуру. Так, В. Костриков совершенно справедливо сокрушается: «Мы обижаемся на то, что в западном кинематографе русских нередко представляют как некий особый тип человека, предрасположенного к пьянству, дракам, буйному веселью, непредсказуемым поступкам. А нужно ли обижаться? Ведь наше «родное» телевидение именно так живописует «Расею». И не только телевидение. В талантливом фильме «Свадьба» женщины во время танцев пьют водяру «из горла». Мы что, все такие?» И далее он говорит: «Телевидение и кинематограф ведут агрессивную атаку на нравственные и семейные ценности народа. Создаётся впечатление, что на культурном Олимпе России власть захватили люди, которым нет никакого дела до духовного здоровья народа. Важна не эстетическая или нравственная ценность «произведения искусства», а то, насколько удобным носителем рекламы оно является. Ясно, что на трансляции филармонического концерта рекламу пива, стирального порошка и корма для собачек не разместишь. Значит, нужны специально «заточенные» под раскрутку ширпотреба «произведения искусства». Когда всё это видишь, невольно приходишь к выводу о культурном геноциде народа. Потребность, возведённая в культ, есть шаг в пропасть страсти, природной необходимости, есть философия смерти, атомизации. А где власть? Где общественность в виде Общественной палаты? А где национально ориентированный бизнес? Нет их или не видно. А потом мы удивляемся: откуда возник бытовой терроризм, почему на дорогах гибнут тысячи людей, почему от наркомании и СПИДа умирают ежегодно сотни тысяч людей. Всё это вырастает из бездуховной, безнравственной, разложившейся и морально деградированной среды. Духовно тёмная жизнь даёт именно такие всходы. Пора остановить этот разгул потребительства, без нравственности, развращённости. Всё во власти нашей элиты. А если её уже нет, если она уже куплена или выполняет

чей-то социальный заказ, тогда что делать? Тогда не будет сил, способных удерживать тело русской культуры и Россию как её составную часть: они распадутся на части. Встал вопрос об элите России: такая элита России, русской культуре не нужна. Сегодня в России телесность в жизни человека стала захватывать одну позицию за другой, что свидетельствует о деградации культуры личности, народа, государства, о разложении целого, потере системности русской культурой. За увлечение телесностью, страстями, ограниченностью советской культуры, за воинствующий атеизм (хотя атеизм имеет такое же право на существование, как национализм, как либерализм, православие) платят нынешние и будут платить будущие поколения русских людей. Последствиями такого однобокого и уродливого образа жизни является в настоящее время катастрофический рост социальных болезней, таких как наркомания, пьянство, детская и подростковая преступность, СПИД, массовая проституция и сексуальные извращения, бездуховность и психические заболевания практически всех групп населения России, особенно молодёжи. Чем глубже человек погружается в телесную жизнь, тем у него меньше шансов преодолеть результаты и последствия этой жизни, душевно или духовно возвыситься над этой жизнью, перейти на уровни душевной и духовной жизни, встать на путь святости. Телесная жизнь в России сейчас чрезвычайно глубоко поразила сознание, мышление и образ жизни всех слоёв населения. Это выражается в главных показателях: угасании духа нации, распаде национального самосознания, демографическом надломе, распаде русской культуры, сужении пространства и ограничении времени русской государственности, потере национальной идентичности и русской идеи. Но что мы слышим в ответ от власти? Робкие высказывания об алкоголизации народа, закамуфлированные слова о наркотизации, преступности, об ужасающем положении со здоровьем нации. Что происходит со страной, культурой, народом, заражёнными ценностями душевно-телесной жизни? Есть и силы, которые понимают тупиковость пути культивирования душевно телесных ценностей в России. Церковь предупреждает власть о неблагополучном

положении в социальной сфере России, о том, чем может закончиться демографическая катастрофа. Мощным инструментом анализа и передачи импульсов в общество является и Всемирный русский народный собор. Так, в резолюции XV ВРНС «Восточнославянская православная цивилизация» в качестве первичных мер развития предлагается «прекратить копирование западных стандартов потребительского по сути образа жизни, что обедняет наши традиции». Не всё в порядке с развитием русского сознания в современной России. В русском обществе остро ощущается необходимость перелома на уровне духа, ума и сознания, на уровне самосознания человека. Необходимо осознание пагубности для русского народа и страны, конкретного человека человеконенавистнического, антидуховного, антикультурного, антинационального бюрократического и коррумпированного курса, проводимого властной элитой, олигархами, более того, вообще политических и экономических реформ в России (имеется в виду – безнравственного, бездуховного курса). Перелом может наступить в ближайшие годы при условии, если демократизация будет соответствовать тому смыслу, который она имела изначально – как власть народа. Она получит действительно новый импульс, станет суверенной демократией тогда, когда СМИ попадут под контроль общества, народов России (а не коррумпированных чиновников всех уровней, не проституирующих политических партий, как думают уже многие в России). Тогда такие социальные институты, как семья и Церковь, наука и образование, право и собственность, усилят позиции в России, тогда РПЦ сможет последовательно реализовывать свою социальную доктрину, объединиться с РПЦ за границей. России, русскому народу необходима русская доктрина, устремлённая в будущее. Авторитет РПЦ в России у русского и других народов среди всех общественных и духовных институтов самый высокий, но Церковь до сих пор не слышат «глухие» чиновники, представители экономической и художественной элиты России. Об этом свидетельствуют регулярно проводимые опросы общественного мнения. Необходима воля русского народа, общества, государства и национальной эконо-

мической элиты России. Чтобы православная духовность и нравственность действительно стали системообразующим фактором русской культуры как системы, её составных частей, необходимы системные изменения в России, связанные с её единением, духовностью, нестяжанием. Русский человек уже понимает, что без сопричастности к святости он погибает, деградирует, нравственно умирает, исчезает с исторической сцены. На место русской культуры придут другие культуры, цивилизации, государства, народы или нации, более сильные духом, трезвые разумом, светлые душой. И они уже приходят, развиваются, захватывают всё новые позиции в культуре, экономике, даже в политике. Скоро, если так будут развиваться события, о России и русской культуре будут говорить только в прошедшем времени. Россию победить извне невозможно, она вырождается изнутри, и в первую очередь – с элиты. Духовность постепенно должна стать (и уже кое-где становится) нормой жизни, деятельности и творчества русского народа. Феофан Затворник считал: «Но когда у кого господствует духовность... он не погрешаем, во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни, между тем как душевный и плотянный человек не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что как-нибудь кто духовен; он не может не давать должного душевности и пламенности, только держит их не жизнь и в подчинении духу». Стремление к духовности – это есть путь борьбы со своими грехами и грехами государственных и общественных институтов, это борьба с системными проявлениями разливающегося зла по телу русской культуры, тьмы, ненависти, лжи, войны, невежества. С плотскими наслаждениями и сладостями жизни. В обществе, в государстве, в русской культуре, как в целом, так и в её составных частях (то есть экономике, искусстве, народном художественном творчестве, политике, образовании и воспитании, праве и др.), эта борьба вечна, как сама человеческая жизнь, пока живёт, работает и творит русский человек. В реформах 1985–1991 гг. в области нравственности и духовности допустили много ошибок, а сейчас мы пожинаем горькие плоды: деградация общественных структур, демографический провал, падение нра-

вов в обществе. Реформаторам можно было ещё до реформ понять, что рыночные реформы, проводимые по моделям Запада, то есть атомизация экономических отношений, бумерангом ударят по всей культуре, и подготовиться к этому удару. Но младодемократы решили неважным считаться с духовностью и нравственностью, традицией и культурой. Для того чтобы остановить эти негативные процессы разложения российского общества, необходимы системные изменения, основанные на духовности и нравственности. Сопричастность к святости, стремление к святости, систематическое духовное и нравственное делание – вот что нужно человеку в процессе обретения им духовного характера, стиля мышления, необходимо для нравственного возрастания и совершенствования. Святость – это идеал русской духовной жизни, деятельности и творчества, конечная цель жизни человека на земле. Святость – это такое состояние русского духа, ума и души, когда они не противоречат друг другу, когда они находятся в гармонии с совестью. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться, когда человек получает свет, несёт добро, мудрость и любовь, и в этом выражается свобода личности. Человеку недостаёт святости как в реальной жизни, так и в мышлении, в общении с людьми, в поведении в обществе, в повседневной и творческой деятельности. Без ориентации на святость людям, наделённым властью, трудно принимать важные для себя и других решения, которые будут способствовать развитию, укреплению культуры, умножению духовности в личности. Ещё труднее чувствовать ответственность за эти решения. Святость есть состояние благодатной божественности, наполненности Духом Святым ума, души и духа человека. Святость есть идея и путь, по которому человек должен идти к своему нравственному возвышению и духовному совершенству, к высшей своей цели жизни и творчества на Земле. Поэтому стремление к святости, сопричастность и прикосновение к святости всегда были характерны для истинно русских людей, вообще для всех православных людей, являлись глубинной сущностью и содержанием, истоком жизни и творчества, являлись смыслом, сутью и целью русского духовного делания и рели-

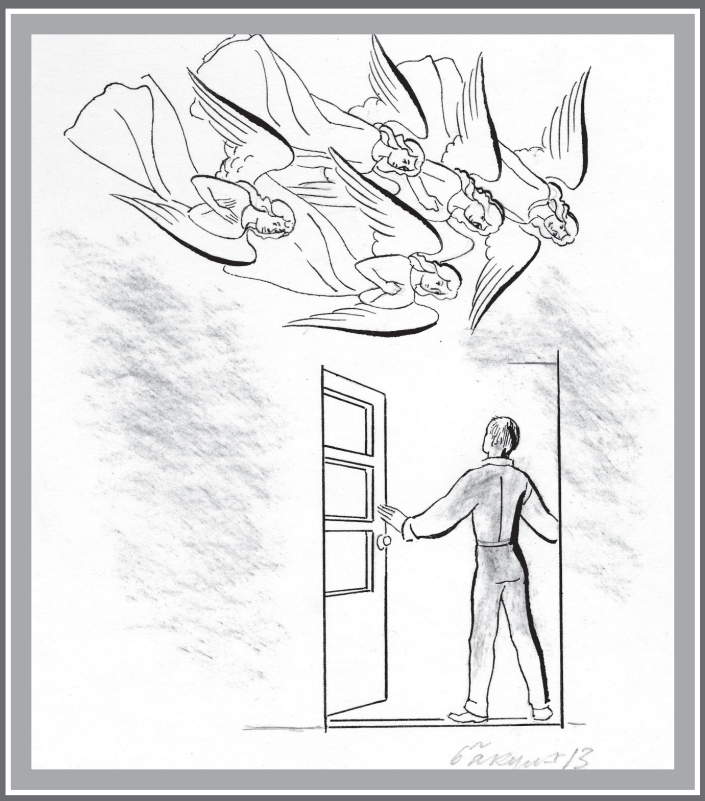
гиозного творчества. Русская национальная культура наполнялась и питалась Духом Святым, божественной совокупностью христианских добродетелей, Русским Духом. И задача сегодняшнего дня – возродить в душе, уме и духе каждого русского человека стремление к святости, к божественности. Возродить стремление личности к Всеединой, Целостной, Бесконечной и Вечной Сущности, к ЕДИНОМУ, желание приобщиться к великим творениям Вездесущего. Д.А. Мизгулин постоянно возвращает читателя на путь Любви, Единства, Добра, Правды, Знания и Мудрости. Это путь к Творцу. Например, когда поэт посетил православную святыню Афон, его душа наполнилась надеждой и покоем. Он лично представил себе, что был на миг спасён «в невежестве своём»:

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.
Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках – монастыри,
Как силуэты гор.
Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.
Смахну беспамятства слезу
Тяжёлою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой.
Я на мгновенье был спасён
В невежестве своём,
В туманной дымке вознесён
Над смрадным бытиём.
Извечной мудрости ответ

Получен мной уже,
Он, как звезды далёкой свет,
Чуть теплится в душе.

Путь к этому есть воцерковление, обретение традиционной веры, возвращение в культурную традицию, испытанную тысячелетиями, обретение религиозной, государственной и национальной идентичности и вечная борьба с системными проявлениями телесности и страстности во всех сферах жизни, деятельности и творчества. Но это не значит, что этот путь есть отрицание новаций, усовершенствований в области техники, экономики, науки, искусства. Одно другому не мешает, даже помогает. Техника нейтральна к нравственности. Она может служить добру и злу, правде и лжи. Поэтому развитию техники необходимо уделять всевозрастающее внимание с тем, чтобы умножить силы добра и правды. Но это отдельная тема исследований. Духовность есть выполнение человеком нравственных норм жизни, норм труда и творчества, то есть норм, зафиксированных в великом источнике жизни – Священном Писании. Эти нормы иначе можно назвать общечеловеческими нравственными нормами, нормами высокой любви, добра, мира, справедливости, правды, соблюдать которые призывает голос мыслителей разных национальностей и конфессий прошлого и настоящего, голос священных текстов. Они есть в каждой национальной и религиозной культуре, в любой сфере профессиональной деятельности. Но в Священном Писании они обрели законченную форму, системность, целостность, гармоничность. Эти знаки, пришедшие к нам из прошлого, показывают путь, которым мы должны идти в будущее. Поэтому нормы и регулятивы, сформулированные в священных источниках, могут служить и должны быть основой человеческой жизни, труда и творчества во всех сферах – культуре, политике, экономике, искусстве, спорте, образовании и воспитании, информации и коммуникации и т.п. Признаками высокой духовности человека являются стремление и умение поступать в соответствии с нормами Священного Писания, другими священными источниками русской культуры.

Независимо от того, кто он – царь или президент, военный или инженер, чиновник или купец, мыслитель или крестьянин, учитель или врач. Профессиональные, а также национальные, возрастные различия ничего не значат. В соответствии с этими нормами жил и работал русский человек на протяжении многих тысячелетий, и особенно после принятия Русью православного христианства. Эти нормы формировали его характер, стиль поведения, бытовую культуру и национальное искусство, экономический уклад, хозяйственно-экономическую культуру. Русский человек, находящийся между природой и духовностью, остро чувствующий это различие, всё больше и больше уходил в сторону последней, одухотворял «вторую природу», наделял её смыслом. Он созерцает, относится и общается с природой и культурой в соответствии с вечными законами духовности и нравственности. Его отношение к природе – это наделение её, природы, духовным смыслом, на деление Космоса и Вселенной духовными категориями. Отсюда возникает совершенно иное отношение, отмеченное печатью Духа Святого, к своему телу, своему Я и своему поведению в обществе в условиях жёсткой природной необходимости. Духовностью пронизана «вторая природа» (или «рукотворная природа»), то есть культура, на протяжении вот уже более двух тысячелетий. Духовность является её системообразующим фактором, источником и основой развития, совершенствования, образования новых направлений и стилей, новых форм и явлений. Мир изменился, культура стала богаче, интеллект человека вышел за пределы Земли, в ближний Космос, но нравственные и духовные принципы жизни, деятельности и творчества не изменились. По крайней мере – их содержание. Единственное, что произошло – они ослабили своё действие на общечеловеческую культуру. Поэтому Мир впал в противоречие множественности, в конфликты, войны, в том числе в самом человеке. Глобализация неизбежна, ибо она есть путь, унаследованный человечеством от ЕДИНОГО. Главное, чтобы этот процесс глобализации шёл не по экономическим законам, а по нравственным и духовным законам бытия.



КОВЧЕГ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Владимир СКИФ,
Иркутск

Какая тишь! В округе
Струится лунный свет.
И недруги, и други
Давно сошли на нет.

Д. Мизгулин

Начну издалека. Со стихами Дмитрия Мизгулина познакомил меня заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев. Если уж вспоминать всё по порядку, то вначале я прочитал подборку стихов поэта и взятое Казинцевым у него интервью («Наш современник», 2005 год, №6), а позже Александр Иванович в своём кабинете на Цветном бульваре подарил мне книгу Мизгулина «География души» со словами: «Стоит с ним познакомиться поближе». И вторично, через год, сам Станислав Юрьевич Куняев в коротком, но очень важном для меня, да и не только для меня послесловии об авторе из Ханты-Мансийска поведал о том, что Дмитрия Мизгулина как поэта просмотрели, и буквально заставил обратить на него внимание всероссийского читателя («Наш современник», 2006 год, №9):

«Когда-то Глеб Горбовский с горечью сказал, вспоминая о “питерском” периоде жизни Николая Рубцова в Ленинграде: “Мы Николая просмотрели”... Вот и замечательного поэта Дмитрия Мизгулина мы тоже просмотрели. Не равняю его с Рубцовым, но “всё же, всё же, всё же...” Слава Богу, он сегодня в полном

здравии и в расцвете творческих сил. Ему в сентябре месяце исполняется сорок пять лет. Мы поздравляем Дмитрия Александровича и желаем ему не сворачивать с поистине выстраданного поэтического пути. Слово "путь" в данном случае не метафора, а сущность. Некоторые стихи из этой подборки написаны поэтом, когда ему было всего лишь 19-20 лет. Можно только удивляться гармоничному совершенству поэтической речи в таком возрасте и какой-то особенной, природной мудрости... Надеемся, что в скором времени мы опубликуем статью, посвящённую творчеству Дмитрия Мизгулина. Слава Богу, нашего полку прибыло. Лучше поздно, чем никогда».

К слову сказать, наш русский национальный журнал я выписываю многие годы и, естественно, читаю его от корки до корки. Даже в самые тяжкие годы, когда в бездну перестройки рухнула страна, и все мы почувствовали этот свистящий полёт в преисподнюю, почти как у Юрия Кузнецова – «сошествие в ад», – даже тогда я, фактически не имея заработка и лишних денег, продолжал выписывать «Наш современник».

В 2005 году, получив шестой номер любимого журнала, я вгрызся, прежде всего, в поэтический раздел. Так уж повелось. Вначале я читаю своих собратьев по цеху, потом публицистику, а затем, простите меня, прозаики, читаю повести или рассказы. Прочитал я Бориса Бурмистрова – поэта из города Кемерово, порадовался его стихам и тому, что обнаружил в Бориной подборке стихотворение, адресованное памяти Юрия Кузнецова, перепечатал его в свою антологию стихов о Юрии Поликарповиче. Я уже давно собираю стихи о Кузнецове. И не только о Кузнецове. Есть у меня такое увлечение: ищу во многих изданиях и собираю антологии стихов о Валентине Распутине, об Александре Вампилове, о Шукшине и о Рубцове. Но не буду отвлекаться. А то получится, как у Марины Цветаевой: «Поэт издалека заводит речь, поэта далеко заводит речь...»

Следующим в перечне поэтических имён этого номера был доселе не известный мне поэт Дмитрий Мизгулин. Я читал, впившись глазами в его строчки:

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звенящих морозных оков.
Лишь солнце пригреет – синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...
Но это – лишь завтра. А ныне –
Промёрзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

Сразу обнаружилась ясная, доверительная интонация поэта, его небудничное отношение к слову. Отметил строчку с ненавязчивой звукописью: «И стонет под ветром и стынет». И тут же, в прошлом – деревенский житель, я порадовался точности описания последнего месяца зимы, его исхода: «Исчерпан февраль без остатка до самых последних снегов...»

Дальше – больше. Вчитываясь в стихи Дмитрия Мизгулина, я понимал, что встретился со стихами настоящего поэта, умеющего и видеть, и слышать не только изменчивую природу, но чувствовать время, его беспрерывное движение и зыбкость окружающего мира, человека и страну, её невзгоды и поражения – всё то, к чему неравнодушно сердце поэта:

Давно не пахнет русским духом –
Проветрено насквозь.
Но будь уверен – где-то ухнет
Могучее «Авось».
Взовьются зорние метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи...

Одно из стихотворений «Какая тишь! В округе..», короткое и ёмкое, напомнило о том, в каком мире мы живём и куда движемся:

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристани дрожат...
Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.

По-своему, по-мизгулински автор выражает надежды на русское спасение, поскольку в этом «А мы ещё плывём» чуется: никуда не делся русский дух, и мы никуда не исчезнем, и не только «мы ещё плывём», а наверняка доплывём до русских надёжных берегов.

В представленной метафоре Дмитрий Мизгулин смыкается с Валентином Распутиным. Как ни горько, ни больно звучит в речи Распутина на получении премии Александра Солженицына 4 мая 2000 года мысль о той истаивающей льдине, на которой мы плывём, она, во что бы то ни стало, превратится в Новый Ковчег и достигнет своего Арарата:

«Чего мы ищем, чего добиваемся, на что рассчитываем? Мы, кого зовут то консерваторами, то традиционалистами, то моралистами, переводя эти понятия в ряд отжившего и омертвевшего, а книги наши, переводя в свидетельство минувших сентиментальных эпох. Мы, кто напоминает, должно быть, кучку упрямцев, сгрудившихся на льдине, невесть как занесённой случайными ветрами в тёплые воды... Так чего же хотим мы, на что рассчитываем? Мы, кому не быть победителями... Всё чаще накрывает нашу льдину, с которой мы жаждем надёжного берега, волной, всё больше крошится наше утлое судёнышко и сосульчатыми обломками истаивает в бездонной глубине. С проходящих мимо блистающих довольством и весельем океанских лайнеров кричат нам, чтобы мы поднимались на борт и становились такими же, как они.

Мы не соглашаемся. Солнце слепит до головокружения, до миражей, и тогда представляется нам, что наша льдина – это новый ковчег, в котором собрано в этот раз для спасения уже не тварное, а засеянное Творцом незримыми плодами, и что должна же быть где-то гора Арарат, выступающая над подобным разливом. И мы всё высматриваем её и высматриваем в низких горизонтах. Где-то этот берег должен быть, иначе чего ради нам поручены столь бесценные сокровища?»

Необоримый, подлинный сын русского народа Валентин Распутин остаётся нашим светочем во всех своих чувствах и гражданских проявлениях, в сердечном бережении русских национальных корней и стремлении спасти родное Отечество. Он – неукоснительный пример для творческого человека.

Мной ощущается, что Дмитрий Мизгулин – рядом. Я это почувствовал сначала в его публикациях, а потом и в книгах, которые у меня появились. Не могли не появиться. И первая из них подтвердила моё суждение о Мизгулине: передо мной – истинный русский национальный поэт с проникновенным, духовным зрением, душевным средоточием и ясной устремлённостью в будущее, которого нет без осознания своего прошлого.

Книгу «География души», вышедшую в одном из самых известных и почитаемых в стране издательств – «Художественная литература», – я читал и перечитывал много раз. И всё приближал и приближал к собственной душе многие пронзительные, чистые строки близкого мне по духу поэта:

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.
И пахнет так резко и странно
От свежей, промёрзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.
И есть ещё время до срока,

Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода.

Здесь мне дороги чувства и приметы наступившей осени: и небо, подобное моему, и журавли, и осока, и тёмная вода – всё это родное, близкое до боли, всё это у меня тоже есть, и так сердечно соприкасается с музой Дмитрия Мизгулина:

Звенит надо мною большое стеклянное небо,
Царапает душу колючая, ломкая высь.
Ещё далеко до осеннего первого снега,
А птицы, как пули, уже в никуда понеслись.

В. Скиф
(Из стихов, посвящённых Александру Казинцеву)

Постепенно моя библиотека пополнялась книгами Дмитрия Мизгулина, и вот уже одна за другой появились «Новое небо» – почти миниатюрная книжечка, изданная московским издательством «Сибирская Благозвонница», затем красивая, подарочная книга «Утренний ангел» того же издательства, следующая книга – «Ненастный день» – была выпущена в Томске с послесловием знаменитого критика Льва Аннинского и, конечно же, с тончайшим вкусом оформленная.

Но самая неподражаемая книга – «В зеркале изменчивой природы» в соавторстве с фотохудожником Аркадием Елфимовым – вышла в 2011 году, изданная Благотворительным фондом «Возрождение Тобольска». Это даже не книга, это совершенное произведение искусства, слиток золота, современный артефакт, уникальность которого неповторима во всех отношениях: книга отпечатана в Италии небольшим тиражом с предисловием блистательного русского поэта Юрия Перминова, продумана и воплощена дизайнером и иллюстратором Василием Валериусом и Полиной Винокуровой, но, прежде всего, эта книга написана сердцем и умом замечательного русского поэта.

Стихи Дмитрия Мизгулина перекликаются с фотоиллюстрациями Аркадия Елфимова настолько гармонично и настолько естественно, что поначалу не верится, что такое возможно. Но, пересмотрев иллюстрации и прочитав стихи, я ещё раз убедился в том, что Аркадий Елфимов – тоже поэт. Ведь некоторые стихи Мизгулина надо было не просто проиллюстрировать, а пережить, вживить в себя, в свои возможности и передать их содержание, воплощённое в цветовую гамму, в восхитительные, порою искромётные, порою сдержанные живописные напевы.

Ну, ладно стихи, к которым по сюжету легко найти фотографию: Рождество, церковь, крыши домов, но бессонница, свет памяти или, допустим, стихотворение «Не хотел бы подводить итоги...» И здесь, в таких смысловых качествах, Аркадий Елфимов оказался тоже на высоте. Все фотоснимки соединены со стихами бережно, мудро, пронзительно. Некоторые из них напоминают картины живописцев, тех же передвижников: Шишкина, Левитана, Саврасова, Поленова, Васнецова, Куинджи, Фёдора Васильева – так они могуче живописны. Вот, например, на странице 162 читаем стихотворение Мизгулина о Боге и душе, о быстротечности воды и жизни:

Жизнь уходит понемногу.
День прошёл – и, Слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы,
Словно след волны угрюмой
На речном песке.

Грузим душу, чем попало –
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою
И с тревогою немою
Мчатся облака.

Сопровождает эти стихи удивительная по цвету и свету, очень точная по соединённости со смыслом стихотворения, ну, прямо-таки картина Василия Дмитриевича Поленова «Заросший пруд». А стихотворение «Когда едва-едва светает...» проиллюстрировано пейзажем, один к одному напоминающим картину Ивана Ивановича Шишкина «Сосны, освещённые солнцем».

Мне кажется, что подобные издания становятся не просто библиографической редкостью, они остаются в неизмеримой вечности единственными и неповторимыми.

Но вернёмся к Дмитрию Мизгулину, который, в моём нынешнем представлении его творчества, действительно неразделим с Аркадием Григорьевичем Елфимовым. Недавно я, как удивительную награду, получил в подарок от издателя мирового класса, каким является Елфимов, книги полюбившегося мне поэта Дмитрия Мизгулина: одиннадцать томов его произведений, собранных в одном поставце – белоснежном полуоткрытом футляре – в оформлении художников Ивана Лукьянова и Александра Бакулевского с предисловием поэтессы Нины Ягодинцевой. А может быть, передо мною не мистический, а реальный ковчег из книг, плывущих к моей душе и уносящих меня для полночного в них обитания?

Читаю первый том необычного собрания сочинений, встречаю те стихи, которые читал и раньше, но читаю как будто вновь:

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.

Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна всё-таки без дна.
Может, всё же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.

Не минуют тёмные напасти –
Бьёт судьба как будто наобум.
Есть расчёт в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.

И поди же, предугадай попробуй,
Где и чья прольётся завтра кровь
В миг, когда соседствуют со злобой
Доброта и вечная любовь.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.

Всё так просто и необъяснимо,
И попробуй догадайся сам...
Дым табачный вьётся мимо, мимо,
Через фортку – прямо к небесам...

Радуюсь стихам, как старым друзьям, и возвращаюсь к первоначальной мысли, вынесенной в заглавие моих высказываний о

том, что поэзия Дмитрия Мизгулина призывает к спасению мира и души, к библейской истине: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся другие». Поэтическое пространство Дмитрия Мизгулина – тот самый спасительный ковчег, который неотступно, целенаправленно движется сквозь бушующее девятым валом житейское море, он призывно сияет всем нам, указывая сердечный вектор русского спасения – быть верными избранному пути, не расставаться с чистотой и глубиной русских смыслов, веками служивших верой и правдой русскому народу.

Что же мне ещё остаётся сказать? Сияй и не только услаждай тихим сумеречным пением, но и страстно воюй за духовный Арарат, за надёжный русский берег, светлый и непотопляемый Ковчег поэзии Дмитрия Мизгулина!

РУССКИЙ ЛАД, ИЛИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МЕТЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Сергей КОЗЛОВ,
о лирике Д. Мизгулина и А. Шацкова,
Ханты-Мансийск

А за окнами – снег и тишь.
И на тысячи вёрст – зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Д. Мизгулин

...Но в мире нет желанней болести
И нет прекраснее пути,
Чем по великой русской волости
Стезёй осеннею пройти.

А. Шацков

Так получилось, что на лекции зашла речь о поэзии Дмитрия Мизгулина. Случилось это перед самым звонком, и осталось чувство какой-то незавершенности. После работы заглянул в книжный магазин. Подошел к непопулярному ныне отделу поэзии. И увидел новую книгу: Андрей Шацков «Осенняя женщина». Стихи поэта знакомы мне давно, рванул сборник с полки, пошёл к кассе. Цена, правда, резанула по нервам: 180 рублей за маленький сборник. Такова ныне цена лирики в Ханты-Мансийске. Вероятно, от этого любовь к поэзии у народа будет расти обратно пропорционально инфляции и падению цен на DVD с голливудской стряпнёй.

Ну да шут с ней, с ценой. За хорошую книгу денег не жалко. Дома с ходу начал читать и вдруг почувствовал продолжение разговора со студентами в аудитории. Художественный мир Шацкова оказался созвучен миру Мизгулина. Нет, они не повторяли друг друга, их строфы были созвучны, сотканы над одними заснеженными русскими полями, пронизаны одними ветрами. Даже ритмика – как совпадение биения сердец. И, как основа, спасительный дух православия, помноженный на лучшие образцы русской традиции и собственный голос. Образные системы Шацкова и Мизгулина не совпадают, но родственны, как могут быть похожи два облака в одном квадрате неба: напитаны единой субстанцией, но выглядят по-разному. Их роднила особая прозрачность и отсутствие всякого излишества. Строфы переплетались, как ноты тонического аккорда, без малейшего диссонанса и обертона.

Ощущение созвучия двух поэтов пришло на морозной ноте русской зимы:

Какая долгая зима,
Какая горькая кручина,
Какая веская причина
От зазимков сойти с ума.

А. Шацков

Такие нынче холода
Стоят в России, что – беда…
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,
Окоченевшие леса
Не ждут пришествия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на «нет»…

Д. Мизгулин

В какой-то момент я понял, что они так близки, что могут продолжать друг друга:

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву,
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву…

Д. Мизгулин

Опять зима за наши за грехи
Великие и те, что весят мало.
Я достаю из ящика устало
Написанные к случаю стихи.

А. Шацков

И сколько мне ещё в пути осталось
Брести среди заснеженных могил…
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

Д. Мизгулин

И может, мне за что-то повезёт
Прожить от одиночества до лета,
Которое пребудет, – и поэта
От хлада одиночества спасёт.

А. Шацков

Это первые и последние строфы одного стихотворения у каждого. Какая знакомая любому русскому – родная хандра! Её бы длить гомеровским гекзаметром, слагая, как эпос, над такими разными, но одинаково бесконечными просторами русской Евразии. Ан нет! Выстреливают ямбом и хореем, близким к народной песне. И все же одиночество Мизгулина несёт в себе надежду православного оптимизма:

А зима – неожиданно, вдруг!
Закружив, налетели метели,
Упорхнула синица из рук,
И на юг журавли улетели.

Одиноко и тихо в ночи,
И не плачется мне, и не пьётся,
Лишь огонь неуёмный в печи
Пылко пляшет и глухо смеётся.

Станет весело мне и тепло,
Всё же зиму встречаю в берлоге.
Вот и с дымом печным унесло
Все печали мои и тревоги.

Грех унынья оставь навсегда,
И удача к тебе повернётся.
И синица родная тогда
Из-за синего моря вернётся.

Ранний Мизгулин ещё более оптимистичен:

Мало ли что выпал снег.
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег.
Посмотри в лицо надежде.

Разумеется, в этой строке зима выступает символом очищения и обновления. Зато у русской зимы Шацкова великая жизнелюбивая неотвратимость:

…О сколько нежности и лени
В снегах, летящих без конца…

Хотя «русское пространство, надсадно кашляя пургой», способно похоронить в себе и врага и друга. На него нельзя «натянуть» кривую ухмылку западной цивилизации или хитрый прищур Востока. Его нельзя изменить, как нельзя изменить вечность. Оно есть, потому что так решил Бог. Именно так русская зима звучит в ответе сибирского ямщика Чехову в его очерках из Сибири:

– Отчего у вас в Сибири так холодно?

– Богу так угодно! – отвечает возница.

И у Шацкова:

Но Божьим промыслом хранимо
Из края в край, из века в век…
Над всей землёй неутомимо,
Неотвратимо падал снег!

И эхом строфе Тютчева оба поэта отвечают через завьюженные дали и прыгающее галопом от стужи время:

На Сретенье – лужи, на Пасху – пурга.
То степи, то чащи лесные.
Что скажешь? – «Россия –
И вся недолга!»
Что сделаешь? Это – Россия.

А. Шацков

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума – тем боле…

Д. Мизгулин

Не унисон, но дуэт. В одном ладу, в одной тональности, по законам русской гармонии.

В стихах Мизгулина и Шацкова много настоящего снега. Зима легко вторгается в весенние, осенние и даже летние пейзажи поэ-

тов, потому как имеет в России особый статус. Пусть немного сойду с параллели, но вспомнился вдруг зимний пейзаж тюменского поэта Михаила Федосеенкова:

Словно зримый отпечаток запредельного,
Проступает родина в заснеженных ветвях
Проявленьем необъятного и цельного,
Протяжённого в веках.

Там чернеют избы
Брёвнами да ставнями,
А из белых крыш растут клубистые стволы,
Породняя с облаками стародавними
Наши бренные углы.

Кружевная эта явь заиндевелая
Как спасение нам брошена с небес.
И звенит дорога словно пустотелая,
И суставами похрустывает лес.

В нём зима предстает как особое константное пространство русского космоса, в котором, кажется, движется только снег. Медленно или быстро… падает или вьюжит…

Такая же кутерьма в зимних стихах Шацкова. В стихотворении «Когда метель по-птичьему крылата» – повторяемое усиление в начале строки метели подчёркивает привычную её неотвратимость:

Когда наступает с душою разлад
И шрамы на теле,
Как часто метели метут невпопад,
Как часты метели.

Метели Мизгулина, напротив, ведут к душевному покою.

Январь. Середина недели.
Стою посредине зимы.
Здесь властвуют злые метели,
Здесь – царство заснеженной тьмы.

Пускай беспросветно пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна…

И этот сон продолжается уже в другом видении зимней ночи:

Понемногу унялось сомненье.
Снег плывёт в пространстве не спеша.
И луны морозное свеченье
Воспримлет скорбная душа.

Зима – это выражение особого постоянства, некое стержневое стояние. Она в буквальном смысле вмёрзла в русскую культуру. Или наоборот – культура протаяла в неё, в эту вечную мерзлоту. Она настолько значительна, что нам приходится делить с ней свои военные победы. Русскую зиму нельзя сравнить с зимою любой другой страны, потому что либо нет таких пространств, где время года выражало бы себя так обширно и всеобъемлюще, либо нет таких природных явлений, которые поглощали бы столько пространства и времени, придавая последнему невозможный для него «status quo». Русская зима обостряет чувство космоса, вселенское чувство. Так и хочется перефразировать: зима в России больше, чем зима.

Стихи Мизгулина и Шацкова, как и многих русских поэтов, рождаются из русской зимы, как морозные узоры на стеклах, как пушистый иней на ветвях, как клубящееся паром дыхание. Зима, можно сказать, это просападосис, то есть кольцо русской поэзии. Но кольцо не простое, а спиралевидное: одна часть русского сознания утопает в сугробах, а другая ввинчивается в стылое

небо. Зима и муза в русском понимании становятся тождеством (налицо и паронимия: зима – муза). То ли муза в образе снегурки, то ли зима как капризная муза… С одной стороны, это образы зимнего очищения, с другой – бесконечная, порой убийственная звёздная ночная стынь в противовес микрокосму человека, нуждающемуся в тепле, обостряющая сезонную хроническую болезнь – одиночество поэта.

Передавать с помощью природных явлений собственное настроение и настроение всего окружающего в художественной литературе не ново. «Мороз и солнце! День чудесный!» – у Пушкина. «Февраль, достать чернил и плакать…» – у Пастернака. И на новом витке поэтической спирали:

Февраль снаружи и внутри,
И ночь – черным-черна,
Едва мерцают фонари
И звёзды. И луна.

Я ощущаю новый век
С тревогой неземной,
И вперемешку – дождь и снег
Овладевают мной.

Д. Мизгулин

Русская зима – не военная хитрость для «забредших» под Москву французов и немцев. Это полгода бытия! Это половина русской истории. И эта половина пропевается в стихотворении Андрея Шацкова «Зима над Россией», где зеркальный – самоотражённый образ зимы обретает, собственно, смысл истории:

Когда над Россией сгущается тьма
И льдом затянулись затоны,
Когда колесит издалече зима
И в такт громыхают вагоны,

Когда бесконечны унылые дни
И после «Прощанья славянки» –
Огни, полустанки и снова огни,
И снова в огнях полустанки…

Ни Гришка Распутин, ни Тушинский вор
Тобой не управят вовеки.
И птицы весной возвратятся на двор,
И тронутся стылые реки.

Зато холод русскому человеку не страшен («Наша русская кровь на морозе горит» – И. Никитин). Вселенский холод растапливается русскими печами:

Непроглядны сумерки под ёлками.
В таинстве рождественской ночи
Холода сквозят меж рамы щёлками,
Щёлкают поленьями в печи.

А. Шацков

Ибо русский человек знает, что делать при наступлении холодов:

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь – целый день в заботах,
Так, что кружится голова, –
Покрасил заново ворота,
С размахом напилил дрова,

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь не спеша к забвенью,
Как к продолжительной зиме.

И тогда:

Но в сугробы страхи и сомнения
Опадут, как прошлого листва.
В полночи высокое мгновение
Светлого начала Рождества.

А. Шацков

Ожидание весны и праздник её прихода – это особое поэтическое состояние.

Брызжет даль белизною и паром.
Свежий воздух пьянит, как первач.
По поляне блестящим гусаром
Проскакал одуревший косач.

А. Шацков

Предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет, как сумрак тумана
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.

Д. Мизгулин

В судьбе обоих поэтов Санкт-Петербург играет особую роль. Опять же – северная столица. Шацкову «…чудится айсбергом Питер на масляной невской воде». А есть ещё в этом сборнике «Декабрь в Ленинграде» и «Северо-западная элегия».

Для Мизгулина Петербург – вторая Родина. Петербург Мизгулина населён предшественниками:

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.

А ещё здесь же Пушкин, Рылеев, Тютчев, Грибоедов, Фет, Бестужев-Марлинский…..

Поэтам либеральной ориентации о любви к Родине в буквальном смысле говорить стыдно. Ну, стыдно, будто украл чего. Да и по статусу не положено. Правда, часто от них приходится слышать, что они тоже любят Россию, но по-своему, по-особому! Так и хочется продолжить мысль: мама, можно я тебя буду любить не просто и открыто, а по-особому, а на людях буду над тобой подсмеиваться? Понятное дело: права человека (то бишь свои права) и общечеловеческие (установленные по западному образцу) ценности любить выгоднее и приятнее. А тут любовь, по их меркам, безответная….. Им это непонятно, как непонятен им Пушкин в стихотворении «Клеветникам России». Один из них ответил на мой вопрос: «А за что её любить, Родину? Зимой – снег, летом – гнус, осенью – хмарь, весной – грязь и всегда – нищета...»

Шацков и Мизгулин рифмуют свою любовь без оговорок, хотя и без партийного рвения и накала, любят её такой, какая она есть, такой, какая она будет, такой, какая была.

И знать откуда было мне,
Что оборотни взгляды вперили
В то, что любил в своей стране —
Великой и больной империи.

Наверное, я верил зря
В то, что сейчас зовут застоем.
Но были книги и друзья,
А остальное всё – пустое.

Лишь «Русь за нами!» – ратей крик
В дали мерещится туманной,
Лишь «незнакомки» Блока лик
Манил в былое неустанно.

А. Шацков

Встрепенёт притихнувшую душу
Тот мотив знакомый и простой:
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...

Ох же и хлебнули мы отравы,
Закружилась круто голова,
Изменились времена и нравы,
Потускнели чувства и слова.

Нам привозят яблоки и груши
Из-за океанской стороны,
А голубоглазые Катюши
Нынче по Европе – в полцены.

Д. Мизгулин

И если над страной случилась зима, что тут сделаешь? Что сделает русский человек? Перезимует. Осыплются, как жухлая листва, лживые пророки, дворники подметут политические программы, новый виток русской истории неприглядно ляжет в школьные учебники, и останется только Слово…

Главное,

...чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы.

Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

А. Шацков

Для Мизгулина и Шацкова поэзия – это не просто «служенье муз», это – поле духовной брани, где на протяжении драматической истории нашей страны мы потеряли не одну роту поэтов. И подобно «Я вернусь» И. Талькова в песне, что стала прощальной, Андрей Шацков верит в свое возвращение:

...Мы ещё вернёмся с той войны,
Где стихи – горящий край Державы.
И пройдём по россыпи листов
Пасквилей, доносов и наветов
И не хватит Родине крестов –
Как наград посмертных для поэтов.

Нет, их не мучает пресловутый вопрос Чернышевского «Что делать?» И одноименную работу Ленина они в своё время, уверен, тщательно конспектировали. Со времён Петра мы ломились в Европу то через прорубленное им окно, в которое налетело больше воронья, то шли, выламывая ворота под красным флагом, то – на плечах завоевателей России, то просто скулили под забором международного валютного фонда… А в Европу нас «не брали», и сейчас не возьмут. Что делать? Спросите у русских поэтов, они знают…

Опять не взяли. Слава Богу!
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь, проверенной дорогой,
Спеши обратно в русский рай,

Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

Д. Мизгулин

Это знание сопряжено с особым пониманием мессианского пути России. Об этом знании писал Дмитрий Галковский: «Русские – вечные подростки, доноры», или его же сравнение каждого русского с Христом… Это понимание отнюдь не сродни идее социалистической вакцинации всех стран, которую пытались навязать России. Это знание о другой – удерживающей России. Удерживающей мир на краю апокалипсического времени и пространства.

Здесь же всё останется, как было:
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.
Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Д. Мизгулин

НЕТ, НЕ ИСЧЕЗНЕТ РУССКИЙ ДУХ...

Игорь ДЕОРДИЕВ,
Санкт-Петербург

... Но, собирая прошлое по крохам,
Я всё же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытиё.

Д. Мизгулин

В давние времена развитию поэзии активно способствовали народные песни и музыка, формировавшие стихотворную ритмическую речь, отличающуюся высокой эмоциональностью, богатым спектром интонаций, звуковым разнообразием. К сожалению, в последние годы масса пишущих в поэтическом роде или небрежны, или пишут ни о чём. Поэтому появление любого поэтического дарования вызывает несомненный интерес у всех, кто ценит художественное слово.

Именно к таким талантливым литераторам мне хотелось бы отнести поэта Дмитрия Мизгулина, сочиняющего стихи в традиционном стиле.

Хочу остановиться на двух последних книгах Дмитрия Мизгулина – «Зимняя дорога» (1995) и «Скорбный слух» (2001). С первых страниц его книги увлекают и затягивают читателя в непростой и одновременно ясный поэтический мир.

Стихи его лаконичны и, несомненно, близки многим по духу. Они полны света. Солнечный свет придаёт им особый оптимизм, а лунный свет – мелодичность и грусть. При этом необходимо отметить повторяемость определённых тем и образов, зависимость автора от поэтического рельефа, встречаемого на пути его лирическим героем.

Мысли автора порой напоминают ручейки, заполняющие ложбинки, трещинки, овраги, колеи... Однако они никак не могут разлиться по всей поэтической площади. Поэт словно привязан к некоторым образам: душа, фонарь, луна, дорога, ночь и т. д. Часто можно встретить словосочетания: мерцание фонарей, тусклая луна, тускло мерцающий и т. д. Вероятно, красота звучания этих слов и некоторая их таинственность слишком заворожили автора, в результате чего он раз за разом обращается к одним и тем же образам. Хотя тот, кто прочитает его книги, сможет убедиться в высокой образованности и широком кругозоре поэта.

Следует отметить, что духовное начало – главное в поэзии Мизгулина. Вера в Бога и любовь к Родине – тот фундамент, на котором твёрдо стоит автор. Откровенность и искренность строк не позволяют усомниться в этом:

И если дрогнешь, всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

Поэт мечтает изменить мир, который опутала дьявольская паутина. Не стало ничего святого, люди озлобились и потеряли веру, души зачерствели:

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

Не сомневаюсь, что поэт Мизгулин сумел обрести Веру, и она его не покинет. И, может быть, от горящей свечи поэта загорятся другие свечи, которые светят людям, посетившим храм Божий и храм поэтический:

Пусть мерцает в мирской ночи
Тусклый отблеск моей свечи.

Тяжела судьба России. Кто-то её предал, а кто-то просто разворовывает, а кому-то всё безразлично:

В такие дни сомнений и тревог,
Когда кипит невидимая битва,
Пусть душу укрепит мою молитва,
И да спасёт нас милосердный Бог!

И в прежние времена над нашей страной сгущались свинцовые тучи и, казалось, что гибель близка... Однако всегда находились истинные патриоты и светлые головы, способные отстоять свою землю и изгнать врагов. И сейчас наступила проверка людей на прочность:

Не подвластен истории ход.
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.

Поэт выступает как настоящий патриот России. Во многих стихах он бичует всякую нечисть, действующую внутри страны и за её пределами. Стихотворец не прячется за витиеватые рассуждения о добре и зле, а встаёт в первые ряды армии справедливости:

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнётся земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля...

Даже для такой сложной тематики, как военная, у стихотворца находятся своя мелодия, свои образы, это касается и послевоенного времени:

В небесах над моей головой
Облака проплывают, беспечны,
Зарастают траншеи травой,
Но, как шрамы, останутся вечны,

Но, как старые раны, болит
Наша память, и если вглядеться,
Лист осиновый кровью облит,
И куда нам от этого деться...

А вот, например, четверостишие о революционном периоде с его волнениями, идеологической неразберихой. Буквально в четырёх строках автор воссоздаёт точную картину того времени:

Февраль. И оттепель опять.
И площадь щерится брусчаткой,
Как будто вновь эпоха вспять
Бредёт во мгле походкой шаткой.

Обычно приятно говорить: «Конец – делу венец!» Вот и в стихах Мизгулина, на мой взгляд, очень важны удачные концовки. Можно сказать, что они у него продуманы и «сделаны»:

Вечную мудрость будут хранить
Камни в суровой печали...
Если бы только могли говорить,
То всё равно бы молчали.

Ни одного поэта не украшают вечная тоска и нытьё. Прекрасно, когда есть строки, наполненные оптимизмом и надеждой на лучшее, с чем мы и сталкиваемся в книгах Мизгулина:

Наладится жизнь понемножку,
Вернётся державная стать.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Лучше и не скажешь! Мирная жизнь – жизнь созидательная. И автор нашёл самый понятный образ для русского человека, самый жизненный и ударный. Картошка – это наш хлеб...

Во многих стихах автор, уходя в глубокую философию, всё же остается обычным человеком, который просто понимает суть жизни:

Конечно, вечность – это вздор.
Ты прав, конечно, всё пройдёт.
Но всё же, где горел костёр, –
Трава годами не растёт...

Русскому человеку во все века выпадало немало испытаний – это нам известно из нашей истории. В борениях с трудностями вырабатывался особый русский характер, который позволял выстоять. Поэтому страшны не сами трудности, но потеря самих себя. Об этом пишет Дмитрий Мизгулин:

И пусть кругом все люди – братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи – не платья,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примиряясь,
Утратим зрение и слух.
И растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух...

Насколько мне удалось уловить, читая книги Мизгулина, русский дух исчезнуть не должен! Слишком у нас всё взаимосвязано: человек – природа, трудности – надежды, слёзы – радость, печаль – творчество. Мы терпеливы и благодарны. И природа у нас такая же:

Чуть слышны птичьи голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Поэт очень редко рисует просто пейзажи, обычно в них чувствуется неразрывная связь с человеком и состоянием его души:

Грянет ночью сумрачной мороз.
Мягко лягут первые снега,
И среди заснеженных берёз
Зазвенит весёлая пурга.

И забьётся сердце не спеша,
Мягко снег кружится, не спешит,
И ледком затянется душа,
И снежком её припорошит.

ЧАС ДУХА И ДЕНЬ ДУШИ

Максим ГРАНОВСКИЙ,
альманах «Молодой Петербург», 2009

Традиции. Вера. Устои.
А нам говорили – пустое...
А нас уверяли – прогресс...

Д. Мизгулин

1.

В долгие рассуждения погружаешься, читая книги стихов Дмитрия Мизгулина, хотя все они, в сущности, касаются одного вопроса: кто мы? Что с нами происходит? Где кончается «Мы» и начинается «Я»?

Места для боли в душе не осталось,
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было – и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
. . . . . .

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнётся земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

Сильно. Так кто же мы? Отдельно взятый человек – кто он? Маленький осколок в большой мозаике лиц и характеров, или он сам – нечто большое и цельное? Вообще, что делает человека носителем монокультуры, единой народной общности? Что заставляет его чувствовать кровную связь с предками? Что заставляет его понимать, что в нём соединяются сотни других человеческих родов, объединённых общими ценностями? Что способствует ощущению полёта живой искры одной большой, ещё до конца не проявленной идеи через весь его народ, вертикально, из поколения в поколение? Что способствует пониманию того, что горизонтально, рядом находятся люди, говорящие на одном языке образов и нравственных понятий? Что сплетает нас в этот «канат народа»? Язык? – Нет. Язык без единых общепринятых этических символов – не более чем носитель информации.

Общие пережитые беды? Общая история? Нет, она чаще разъединяет, да и сама кажется производной отчего-то тайного, глубинного, большого.

Только вера объединяет людей в понятие – Народ. Вернее, общность этических и эстетических принципов, порождённых верой. Народ, общество формируют человека. Круг замкнулся. В этой живой, замкнутой системе рождается история. Последующее отрицание веры уже не может стереть выращенных верой мер измерения добра и зла, честности и бесчестия и т. д. Мизгулин пишет: *«Уплывает в небеса / Незасеянное поле...»*

Есть для народа опасность страшнее огульного отрицания веры. Это опасность отказа от народной традиции, личной самоидентификации во имя некоего мифического «общечеловечества», новой языческой религии, охватившей Запад и упавшей теперь на

перепаханную, но не засеянную русскую почву. Бог этой религии – культ личного «Я», идея этой религии – потребление, царство тотального мещанства. Адептов этой религии в России теперь много, все они, как на подбор, общечеловеки и антитоталитаристы. И вот уже я слышу от молодого человека, именующего себя поэтом, фразу: «Мы же не какие-нибудь православные, чтобы писать на патриотические темы».

Спор западников и славянофилов в России не затухает давно, но беда в том, что теперь это уже не столкновение двух исторических концепций с огромной религиозной подкладкой, ведь нынешний спор – не о духовной судьбе России, в нём нет высоких интеллектуальных помыслов, великих фантастических догадок и романтизма тоже нет. Теперь западничество сплошь прагматично. Парадоксально, но первым это увидел Герцен: «Мещанство – последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности. С мещанством стираются личности. Мещанство – конечная цель нынешней западной цивилизации!» А вот и другой западник – Тургенев: «Я должен сознаться, что всё это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Общий уровень нравственности понижается с каждым днём – и жажда золота томит всех и каждого». А куда отнести Пушкина с его высказываниями и в ту и в другую сторону? С таким, например: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству, большинство, нагло притесняющее общество, рабство негров посреди образованности и свободы… Такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

В конце XIX века Константин Леонтьев писал: «Не ужасно ли, не обидно ли думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны… что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели для того только, чтобы французский, немецкий, или

русский буржуа благодушествовал бы коллективно или индивидуально на развалинах всего этого прошлого величия?»

Для России настаёт час её судьбы, её нового выбора. Впереди революция серых общечеловеков. Новый духовно-нравственный разгром России. Надо помнить Достоевского, сказавшего, что «русский человек без Бога – дрянь».

Но поговорим о стихах. Написать хороший гражданский стих – дар редкий. На мой взгляд, гражданский стих – дело очень тонкое, в нём легко сорваться, перейти от великой идеи к частностям, начать поучать читателя, навязывать свои взгляды и ощущения, а читатель у нас опытный, он не хочет, чтобы его поучали, он хочет поучаствовать в переживаниях, сопереживать по-настоящему, ощутить лично. Не обошёл искуса морализаторства и Дмитрий Мизгулин. После замечательного по индивидуальному ощущению стихотворения «Места для боли почти не осталось» поэт пишет и другие, до боли правильные гражданские стихотворения, но в них ощущение индивидуального «Я» растворяется в огромности описываемых событий, переходит в некое коллективное «Мы»:

И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

Или:

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа…

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть.
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

Вот именно от механического превращения «Я» в «Мы» поэту необходимо держаться подальше и сосредоточиться на интим-

ном переживании, тем более что здесь у Дмитрия Мизгулина есть большие удачи. Посмотрим, как обобщённый образ, застывший и нединамичный, переходит в живой и непосредственный:

Весь век в лакейской у Европы,
Понуря голову, стоим,
Но нынче, видно, и в холопы
Навряд ли с ходу угодим.
. . . . . .
Опять не взяли. Слава Богу!
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь, проверенной дорогой,
Спеши обратно в русский рай,

Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

Мизгулин подмечает очень важную вещь – суть текущих проблем страны непосредственно связана, как ни странно, не с внешними обстоятельствами, а с внутренним состоянием конкретного человека.

Суть русских проблем состоит в том, что, не принятые Западом, мы согласились с навязанной им новой языческой системой ценностей. Слово в высоком понимании мысли, логоса перестало быть сакральным, подверглось девальвации, пересмотру, также как и универсальная христианская мораль:

Как много слов мы говорим подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещий Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли.

Или:

И в бездну тысяча чертей
Россию тащат…
Но раньше всё-таки детей
Рожали чаще.

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны.

Не всякий знал и в те года
К любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

Некрасовская тема! Невозможно представить себе, чтобы в 2009 году художник мог бы написать картину «Видение отроку Варфоломею». Лики жителей Святой Руси пришлось бы по монастырям искать.

Давно не пахнет русским духом –
Проветрено насквозь.
Но будь уверен – где-то ухнет
Могучее «Авось».
Взовьются зорние метели
В рождественской ночи
И обезумевший Емеля
Промчится на печи.

Но есть чувство, что после всей сегодняшней неустроенности человек эпохи потребления наестся ею вдоволь, почувствует её внешнюю пустоту, и вернётся к внутреннему созерцанию себя. Так случалось в истории. Весьма показателен пример Рембрандта, его разорение и нищета. Перед художником однажды после шумного успеха пустых картин встала новая правда – правда лиц, изуродо-

ванных старостью, нуждой, тревогой, но прекрасных повседневной человеческой добротой и благородством. Рембрандт, прежние картины которого продавались по фантастическим ценам, лишился своего состояния потому, что творческий поток не оставлял ему времени на заботу о сохранении своего имущества, и, казалось бы, художник мог двумя-тремя картинами в своём прежнем, так дорого ценившемся стиле вернуть себе если не богатство, то зажиточность. Однако новая правда, от которой запросто мог бы отступиться меньший художник, не отпустила его от себя.

И он не только стал, но и остался нищим. И вот эта вторая, нищенская (и высочайшая) половина жизни Рембрандта куда интереснее первой. Он пишет старух, пожилых людей с небритыми щеками, солдат, прачек, и во всех этих людях есть какое-то скрытое, несокрушимое благородство, спокойствие, непротивление злу, то, что мы сейчас зовём гуманизмом.

Это главное у Мизгулина – тихий свет и вера в то, что всё ещё может быть хорошо, только бы самим измениться. Ведь:

Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День сошествия Духа Святого.

А потом и всё остальное потихоньку сдвинется, изменится:

Лежат снега. И в царствии тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

В древнерусской литературе встречается переходящая из летописи в летопись фраза: «По попущению Божию, за умножение грехов наших случилось» (нашествие, мор, смута и т. д.).

«Надо всего только в человеке разрушить идею о Боге – вот с чего надо приняться за дело!» – сказал чёрт Ивану Карамазову. «Человек возвеличится духом титанической гордости и явится человекобог. Ежечасно побеждая уже без границ природу волею

своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение, столь высокое, что оно заменит ему прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог. Мало того: если даже период этот никогда и не наступит, то, так как Бога и бессмертия всё-таки нет, новому человеку позволительно стать человекобогом, даже хотя бы одному в целом мире. В этом смысле станет ему всё позволено – для Бога не существует закона! Где станет Бог – там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место – "Всё дозволено"».

2.

Но всё же не кончена битва,
Ведь где-то вершится молитва,
А, стало быть, Русь устоит…

Д. Мизгулин

Но там, где «всё дозволено», свободы-то и нет! Свобода – это труд, освобождение от собственного, личного рабства, чистая совесть, великое пробуждение. Это новые открытия, познание себя и окружающего мира. Везде, в абсолютно любом событии может идти работа души, чувства. Надо только это заметить, ощутить на высоком уровне:

Та женщина жила неподалёку
От старого дворца бакинских ханов…
А в комнате был низкий потолок,
И окна выходили прямо в небо
И в море, что мерцало на рассвете,
И горизонт светился бирюзою.
И воробьи ещё в пыли купались;
И корабли качались у причала;
И властно возвышались минареты;
И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность…

А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рожденьем…
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зелёною водою…

Как всё работает! А вот и работа духа появилась:

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

После таких строк хочется пофилософствовать.

В чем причины эмоционального воздействия стихотворения на читателя?

Сущность художественного эффекта скрыта в совокупности факторов развития человека, как единственно неповторимых, так и постоянно повторяющихся с момента осознания себя. Общих символов для всех, начиная с простых: день, тепло – хорошо, ночь, холод – плохо и т. д.

Различные цивилизации, не зная друг друга, совершенно независимо развили богатейший язык метафор. Поэзия почти всегда воспринимается эмоционально, это свидетельствует о существовании общей, внеисторической системы эмоций, заложенной в большинстве людей. Читатель почти никогда не сможет объяснить, почему этот стих произвёл на него разящее впечатление и понять метод, которым поэт достиг такого впечатляющего действия. Таким образом, поэзия даёт возможность поэту кратчайшим образом, подобно математической формуле, описать необычайно важные и ёмкие общие закономерности. С другой стороны, поэзия даёт возможность слушателю познать все эти закономерности в эмоционально-потрясающей форме.

Вот, например, одно из лучших стихотворений Дмитрия Мизгулина:

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства.
У молодости превосходство –
Без слёз беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далёкий…
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
И в пустоте дневного храма
Затеплю жёлтую свечу
И помяну отца и маму.

Мопассан писал о Флобере: «Он был непоколебимо убеждён в том, что какое-нибудь явление можно выразить только одним способом, обозначить только одним существительным, охарактеризовать только одним прилагательным, оживить только одним глаголом, и он затрачивал нечеловеческие усилия, стремясь найти для каждой фразы это единственное существительное, прилагательное, глагол».

О том же пишет Мандельштам: «Зрелище математика, не задумываясь возводящего в квадрат какое-нибудь десятизначное число, наполняет нас некоторым удивлением.

Но мы слишком часто упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно уплотненной реальности».

Кроме того, художнику необходимо заметить вещь, вроде бы всем знакомую, привычную, и вывернуть эту вещь наизнанку, очеловечить, показать непроявленную суть и настоящее предназначение этой вещи. Такова «Баллада о старой лестнице»:

Парадная лестница старого дома
До каждой щербатой ступеньки знакома.
И стоит лишь в окна немые вглядеться,
Как вспомнится сразу далёкое детство…

От невского берега веет прохладой,
Шумят тополя поседевшего сада.
Трезвонят трамваи, как прежде бывало,
Вздыхают – и снова в дорогу устало…

Я знаю, что в прошлое не возвратиться,
Но пух тополиный, как прежде, кружится,
И что-то припомнить я всё же пытаюсь,
И я возвращаюсь, и я возвращаюсь

В тот мир, что навечно в душе берегу,
Где я ничего объяснить не могу,
Где я ничего ещё не понимаю,
А только внимаю, а только внимаю…

И я поднимаюсь туда постепенно.
С трудом поднимаюсь по старым ступеням.
Щербатые стены…
Покатые крыши…
Всё выше и выше,
Всё выше и выше…

Неодушевлённый предмет, образ, становится точкой опоры для начала понимания существа одушевлённого, ступенью для последующего осознания действия множества законов окружа-

ющего мира, ведущих к пониманию нерушимых законов в самом себе.

Окружающее пространство неизбежно становится средством для умножения пространства внутреннего. Речь о духовном пространстве.

Жизнь является движением по лестнице. И это тоже закон.

И открывается настоящий путь человека. Всё выше и выше. От человекобога к богочеловеку.

РЕКА, ВПАДАЮЩАЯ В НЕБО

Александра ПЕТРОВА,
журнал «Книжное обозрение»,
рецензия на книгу Д. Мизгулина
«В зеркале изменчивой природы»,
июнь 2012

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый –
Какая большая вода,
Какие высокие ивы,

Плывут, не спеша, облака,
И в небо впадает река.

Д. Мизгулин

Поэзия XXI века – преимущественно мятущаяся, остроугольная, плотская, одержимая страстями – «тихих лириков» отодвинула на второй план, спрятала за кулисами своего эстрадного карнавала.

Жизнь духа стала – модой, пародией на самоё себя. И позабылось как-то, что стихи могут рождаться из молитвенных движений души, с верой в милосердие Божие. А между тем – *«Земные дни во мгле верша, / О небе думает душа»*.

Не поймите меня превратно: книга Дмитрия Мизгулина вовсе не сборник стихов собственно церковного толка – и даже припорошённый снегом утренний ангел *«...спросит тихо – как дела, / Совсем как человек»*. Тут скорее уместно говорить о «надобыденных» размышлениях о мире, о судьбе, о способности к сосредоточенному сердечному созерцанию – тех самых атрибутах духовной

поэзии, вдохновлённой желанием высказать внутреннее житие, личные переживания, обычно сокрытые от посторонних. О поэзии, ищущей отклика открытого сердца, преодолевшего стихию страстей. Редактор и составитель сборника Юрий Перминов говорит в предисловии: «Кто внимательно прочтёт русскую поэзию, поймёт, что суть этого пути предельно проста и раздражает только духовно-бесчувственных смердяковых. Ибо суть – душеспасительная. Константин Леонтьев признавался, что его влечёт не страдающее, а поэтическое человечество. Это и есть Россия, и так её чувствует Дмитрий Мизгулин…» Никакого спора «личности с эпохой»: *«Не решай судьбу иных столетий, / Не гадай о будущем в тоске, / Слушай, как степной полынный ветер / Говорит на русском языке…»* И никакого менторства! Валерий Хомяков в статье «Вехи памяти» пишет: «Святость горнего мира, к которому стремится лирический герой, это нелёгкий путь, путь сомнений, ошибок и падений. Не отсюда ли та "немая тревога", с которой мчатся облака? Ибо внутренний труд по очищению своего сердца от соблазнов очень тяжёл. И поэт не учит, не изрекает высокие истины, не встаёт в позу проповедника – он сам проходит этот путь, сам ищет духовные опоры».

«Всё смешалось – счастье и невзгоды, / За туманной гранью бытия / В зеркале изменчивой природы / Сам себя узнаю вряд ли я…» Но саму книгу в череде иных поэтических сборников «не узнать» невозможно: она издана, что называется, на стыке жанров, и авторами равно могут быть названы фотограф Аркадий Елфимов, книжный график Василий Валериус и дизайнер Полина Винокурова, слившие стихи и фотографии в единую художественную сущность. Приём не новый – и даже популярный, сродни видео- и музыкально-поэтическим инсталляциям. И стихи, и изобразительный ряд могли бы прекрасно существовать сами по себе, но их единство только усиливает эмоциональный фон книги: образы оттеняют мелодику слов и «давно забытые детали» возвращаются – на крыльях бабочек. А главным, по-моему, является самое простое определение: это – красиво!

МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ

Лениза ШЕЛКОВАЯ,
Тобольск

Такие нынче холода
Стоят в России, что – беда...
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,
Окоченевшие леса
Не ждут пришествия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на нет...

Д. Мизгулин

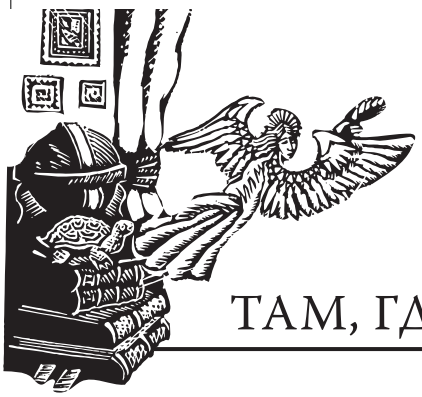
Музыка и поэзия связаны воедино. Музыкальные образы найти очень сложно. Интересные поэтические образы помогают детям исполнять музыкальные произведения. Стихи и музыку многое объединяет. Музыкальный размер, то есть равномерное чередование сильных и слабых долей времени в музыке близко к значению того же слова в поэзии. Иногда стихи помогают в подтекстовке музыкальных фраз. Но самое важное объединительное начало – душа.

Поэзия Дмитрия Мизгулина, передаёт внутреннюю сущность человека, интонации речи. Её можно услышать в музыкальных интонациях: в повторах, синкопах, даже в диссонансах. В подготовке тематических концертов я многократно использовала стихи из сборников «Две реки» и «География души». Стихотворения дополняют содержание произведения, усиливают общее впечатление, особенно от картин природы:

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.

Тоже самое можно сказать о поэзии Дмитрия. Она красива, изящна, легка. Она близка к музыке, ощущается какое-то прикосновение волшебства, точное попадание в настроение, состояние человека. После концертов слушатели подходят и интересуются, чьи стихи звучали перед исполнением пьес, как точно и близко они раскрывают содержание произведения. Музыка философична, заставляет думать и размышлять.

Мои краткие рассуждения по поводу соотношения музыки и поэзии ни в чём не претендуют на исследования в литературоведении, одно точно знаю: когда поэзия достигает наивысшей красоты, она приближается к музыке.



ТАМ, ГДЕ АНГЕЛЫ ПОЮТ

Инна КУСТОВА,
«Литературная газета» №51,
16 декабря 2009

Нам всем необходимо постоянство,
Но постоянным в мире быть нельзя.
Незыблемо небесное пространство…

…Смотри на мир, прекрасный и обычный,
И радуйся светящимся листам.
Д. Мизгулин

Стихи Дмитрия Мизгулина, вошедшие в новую книгу «Утренний ангел», разделены на 15 разных циклов: «Ветер странствий», «Город на Неве», «Судьбы людские», «Времена года», «Друзей услышу голоса» и другие, но есть в них общее направление. Автор выступает как исследователь человеческой души, в первую очередь своей. Душе ведь свойственно трудиться… Она обретает опыт богопознания, стремится к совершенству и чистоте и выражает себя через поэзию. Мизгулин не учит, как надо, он сам учится. Созерцая мир, познаёт его:

Сентябрь. Дождь. Мерцание залива.
Звенящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.

Сомневаясь, совершает открытия:

И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.
А было ли? А было ли? Едва ли…
А будет ли? – Не будет никогда.

Но всё же вспоминаешь почему-то
Звенящий лес, пустующий причал.
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

Верует трепетно, осторожно – без надрыва и кликушества, понимая несовершенство человеческой природы и пытаясь приблизиться к тому, как должно. Борется в себе с унынием, порождённым общечеловеческой усталостью и одиночеством, ведь поэзия и есть продукт внутреннего одиночества.

Так он обращается к лирической героине:

…Забуду расставаний му́ки,
И пусть душа наивно лжёт –
От суеты и от разлуки
Судьба меня не бережёт…

…Мне одиночество знакомо,
А ваша дружба ни к чему.
И я спешу навстречу дому –
Единственному, своему…

Оттого грусть в его стихах смиренна и оставляет надежду на лучшее:

Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.

Стоит отметить, что тема верности семье прослеживается во многих его лирических стихах: поэту свойственно выдумывать чувства, они рождают вдохновение, появляются строчки, а настоящая жизнь – рядом с женой и детьми.

Поэзия Дмитрия Мизгулина отражает его стремление к небесному Отцу, выраженное в любви к Родине, к ближнему своему. Автор испытывает вместе с ними боль и радость, поражение и гордость.

…Вдруг замру у тревожной черты,
У заросшей травою траншеи…

И далее:

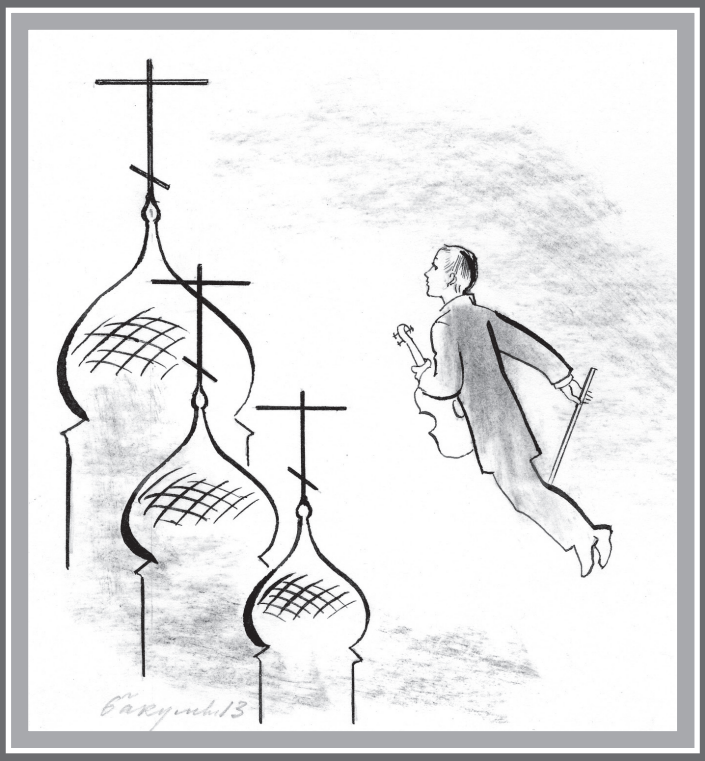
Но, как старые раны, болит
Наша память…

А вот как он пишет о предательстве друга:

Во тьме пропал товарищ мой,
Растаял без следа.
Его покрыла с головой
Неверия вода…

…Не осуждаю. Не ищу
Ни следствий, ни причин.
А просто искренне грущу
О дружбе двух мужчин…

В стихах Д. Мизгулина нет позы и самолюбования, его образы близки и понятны, скажем, народны. Ритм стиха музыкален. Оттого автор книги становится близким другом читателя, с которым сидишь у костра и ведёшь неспешную беседу… о главном.



СКОРБНЫЙ СЛУХ ПОЭТА

Наталья СТРУЧКОВА,
Москва

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил...

Д. Мизгулин

Слышать движение времени, гармонично осмысливать его и поэтически отражать в глубокой, идущей от гениев и мастеров русской классической речи, душевной и одухотворённой телесности стиха – вот сердцевинный дар Дмитрия Мизгулина. Этот дар не сразу развернулся в своей полноте, но изначально был присущ поэту.

Есть два необходимых условия развития личностной неповторимости художника, творческого человека. Первое – это особая наследственность, талант, полученный при рождении от Высшей Силы, божественный промысел и повеление воплотить, развернуть его во всей полноте. Второе – это его жизнь, окружающая действительность, биографическая канва, линия судьбы. Если человек верен своему предназначению и совершает неложные поступки, если он не искажает своей натуры, то траектория жизни непостижимым образом ведёт его к самореализации. Путь самосовершенствования получает своё отражение в творчестве, в произведениях. Тогда мы «по бледным заревам искусства» узнаём «жизни гибельный пожар» (А. Блок). В нашем случае зарницы гибели проникли в саму мизгулинскую поэзию, в её интонацию, звукоряд и образную ткань стиха. Жизнь его разворачивается в

другое время, трагизм его – особого рода, ещё не осмысленный нами, современниками наступившей эпохи.

Нет сомнения, жизненный путь автора «Избранных сочинений» запечатлён в его стихах, художественной прозе, критических и философских зарисовках, собранных в этой книге. Они подобны письмам, адресованным и отправленным читателю, другу, современнику и потомку. Тот, кто распечатает их, откроет богатый духовный мир даровитого человека и вступит с автором в спасительный для себя разговор, распахивающий сердце и глаза на сложную нашу действительность. Разговор предстоит не из лёгких, это не прогулка по Невскому проспекту или Тверскому бульвару, это – сотворчество.

Природа поэзии любит таиться и требует напряженной встречной работы собеседника. Самоуверенному читателю, пробегающему по страницам наугад раскрытой книги, она не откроется. В ней заключена логика колосящегося поля пшеницы, требующая не выдергивания колосков, а серьёзной жатвы, сбора урожая. Подобное познаётся лишь подобным: свет – светом, звук – звуком, душа – душою. Следует настроить и обострить свой собственный читательский слух. Осторожное и последовательное путешествие по страницам этого тома постепенно развернёт мифолого-поэтическую картину трагической нашей действительности и судьбу частного человека, попавшую под власть её принципата.

Поэзия Дмитрия Мизгулина – живая душа, горящая на медленном огне бытия, вся без утайки, дотла, и возрождающаяся из пепла, подобно сказочной птице. Стихи и проза созданы в конкретные моменты его жизни. Однако не стоит искать в них биографической конкретики, бытовой описательности. Поэзия его символична, в ней нет прямого соответствия реалиям внешнего мира, нет и рассказа о невидимом внутреннем мире поэта. Она откровенно поднимает жизнь на художественную высоту, вернее, смещает её в благодатную иллюзию духа. И чем доверительнее интонация, вибрирующая в звуках его стихов, тем дальше его произведения от телесной жизни, тем ближе к поэтической истине, к правде междумирия. Лишь с подобной (или бесподобной?)

высоты можно услышать эхо грядущих, приближающихся к нам времён, предупредить живущих об опасности, помочь внести коррективу в личную траекторию пути от рождения, через зрелость – к смерти, преображающейся в новое рождение.

В каждом человеческом поколении поэзия сама находит человека для своего конкретного воплощения. Как она выбирает того, кому вручает свой нелёгкий крест, – тайна за семью печатями. Она ничего не говорит о себе, ей ничего от нас не нужно, но избранный ею попадает в поле поэтического притяжения, становится своеобразным ядерным реактором первозданной речи. Путь её – от сердца к сердцу, минуя логику обыденного. Истинный поэт не осваивает уже открытый до него мир, он открывает свой собственный, становящийся благодатным пространством для придавленных теснотой времени жителей Земли. Поэт управляет своим собственным и нашим «безумием». В нём есть что-то от шамана, странствующего в трёх мирах и врачующего соплеменников.

Как же войти в мир поэта, в пространство его книги? Вход там же, где и выход, он – единственен, он – в душе читателя. Поэтический слух, как и музыкальный, – врождённое чувство. Каждый из нас генетически наследует его, в большей или меньшей мере, от тех поколений культурных героев, что создавали речь, хранили её, обогащали, передавали как самое дорогое наследие потомкам. Хранителем этой тысячелетней традиции является и Дмитрий Мизгулин. Он сознательно продолжает классическую линию русской поэзии «золотого», «серебряного» веков, а также «железного» советского времени, отвергая тупиковые пути формотворчества, избыточного, хотя и внешне эффектного, метафоризма и других современных изысков. Не характерен для Мизгулина и упрощённый подход к языку. Он не ориентируется на книги, ставшие товаром, потакающие вкусам массового потребителя эстрадных текстов и детективной (дефективной?) ходовой прозы. Те, кто привык к почерку литературных водомерок, бегающих по натяжению современной речи, могут не открывать эту книгу. Их испугает её природная языковая глубина, порой питающаяся родниками праязыковой индоевропейской стихии.

Область поэзии – порубежье внутреннего и внешнего мира творца, особое пространство, находящееся между словом, взятым во всём его объёме, и так называемой «объективной реальностью». Определить поэзию, впрочем, как веру и любовь, не представляется возможным. Её можно лишь почувствовать. Она – мистическая встреча бесконечного (духа) и конечного (материи) в атмосфере принципиально неназываемого мира. Стихи – некий иероглиф, символический след этой встречи, адресованный грядущему, и далее – Вечности. Поэзия требует к себе серьёзного отношения и открывается лишь тем, кто не утерял в суете проходящей жизни способности к чуду, верен дружбе и любви.

Дмитрий Мизгулин проделал долгий и трудный путь к поэзии. Чудо рождения поэта – теперь уже свершившийся факт. Он вступил в возраст, который эллины обозначали словом «акмэ», то есть достиг творческой зрелости, расцвета данных ему от рождения сил, таланта. Это пришло не сразу. Ранние его стихи по-юношески восторженны и наивны. Как и большинство, он подпал под обаяние школьной программы, возвеличивающей классиков русской литературы, обманчиво представляющей поэта в облике героя, вызывающего восхищение. Но уже тогда он понял, что вслед за Лермонтовым может сказать: «Нет, я не Байрон, я другой...» Его неудержимо влекло слово, писательский труд.

О себе Дмитрий говорит: «Писал с детства – сколько себя помню, столько и писал». Им были созданы два исторических романа: о Великой французской революции и о восстании 1606–1607 годов Ивана Болотникова. Эти романы не сохранились.

В какой-то момент Дмитрий Мизгулин почувствовал, что времени и сил для писательского труда, который он уже тогда считал своим основным делом, катастрофически не хватает. Возможно, сам того не понимая, он взмолился о чуде возвращения к сокровенному зерну его личности. И чудо свершилось – родились первые стихи. Вначале они были скорее от визуальных впечатлений, нежели от данного природой. Ему неудержимо хотелось говорить, и он говорил о том, что поражало его взгляд и воображение. Спасали глубокая любовь и почтение к русской

речи, внимание к деталям, тщательность в подборе и логической расстановке слов:

Вода в Неве – чернее сажи,
А небо синее – без звёзд,
Неона свет – бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пропажей.

Стихи эти ещё несут неуловимое сходство с прозой, с бормотанием у открытого окна. Но из глубины текста уже пробиваются лучи поэзии.

Ему страстно хотелось запечатлеть картины окружающей действительности. И вот среди них неожиданно появляются голоса, звон посуды, громыхание трамваев, уличные крики... Звуковые образы начинают вторгаться в поэтические описания, пугая и увлекая рождающегося поэта таинственной силой:

...А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

Стихи эти наброски, можно сказать, излишне просты, но в то же время как-то по-лермонтовски тревожны, романтичны и воздушны. Поэту уже недостаточно красиво говорить, исподволь рождается желание вслушаться, уловить то, что за пределами видимого мира, и рассказать об этом своим особым слуховым стихом. Он приходит к пониманию, что речь красна слушаньем, чувствованием, что вокруг него только и делают, что говорят, говорят, а слушать-то некому:

Говорите, пожалуйста, тише –
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь за крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Так неожиданно художественное зрение, освоившее пространство, стало преобразовываться в слух. Он начинает вслушиваться в тишину. К тому же мир порой просто невыносим – хочется закрыть глаза. Именно в этот момент обостряется поэтический слух, крепнет поэтическое дыхание.

Складываются первые книги: «Неоновое небо» и «География души». В стихах ещё господствуют звуковые отражения увиденного, элементы бытописания. Даже рифма порой исчезает («Та женщина жила неподалёку...») Но всё чаще сквозь описательность вдруг пробиваются ростки чистейшей философской лирики:

И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность.
А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рожденьем...
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зелёною водою...

Ростки поэзии сопрягались у Дмитрия Мизгулина с поиском смысла, наблюдением и размышлением над увиденным, услышанным и прочувствованным. Он осваивает форму притчи, учится афористичной речи, находит ёмкие смыслообразы («Сухое дерево», «Дорога» и др.). Однако наиболее характерным для этого периода его творчества и поиска самого себя является стихотворение «Имея пять рублей, могу...» В нем автор проговаривается о своей неутолимой жажде творчества:

О, сколько здесь таится тем! –
Перед богатством их немею...
А город будет между тем
Привычной жизнью жить своею.

Жизнь не давала ни времени, ни условий для художественной разработки этой бездны тем. Советский мир повернул к жуткому зигзагу перестройки, начался трагический путь к пропасти. В 1992 году Мизгулину удалось выпустить первую книгу «Петербургская вьюга». В 1993 году выходит вторая книга «Три встречи», а ещё через два года – «Зимняя дорога». Слова в них стоят крепко, звучание уверенное, образы ярки и оригинальны, ритмы разнообразны, строки «мускулисты». Поэзию Дмитрий Мизгулин превращает в средство самообороны, всеми силами пытаясь помочь друзьям и близким сохранить тепло души, корневую связь с историей Отечества:

Нашей памяти долгий свет –
Как единственное наследство,
Как от поступи прошлых лет,
Никуда от неё не деться...
Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата,
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...

Рождаются стихи огромного гражданского накала, пронизанные болью картины новой повседневности, орущей глухоты:

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, многое известно.

Жизнь столь резко и неожиданно менялась, что необходимо было чётко определить свою позицию как в искажающемся бытии, так и в литературном творчестве. А стало быть, следовало найти опору. И он обретает её, помимо стихов, которые не прекращает писать, в художественной и критической прозе.

На разломе веков Дмитрий Мизгулин обращается к форме рассказа. Прорывается его тяга к аналитической прозе. Работая в этом жанре, он стремится осмыслить исторический момент, выпавший на его долю. В рассказе «Серебряный журавль» он подметил и вывел тип человека, затаившего под буквой закона свою бездуховную, алчную до наживы и убийства натуру. Именно этому типу людей будет дан «зелёный свет» в 90-х годах, к такому выводу Мизгулин и подводит читателя.

В рассказах на армейские сюжеты («Усы», «Серёга», «Характер», «Генеральский чай», «Три встречи») Мизгулин, соединяя весёлость и серьёзность, показывает себя уже уверенным мастером, ориентирующимся на русскую классическую литературу. В поле его внимания – разнообразные человеческие отношения, высвечивающие суть личности. И странно, хорошие люди оказываются слабыми, неготовыми к решению насущных жизненных проблем, а потому вытесняются с поля активного социального действия.

В рассказе «Ненормальный» выведен образ чудака, обладающего множеством талантов, который не может найти себе место в мире наживы и прагматических интересов. Безысходность в стремлении наладить достойную человеческую жизнь передал Д. Мизгулин в рассказах «Горностай» и «Последние слова». Герои его, прекрасные и добрые люди, не умеют создать семьи, устроить свою собственную жизнь, а наступает время по-новому обустраивать Россию: «Мы все торопимся, все надеемся на лучшее, верим, что скоро наступит настоящая жизнь, вот-вот она начнётся – с новым днём, с новой встречей, с новой любовью, а оказывается – всё не так. Оказывается, наше ожидание – это уже жизнь, и больше и лучше уже ничего и не будет...»

Параллельно с созданием цикла рассказов Дмитрий Александрович Мизгулин предпринимает самостоятельное исследование

русской художественной и философской литературы. Его критические заметки начинаются с эссе «Штурманы будущей бури», где он выступает против методов революционного преобразования мира, утверждая, что в нашем «русско-византийском мире» стержневой опорой общества является вера, а «христианство несовместимо с революцией». В литературной заметке «Три Дон Жуана» эта тема получает своё продолжение и развитие. В пушкинском Дон Гуане ему видится сатанинское начало, свидетельство духовного опрощения людей. Отказ от духовного, а затем и от материального труда ведёт к деградации как всего народа, так и каждого человека в отдельности. В итоге общество устремляется к пустоте, саморазрушается, а душевность, эта искра Божия, – гаснет.

В заметке о Н.С. Лескове («Два рассказа на один сюжет») Дмитрий Мизгулин пишет: «Лесков не был «лакировщиком» – он писал правду, порой жестокую и горькую, но именно эта правда – правда о русском человеке, о России – была не нужна в «светлом будущем»». Современная для Мизгулина правда – в духовном обнищании и прогрессирующей душевной опустошенности людей. Но, продолжает он, «художественная правда выше правды жизненной, она обладает большей обобщающей силой и поэтому более приближает к истине, к истории...» И это вновь обратило его к духовной силе поэзии. Примером для себя он избрал Фёдора Тютчева («Политическая лирика Ф. Тютчева»), постигая его искусство «поэтического анализа действительности». Всё это не могло не сказаться на творчестве Дмитрия Мизгулина, приблизило его к новому погружению в реальную жизнь и поэзию.

Уже не стихи, само отчаяние вырывается из сердца поэта: «Места для боли в душе не осталось...», «Кажется, что жизнь сошла на «нет»...», «Надежда умерла. А мы живём...» Однако чтобы свободно писать то, к чему устремлена душа, необходимо было научиться действовать в гибнущем мире и при этом оставаться человеком, гражданином, поэтом.

Он продолжает искать свой особый путь к созданию средствами поэтического слова духовного пространства, некоего «литера-

турного скафандра», купола, кессона, позволяющего ему самому и близким людям сохранять душевное тепло и свободное дыхание, удерживать золотую нить русской классической словесности и «образа Божия» в реальном мучительно живущем человеке.

Важными явлениями на гиперболической траектории его жизни явилось создание и издание трёх поэтических книг: «Скорбный слух», «О чём тревожилась душа» и «Две реки». Знаменательно по своей смысловой и чувственной точности название первой из этих книг, вышедшей в год начала третьего тысячелетия. Уже не пристальное вглядывание в современность, а вслушивание в набегающие волны будущего занимает и волнует поэта.

Он сознательно развивает в себе природный пророческий слух поэта. Видимо, невыносимо стало глядеть на окружающую материальную реальность. И Дмитрий Мизгулин идёт по слуху, ищет истину жизни по чувству вибрации и сотрясений (потрясений?) времени, отзывающихся в его чуткой душе. Духовное ухо постигает лад звуков, соединяющихся в гармоничные стихи. И слух его утончается год от года. Осаждённый шумным временем настоящего дня, он роет колодцы четверостиший, словно солдат в средневековой крепости, вслушиваясь в подземные работы, подкопы противника. Главная его забота о том, чтобы дорогие ему собратья-читатели не прошли «среди шума, среди гама мимо Бога, мимо храма».

Порой кажется, что он, подобно рыбаку, натягивает рукой леску, чтобы уловить, когда толкнётся рыба, и выхватывает строки из реки будущего. С берега реки современности он ловит своим слухом сокрушающие сердце слова:

Печальна участь человечья,
Уйдём, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

Поэт скорбит. Русское слово «скорбеть» означает – сильно жалеть, ныть сердцем, кручиниться, сокрушаться. Стихи последних

лет окрашены именно таким чувством. Невольно видится перед глазами икона Богоматери Всех Скорбящих. Кто наслал на нас эту скорбь словно порчу? Диагноз, поставленный Д. Мизгулиным, определён; мы больны будущим, которое сами приближаем своими теперешними ложными шагами. И он пишет об этом, как бы перехватывая переговоры врага по линии связи «настоящее – будущее». Это тяжёлый труд поэта, непосильная ноша. И не случайно прорывается в нём страстное желание черпать гармонию звуков в уходящей природе сегодняшних дней:

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Поэт – открытое духовное окно в доме, который ещё не построен. Окно в громаде материального, вещественного мира. Есть в русских домах специально прорезанные на чердаках слуховые окна. Для меня Мизгулин как раз и является таким слуховым окном поэзии. Он напрягает свой слух, пытаясь предугадать судьбу России, её будущее:

Не включай телевизор, послушай
Шум листвы и шептанье воды...
...И дыханье свободы и Бога
На мгновенье тебя посетит.

Это и есть мгновение мизгулинского творчества, вышедшее из тишины и вошедшее в его абсолютный поэтический слух, «где Дух определяет бытиё»:

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Всё ждём. А надо бы спешить –
Не много нам Господь отмерил.

И поэт слышит, «как зовёт Господь от мрака к свету», и чистосердечно рассказывает об этом нам, своим современникам. Так, через скорбный слух осуществляется им расширение мира, его светлой стороны, удержанной в напряжённом поле поэтической речи.

Основное отличие поэзии Дмитрия Мизгулина – доверительная интонация. Необыкновенной дрожью стиха оживает он в читателе, слушателе и – становится родным человеком.

Для того чтобы провести трассер мыслечувствия в грядущие года, требуется пробивная сила, опора на традиции, накопленные народом, мужество жить и трудиться на полную мощь в настоящем. Истинное поэтическое произведение одновременно похоже на те, что рождались в древности, но остросовременно и обладает явными признаками того, что его с нетерпением ждёт будущее.

Поэзия определяется и ещё более таинственным словом – любовь. Любовь к русской культуре и реальные беды Отечества породили в Мизгулине его особый скорбный слух, обостривший поэтическое зрение:

Теперь другие времена и даты –
Отдельно для детей и для отцов.

Мгновение жизни, полное природных красот и прелестей, искренних и искристых человеческих отношений, – прекрасно. Но его не остановить. Это понял и ярко сформулировал в своём «Фаусте» Гёте. Это знаем все мы, но что нам знание!

Мысль всегда уступает чувству. В стихотворениях Дмитрия Мизгулина чувство родины и ответственность за её судьбу необычайно крепки:

И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетёт нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

Душа русского человека по определению христианка, она, как весенний росток к солнцу, тянется к Богу. И если нам «не хватает веры», то не миновать беды, которая обрушится незамедлительно на весь народ:

И не тверди о том, что всё...
Что всё начертано судьбою.
Настанет час – во всей красе
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь, всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

Действительно, нечисть порой одевается в прекрасные одежды. Это тонко и афористично подмечено Мизгулиным: «Они на ангелов похожи, но выдаёт их стук копыт». Наступила пора заново учиться покаянному слову, учиться слышать свою душу – именно к этому призывает поэт:

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа – как будто поле битвы,
В ней всё огнем опалено...

...Но слышу – я ещё не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

Ищущий да обрящет, стучащему в дверь – да откроется... Постепенно начинает оттаивать поэтическая душа, просветляется взгляд. Это своё новое весеннее чувство Мизгулин выразил в стихотворении, по-есенински чистом и горьковатом, нежном, как

цвет льна, и крепком, как льняные одежды. В этом стихотворении всё такое родное и искреннее:

В бане пахнет мелиссой и мятой,
Лист берёзовый мягко шуршит.
Только жара ещё маловато
Для озябшей от жизни души.

Камни светятся спелой малиной,
Пар окутает мягко полок,
И как будто бы духом незримым
Наполняется банный чертог.

Образ русского человека, нарисованный простыми, но, безусловно, искусными средствами, удивительно точен. Дмитрий Мизгулин не пытается поразить искушённого читателя, наоборот, стремится к ясной, но глубокой простоте, к той, что легко и незаметно охватывает своим душевным полем читателя, входит в его внутренний мир. Он видит современность и слышит будущее, и сквозь скорбь медленно прорастают светлые мелодии.

Дмитрий Мизгулин выбирает вечные темы, но именно они особенно важны в текущий исторический момент.

«Избранные сочинения» – свидетельство писательского мастерства, труд, в котором подведены итоги его творчества. В этот сборник вошли стихи и проза разных периодов.

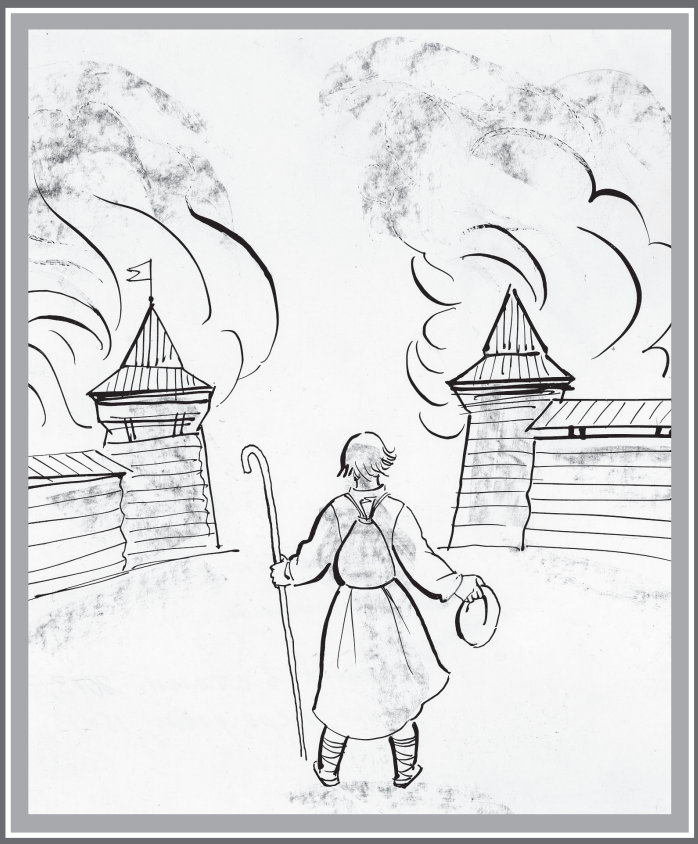
Стихи последних лет и очерк о друге «Так провожают самолёты», включённые в настоящую книгу, свидетельствуют о приближении Дмитрия Мизгулина к его решающему творческому шагу.

В очерке «Под покровом Игуменьи Горы Афонской» просматривается тяга автора к соединению исторического материала (вспомним о его юношеских утерянных романах!) с современностью (смотри стихи и очерки последних лет). Взгляд его зорок, он умеет подмечать любопытные детали, делает экскурсы в прошлое. Этот очерк не имеет логического завершения, концовки. Он открыт, устремлён в будущее:

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

У Мизгулина есть дар преображать всё, к чему бы он ни прикоснулся. Его обострённый поэтический слух помогает читателю услышать стук собственного сердца.

На этой ноте хочется закончить вступление к «Избранным сочинениям», пожелав Дмитрию Александровичу доброго плавания к своей звезде, а читателю – радости общения с его творениями. По этой книге можно загадывать о будущем, а значит, должным образом экипироваться для жизни и безбоязненно идти навстречу завтрашнему дню, отстаивая свою человеческую независимость и самоценность.



«ТИХАЯ ПОЭЗИЯ» ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Марк ПОРХОВ,
Санкт-Петербург

Меж нами – времён непогóдь,
И ветер, и воды, и льдины,
Но души однажды Господь
Навек сочетал воедино.

Д. Мизгулин

В России стихи пишут все. Но далеко не все стихи принадлежат поэзии в собственном, истинном понимании этого слова. Ведь поэзия – это не сложение рифмованных строк, а творчество. Существо поэзии – пропустить все явления жизни через душу поэта. Не менее важно и другое: необходимо осознать непосредственную связь поэзии с читателем, с его неповторимой личностью. И, наконец, поэзия всегда несёт в себе особую, глубокую печать современности. Как сказал Белинский, «поэт, говоря о себе самом, говорит о человечестве».

По всем этим параметрам можно определить Дмитрия Мизгулина как поэта, поэта истинного.

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил...

...Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

Этой вещью Д. Мизгулин завершил стихотворную часть своей большой последней книги. Очевидно, надо считать это стихотворение поэтической декларацией, творческим манифестом поэта.

В последние десятилетия XX века в русской литературе чётко определились два направления. Столичные молодые поэты, которые начинали свой творческий путь в эти годы (Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский), добились известности стихами эпатажными, дерзкими. Они гремели с эстрады, собирали стадионы. Их и назвали – «громкие поэты».

Но в эти же годы вдали от столиц развёртывалось творчество «тихих поэтов»: Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Анатолий Жигулин, Геннадий Русаков. Если «москвичи» ещё хотели очистить Идею от скверны: «Уберите Ленина с денег!» – призывал Вознесенский, то «тихая поэзия» предлагала новые нравственные и идейные ориентиры:

...Прежде всех своих забот
Ты выставь письмена косые
Своей рукой корявой – год
И имя Родины – Россия.

А. Прасолов

Поэты этой школы стремились вглядеться в духовную жизнь страны и народа, воплотить её смысл и ценность в поэтическом слове.

Для этого каждый обращался пусть к «малому», но реально и глубоко освоенному миру – чаще всего к жизни села, местности, городка, в котором сам родился и вырос. Именно такое значение имели для Н. Рубцова деревня Никола и город Тотьма, А. Жигулин

связан с Воронежем, для А. Прасолова дороги село Ивановка и городок Россошь, а для Г. Русакова – «Поворино, Грязи, Терновка».

Даже в этом Дмитрий Мизгулин сроден с «тихой поэзией». Родился в Мурманске, служил в Закавказье, учился в Питере и Москве, живёт на русском Севере – в Ханты-Мансийске. И фамилия у него – чисто русская, крестьянская. В словаре В. Даля есть слово «мизгать» (тверские и смоленские говоры) – плакать, мигать.

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Конечно, более всего делает Мизгулина младшим современником «тихих поэтов» направленность его творчества. Вот его стихи, написанные в благополучном Лондоне накануне Рождества:

Нет в душе ни боли, ни злорадства,
Не злоблюсь и мести не таю…
Помолюсь в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

Позиция поэта иногда чрезмерно обнажена, в отдельных случаях он слишком увлекается обличительством, внешним пафосом, когда нагромождает скандальные приметы «эпохи перемен»:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят…

Кажется, эта цепная реакция стиха, когда один образ тянет за собой другой, уже не зависит от самого поэта. Но нельзя не ви-

деть, что этот поэт ставит перед собой предельно трудную задачу. И те стихи, где он победил, без сомнения, будут жить долго: «Китеж-град», «После охоты», «На выставке русского портрета».

Как будто вселился неистовый бес
В спокойствие русской природы…
И душу охватит смятенье и страх,
А ветер поёт и гуляет.
И вот уж в тяжелых ружейных стволах
Он песни свои завывает!

Вглядываясь глубже и с большим доверием в мир поэта, понимаешь, что тяжесть, затруднённость, нелёгкость его словесно-ритмических ходов была безусловно необходима для его творческих целей.

Это призвано было, чтобы воплотить тяжесть нашей жизни, и в этом – самобытность творчества Дмитрия Мизгулина. Его стихи привлекают «лица необщим выражением», причём здесь видна сознательная установка поэта.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыбья стая
Заходит в сети рыбака.

Есть у Дмитрия Мизгулина и такие стихи, в которых ясно проступает тесная связь с предшественниками. Он не боится воссоздать образный строй, интонацию, даже словарь их поэзии. Конечно, можно воспринимать эти стихи как повторение, подражание. Но Мизгулин – не эпигон. Внимательный читатель найдёт в них его собственное, мизгулинское начало.

Наш поэт входил в литературу в те годы, когда классическая линия считалась чем-то устарелым, ненужным. А Дмитрий Мизгулин, видимо, видел своё призвание как раз в продолжение великой традиции гражданской, философской лирики. Такие стихи,

как «Тургенев на водах», «Дом, где жил Тютчев», «Бестужев-Марлинский», «Данзас», характерны: сами имена определяют направление поисков современного поэта:

Я знаю, что в прошлое не возвратиться,
Но пух тополиный, как прежде, кружится,
И что-то припомнить я всё же пытаюсь,
И я возвращаюсь, и я возвращаюсь

В тот мир, что навечно в душе берегу,
Где я ничего объяснить не могу,
Где я ничего ещё не понимаю,
А только внимаю, а только внимаю...

Можно выстроить линию: Сумароков – Баратынский – Тютчев – Заболоцкий. Именно эти поэты создавали и продолжали великую традицию русской философской лирики. Сам этот термин и расплывчат, и даже коварен. Ибо в эту рубрику попадают и подлинно глубокие вещи, и рифмованные рассуждения по «общим» проблемам. Мизгулин размышляет всерьёз. Эта философия – от жизни. В его стихах друг Пушкина поэт Александр Бестужев восклицает:

Давно пора понять, друзья:
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.
Нельзя? Нельзя! Но, Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам
Рождён для подвига и славы
С душой, летящей к небесам?!

В стиле и тоне своих стихов Мизгулин далёк от поэтов XIX века, но очевидно, что и он стремится воплотить в своей лирике живую современную русскую мысль. И ему немало удалось сделать в этой трудной и необходимой области русской поэзии.

Дмитрий Мизгулин никогда не был поэтом силы, он всегда был поэтом боли. В русской традиции правда неотделима от совести, истинная поэзия не просто честно описывает события, она всё берёт на себя: и боль, и вину, и ответственность.

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют...
Меняем на марки и баксы
Души первозданный уют…

Телевизионным пророкам
Ты снова поверить готов...
Что ж, верь предсказателям сроков,
Люби толкователей снов.

Мерцает во мраке планета.
И звёзды, как свечи, горят.
И в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад.

В этих стихах много горечи, тревоги и того ощущения бесконечной ценности живой жизни, которое даётся долгим и тяжким опытом сострадания.

Главная тема поэзии Дмитрия Мизгулина – тема Родины. Но любовь его к России скромна и непритязательна. Тут можно сослаться на Гоголя, сказавшего об очень известном поэте: «Он слишком громок, слишком много говорит о любви к Отечеству и почти с исступлением. Это что-то подозрительное».

К поэзии Дмитрия Мизгулина скорее можно отнести другие слова Гоголя: «Сильная и продолжительная любовь проста, как голубица, и выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, …и этим говорит сильнее всех красноречивых тирад».

В своих стихах Д. Мизгулин вновь и вновь обращается к привычным, традиционным образам родной земли, с той прелестной

невысказанностью главного, что скрывается в подтексте его «простых» стихов:

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несётся
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовётся?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

Поэзия Д. Мизгулина всегда – на глубине мысли. Его стихи дают редкую возможность войти в творческий мир человека и поэта, увидеть, как в нём уживаются поэт с критиком, мыслитель с практиком. Не подавляя, не вытесняя один другого.

Стихи писали километрами,
А издавали – килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хамами...

...А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется.
Иду пересечённой местностью
И мне легко, как прежде, дышится.

Когда-то поэт Аполлон Майков советовал молодому Ивану Никитину: «Старайтесь выработать в себе внутреннего человека». Дмитрий Мизгулин не только знает этот совет, но и живёт, по крайней мере, старается жить по нему. Высокая требовательность к себе, умение в нужную минуту так отрешиться от своих стихов, чтобы с предельной ясностью увидеть свои недостатки и просчёты – характерны его поэзии.

…В предбаннике – водка, закуски,
Я один в деревенской глуши,
Вот теперь я действительно русский
Во всю ширь разомлевшей души.

Вот теперь всё легко и привычно,
И пора не печалиться – жить,
И «полтинничком» водки «Столичной»
Все сомненья души осадить.

У Дмитрия Мизгулина немало таких стихов, полных горечи. Их скупая предметность не допускает излишества красок, света и тени; поэт не выплескивает своих чувств, он их сжигает в себе. Цвет его поэзии – цвет золы, следов мирового пожара. Душа его обугливается на этом пламени, и нет ему утешения.

Творчество Дмитрия Мизгулина пришлось на время рубежа веков, fin de siecle (конец века), как обозначили эту эпоху французы. Известно, что каждый раз в конце одного – начале нового столетия Европа переживает общий кризис. Ощущение исчерпанности прежних форм жизни, разрушения всех привычных идей и понятий охватывает общество. Кому верить? Каким богам молиться? Какую цель считать главной? – Эти вопросы встают в общественном сознании. И поэзия Дмитрия Мизгулина наполнена этой общей тревогой.

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя…
И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа…

Наш поэт умеет передать масштаб катастрофы, приходящей в мир.

Непогода. Во всем – непогода.
Во Вселенной. В пространстве квартир.
Непомерно устала природа
От людей, населяющих мир.

Может, в эту последнюю осень
Хочет мирно планета пожить,
Человечество, если не сбросить,
То хотя б на обочину смыть.

В поэзии Дмитрия Мизгулина можно найти множество примет нашего жестокого времени, когда Россия в который раз, с кровью и мукой, меняет кожу.

О земном мечтая рае,
Ищем следствий и причин.
Потихоньку вымираем,
Понимающе молчим.

Поэт с болью говорит о том, что «в эпоху хамства и разврата живем в преддверии конца», что «великая держава – дешёвый карнавал». Русские люди, «как на икону, взирают на цветной экран», а «голубоглазые таджики нам строят счастье на века». Вывод поэта безотраден:

Мы на краю эпохи,
Мы сброшены в отвал.

Эти стихи звучат как предупреждение о скорой гибели России. Обычным людям, без творческого таланта, без острого чувства близкой беды, наверное, потребуются десятки лет, чтобы осознать, что произошло с нами, с нашей несчастной страной в эти страшные годы. Ведь нужны оказались целые века, прежде чем греки поняли, что они давно не эллины, а итальянцы – отнюдь не римляне. Но русские поэты всегда живут с содранной кожей:

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.
Печальна участь человечья,
Уйдём, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

Но Дмитрий Мизгулин не катастрофист. В его стихах нет безысходности. Православный человек, он знает, где искать спасенье от всеобщей беды, он зовёт людей, невежественных и несчастных, вернуться к христианской традиции, к религиозным началам жизни:

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.
Иди вперёд своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно: для Бога
Твоя бессмертная душа.

Две последние поэтические книги Дмитрия Мизгулина: «О чём тревожилась душа» (2003) и «Две реки» (2004) – содержат стихи, в которых поэт предлагает своему читателю перспективу выхода из наших российских трудностей: это путь к Богу, путь нравственного обновления с помощью христианских идеалов.

Я высказаться тороплюсь,
Отринув истину от бредней,
Спеша, Спасителю молюсь –
А ну как этот день последний?

Содержание православных стихов Дмитрия Мизгулина определяется верой в высшее назначение религии в деле спасения страдалицы – России.

Молись – и Спаситель услышит,
Сомненья и страхи развей.

Поэт призывает верить без размышлений, уметь простить и возлюбить ближнего и дальнего, зовёт грешных людей к самоочищению, к избавлению от страшной духовной болезни. Обязанностью каждого русского человека должно стать самоопределение в лоне православной религии.

Что без веры наше бытиё?
В этом – и спасение моё,
В этом и сомненье, и надежда.

Важно, что эти стихи Дмитрия Мизгулина не содержат назидания, не звучат как пастырская проповедь. Это не молитва, а скорее крик боли:

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы!

По-иному выстроены путевые очерки Дмитрия Мизгулина. Это рассказ о паломнических поездках автора по Святым местам, о посещении вечного города Рима, древних монастырей нашей Родины. Особенно трогает описание Афонской монашеской республики, где иноки и посейчас живут по законам древнего благочестия.

Неторопливый, обстоятельный рассказ Дмитрия Мизгулина помогает людям нашего века, далёким от служения Богу, больше думающим о мирском, чем о вечном, познать этот мир, с его тишиной, смирением, уединением, кротостью и трудолюбием, потянуться к нему усталой душой. Очеркист шаг за шагом, в подроб-

ном и образном повествовании, открывает людям самые светлые, самые сокровенные идеалы русского Православия.

Просветление Верой – вот сверхзадача писателя: «Вернет ли нам Господь Веру? Укрепит ли нас в молитве?.. Хватит ли сил у нас стяжать благодать Духа Святого?»

В своем предисловии к этой книге Дмитрия Мизгулина протоирей Виктор Грозовский назвал его творчество «спасительным: оно способно дать плод, который оживит, отогреет, покроет теплом сумрачную и греховную душу современного человека».

Почти сто лет назад в Петербурге в комментарии к книге стихов К. Батюшкова составитель написал: «Слово поэт – не русское, означает – творец. В России было много замечательных поэтов… Своею жизнью и сочинениями они говорят нам многое. Прислушайтесь к голосу этих истинно русских людей».

Согласимся, что всё это можно отнести к Дмитрию Мизгулину. Это большой, настоящий русский поэт.

ОБЩНОСТЬ МОТИВОВ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА И ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Наталья ПОСПЕЛОВА,
Научный вестник ХМГМА №4, 2010, Ханты-Мансийск

Холодно. Туманно. Сыровато.
Стынет воздух в синей тишине.
Здесь отрёкся русский император,
И помчалось лихо по стране…

Д. Мизгулин

Тема Родины – одна из важнейших в нашей литературе. Правда, у каждого писателя своё патриотическое чувство. Может быть, это и банально звучит через восемь десятилетий после Владимира Маяковского, но Поэт тем и интересен нам, что он – Поэт, не такой как другие. В творчестве Николая Рубцова (1936–1971) и Дмитрия Мизгулина (1961) чувствуется следование традициям отечественной поэзии, которое начало складываться в XIX веке. Духовным наставником обоих, несомненно, является А.С. Пушкин. Частичка Пушкинской поэзии чувствуется в том, что оба поэта ощущают себя наследниками многовековой русской истории, а ими не так просто становятся. Это возможно лишь при единственном условии: любви сыновей к великой матери своей России.

Вот, например, фрагмент стихотворения Н. Рубцова «Видения на холме»:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!..

А у Дмитрия Мизгулина, заставшего совсем уже другую эпоху, совершенно другие строки о России:

Россия пьёт запоем, тяжёло.
Как женщина, с надрывом, безнадёжно,
С протяжным плачем, будто бы назло,
И, кажется, спасенье невозможно.
А сыну не понять, в конце концов,
За что Господь послал такую участь?
Он вспоминает матери лицо
И думает о ней любя и мучась.
Но не она ль так чисто и светло
Глядит на нас с забытого портрета?

Поэт Мизгулин продолжает тему исторического пути своей родины, используя характерную деталь – «забытую фотографию» – символ «портрета России». Этим самым он продолжает диалог с Николаем Рубцовым в замечательном его стихотворении «Русский огонёк»:

Как много жёлтых снимков на Руси.
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!

В чём же тогда обнаруживается сходство в поэзии у Рубцова и Мизгулина, когда они размышляют о своей родине? Ведь если говорить о поэзии Рубцова, то, думается, следует учитывать тот фактор, что свои стихотворения он посвящал России ещё и потому, что был воспитанником детского дома и поэтому всю мощь сыновней любви адресовал великой Матери России:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

Тяготы 1940-х годов сократили жизнь матери поэта Александры Михайловны. Место, где Николай Рубцов лишился самого близкого ему человека, напоминает ему о пережитой трагедии, а шумящая берёза – о материнской могиле:

Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...
... Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

О родной матери Н. Рубцов писал с глубоким лиризмом и чувством светлой грусти, ведь у Рубцова образы Родины и матери слиты воедино:

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселье и в тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу.
Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило
Большое несчастье –
Мама у нас умерла.

Сходство точек зрения поэтов не только в болезненном сыновнем переживании за судьбу Родины, но и в гордости за неё. У Рубцова:

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии
тревожном
Горишь для тех, кто в поле
бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

У Мизгулина в «Кадрах кинохроники» лирический герой горд за то, что его страна – победительница, но это к сегодняшнему дню слабое утешение.

Поэзия Мизгулина намного трагичнее. Своими стихами Дмитрий Мизгулин выражал мучительное желание окружить себя и ближних, собеседников и читателей, защитным полем поэзии.

Но его трагедия – скорее оптимистическая, поскольку, по мнению поэта, у нашей страны есть будущее: надо только сомкнуть звенья цепи – с одной стороны, славного исторического прошлого, а, с другой, избавленного от современной накипи – настоящего. В стихотворении «Суворов» он делает этот вывод: «Когда-нибудь да пригодится в России умный человек».

Оба поэта любят Россию, правда, бросается в глаза не совпадение тональностей в этой любви: у Рубцова преобладает молитвенное начало: «Россия, Русь! Храни себя, храни!...»; у Мизгулина же – это любовь – разочарованность в современниках, которые не думают о судьбе своей Матери, хотя живут под её покровом. Он обращается к людям, чтобы они задумались над тем, что именно от них зависит жизнь их родины.

Не секрет, что тема родины, отражённая в поэзии, зависит от душевного состояния поэта, от его мировосприятия и от окружающей обстановки, то есть от той эпохи, в которой творит поэт.

Основные темы поэзии Рубцова – это родина-Русь, её природа и история, её люди, их духовный мир, нравственные ценности, красота и любовь. Как правило, его поэзия была «деревенской», «тихой лирикой», сельская природа и быт всегда были особенно притягательными для поэта:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Ветер под окошками, тихий, как
мечтание,
А за огородами в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звёзд
мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней.

Поэзия же Мизгулина скорее «городская», нежели «деревенская», отсюда мотивы быстротечности, жизненной суеты, которые выражены в его «вокзальной» лирике:

На Родине – как на вокзале –
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.
Здесь кто-то прибудет заранее,
А кто-то – в последний вагон.

И всё же у лирического героя Дмитрия Мизгулина, думается, мы сможем ощутить тоску по природной первозданности – и это его роднит с лирикой Рубцова:

Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось, пелось,
И даже неважно о ком.

Чтоб вновь обрести постоянство,
Чтоб вновь осязать наяву,
Как падают звёзды в пространство,
Как яблоки, – прямо в траву...

Так же сопоставляя творчество поэтов, я увидела такую закономерность: в их поэзии как бы говорит сама природа, история, народ. Их живые и подлинные голоса естественно звучат в голосе поэтов. Они поэты «от чего-то», а не «для чего-то», то есть они не стремились внести себя в литературу, а хотели донести до слушателя то высшее и глубинное чувство, которое открывалось им при написании их стихов.

У Рубцова это звучит так:

…О ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете…
…Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!..

У Мизгулина же:

Ветер что-то запел в трубе,
Улетая в ночную тьму.
Вдобавок ко всему мне теперь мешает
спать
Шум деревьев, которых я так и не
посадил…

У Мизгулина, как и у Рубцова удивительным образом в стихотворениях переплетаются романтика и реальность, поэзия и проза; картины возвышенные, просветлённые и обольщённые. Поэзия обоих насквозь философична. Наверное, не будут для нас открытием слова клирика Князь-Владимировского собора, что в Санкт-Петербурге, протоирея и поэта Виктора Грозовского о мизгулинской поэзии, если мы их тоже отнесём к поэзии Николая Рубцова: «Он предлагает нам себя как друг, как брат, готовый поделиться тем теплом и отзывчивостью, которые благословил ему Господь».

Когда Дмитрия Мизгулина спросили, почему он в стихах философ и патриот и почему основной темой его поэзии является Россия, он, не задумываясь, ответил: «Уверен, что все в этой жизни от Бога, ибо сказано: «Без меня не можете творить ничесоже», то есть ничего без воли Господа не создаётся».

Вчитываясь в стихи Рубцова и Мизгулина, видишь огромный жизненный опыт людей, которые в своих стихах выражают то, что трудно выразить нам. И ещё видишь личную сопричастность с судьбами родной земли. Стихотворения этих поэтов делают нас более чуткими и добрыми, учат любить природу и дорожить своей Родиной.

Вместо вывода, думается, уместнее было бы дать слову такому авторитету в отечественной словесности, как Станиславу Куняеву: «В последние 10-15 лет в русской поэзии окончательно созрел, сложился и самовыразился пласт нового, идущего вслед за нами поколения поэтов, за которых нам, ровесникам и соратникам Николая Рубцова, Глеба Горбовского и Юрия Кузнецова не только не будет не стыдно, но которыми мы можем по праву гордиться... Когда-то Глеб Горбовский с горечью заметил, вспоминая о «питерском» периоде жизни Николая Рубцова: «Мы Рубцова просмотрели». Вот и замечательного «питерско-ханты-мансийского» поэта Дмитрия Мизгулина современные критики тоже просмотрели. Не равняю его с Рубцовым, «но всё же, всё же, всё же...» И не одни критики в этом виноваты.

Драма Дмитрия Мизгулина, как и многих поэтов его поколения предопределена исторически: они окончательно сложились и выразились, как незаурядные таланты, в эпоху тотального одичания, когда девять десятых бывшей советской интеллигенции, «униженной и оскорблённой», обнищавшей и опущенной в годы гайдаровщины и ельцинизма, почти перестали читать книги; у питерского же человека Мизгулина сильнее была выражена Пушкинская прививка».

ПРОСТРАНСТВО РОССИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Анастасия СОБЯНИНА,
Научный вестник ХМГМА №4,
2010, Ханты-Мансийск

А нынче – не сеем,
А нынче не пашем,
Под песни чужие смеёмся и пляшем,
А нынче мы веселы,
Пьяны и сыты,
Но только, похоже, слетели с орбиты…

Д. Мизгулин

Произведения Дмитрия Мизгулина в основном о России, о её нынешнем состоянии, которое передаётся невольно и нам, читателям: автор явно сожалеет о былом и ушедшем.

Державою были великой,
А нынче – плывём налегке...
Колышутся лунные блики
На тусклой осенней реке.

В двух первых строках противопоставление дня вчерашнего и сегодняшнего: кем были и кем стали. Вторая строчка для российского менталитета особенно уничижительна – мало того, что плывём «по течению», абсолютно не сопротивляясь противоборствующим нам силам, «плывём» вдобавок ещё и налегке, всё былое, а главное – лучшее! – растеряв. Лирический герой этот упрёк относит и к себе, взяв на себя ответственность говорить от общего «мы». Похоронный «мотив» усиливают «лунные блики» на «тусклой», готовящейся к зимней спячке, осенней реке. Печальная тональность стихотворения задевает за живое: действительно, кто кроме нас виноват в том, что «давно не пахнет русским духом»? Ведь сколько поколений, начиная с «безбожных» 20-30-х годов прошлого века, выросло на огульном отрицании Православия. Отказ от народной традиции породил у русского человека совсем иную, чем прежде, самоидентификацию. Мы доверились кумирам, как только была разрушена идея о Боге. Но свято место пусто не бывает – вот и появились местечковые божки смут и революций. Психологически обрабатывая массы словом, они утверждали, что «нет у революции начала, как нет у революции конца». И где становился такой языческий божок, там уже объявлялось место божие. Всё стало дозволено во имя некоего мифического «общечеловечества»: так зачем же нужны тогда гражданам мира патриотическая литература, как когда-то нашим предкам? Такими «добрыми» намерениями для человечества вымощена дорога в будущее.

Постигаешь эту мысль автора между строк не сразу: сначала начинаешь чувствовать боль и утрату – так жалко становится обманутых и ушедших, а уж потом задумываешься...

Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжёлые плиты,
И проходы немыслимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.

Поэт говорит, что эта судьба ожидает каждого, нужно делать что-то, чтобы привести не только кладбища в порядок, а всю Россию.

Он подчёркивает, что русский человек забыл свою настоящую веру, традиции, которые передавались из поколения в поколение, его память пуста. У современного человека совсем другие жизненные ценности, приоритеты, принципы. Ушла настоящая чистая любовь, на смену ей пришла пошлость, дружба сменилась предательством, ложью и корыстью. Уважение к родителям исчезло, теперь это личная выгода и способ выжить.

В стихотворениях Дмитрия Мизгулина преобладают тёмные цвета, которые невозможно закрасить белым.

Он часто пользуется не только перекрёстной и парной, мужской и женской, рифмами.

Традиции. Вера. Устои.
А нам говорили – пустое...
А нас уверяли – прогресс...
А нынче – усталые лица,
В телевизионных глазницах
Ликует полуденный бес.

Размер его стихотворений – обычно хорей или ямб. Ритм всегда точный, стихам присуща музыкальность – всё залиговано, нет резких обрывов. Это имеет значение для восприятия стихотворений читателями:

Такие нынче холода
Стоят в России, что – беда...

Поэт использует огромное количество выразительных средств, среди них немало замечательных эпитетов, например, «изумрудный кедрач», «тёплое мерцанье».

Иногда воображение поражают его сравнения:

Как будто нынче не морозы
Сковали мартовские дни,
Как будто белые берёзы
Зажгли зелёные огни.

Им не уступают метафоры: «В дыму погребальном конца, заледеневшая душа».

Всё это усиливает читательское впечатление до такой степени, что каждое стихотворение западает в сердце. Это просто необходимо для того, чтобы мы начали действовать, менять что-то в жизни, а не плыть по течению.

Автор оставляет нам огонёк надежды, который так важно не потушить, а развести из него огонь в наших заледеневших сердцах.

Но всё же не кончена битва –
Ведь где-то вершится молитва.
Я верю, что Русь устоит.
Ведь чьё-то трепещет сердечко,
И где-то мальчишка со свечкой
У скорбной иконы стоит.

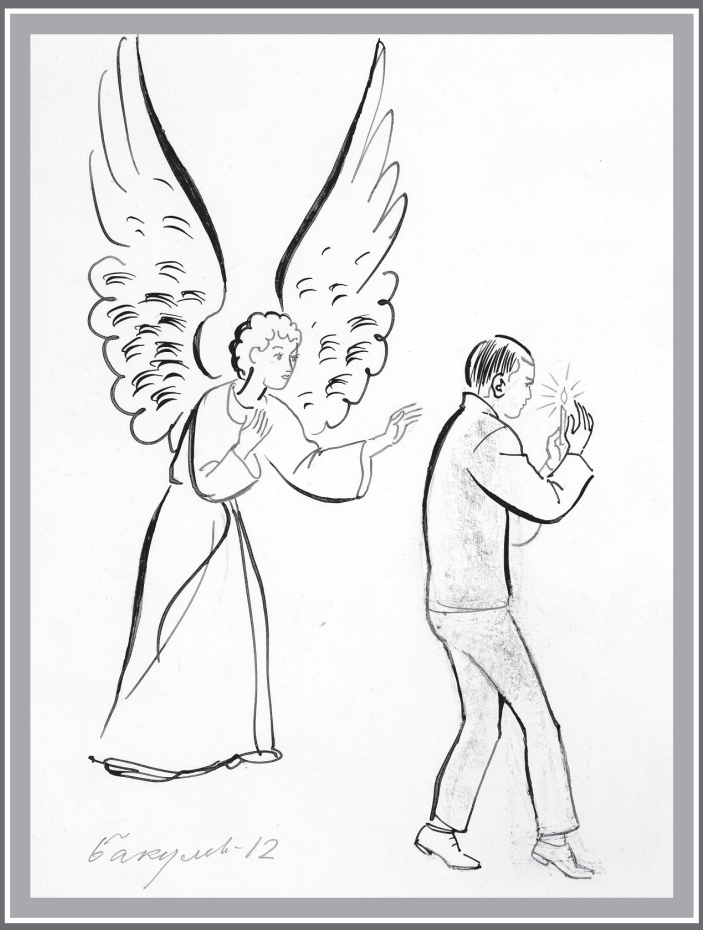
Дмитрий Мизгулин один из тех поэтов, что своим творчеством постоянно возвращает читателей к своим сокровенным истокам. Поэтому для него так важно в художественном произведении оставлять пространство для мыслящего человека, для которого оно неизбежно становится средством умножения пространства внутреннего. Этому способствует глубоко продуманная и выстраданная позиция гражданина и сына своей страны, она пробуждает надежду в читательской душе, не даёт ей уснуть...

Давно не пахнет русским духом –
Проветрено насквозь.
Но будь уверен – где-то ухнет
Могучее «Авось».

Одно из стихотворений поэта выразительно названо «Места для боли почти не осталось...» – лучше, кажется, и нельзя определить гражданскую лирику Дмитрия Мизгулина. В этом названии уход от морализаторского «мы» и нравоучительности, которая встречается ещё в повелительных наклонениях у некоторых поэтов, представляющих гражданскую тему в лирике. Уже в первой строчке возникает образ, связанный не с коллективным «мы» и от того в чём-то безликим, а индивидуальным и образным «я», приглашающим читателя к сопереживанию. Интимность гражданской лирике сегодня просто необходима, поскольку живой, непосредственный, со своей неповторимой, выразительной интонацией голос поэта дойдёт до скорбного читательского слуха, в отличие, скажем от плакатной застывшей обобщённости – «ты должен!» Может быть, кому-то такие гражданские стихи, напоминающие «Окна РОСТа» и покажутся правильными, но для молодёжи они не будут иметь нужного восприятия. Нашей гражданской лирике, как мне кажется, нужен не «человек с ружьём» и в будёновке, а проповедник, пророк, посвятивший себя особенному монашескому служению своими стихами и верой в Россию. О христианстве не принято кричать на площадях, разговор с Богом происходит в молитве. И только в молитве приходит озарение:

Как много слов мы говорим подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещий Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли ...

Дмитрий Мизгулин и сам хорошо осознаёт девальвацию нынешней гражданской поэзии, и поэтому пытается в своём поэтическом творчестве поднять слово на сакральную духовную высоту. Насколько удачно – судить дано ни автору, ни критикам, ни даже, думается, нынешнему поколению читателей.


Бакурин-12

САКРАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Наталья РОМАНОВА,
Луганск, Украина, 2014

Кружусь по жизни день-деньской
В привычной суете мирской,
В оковах разных должностей,
В глухом плену чужих страстей…
Живу на дальнем берегу,
Чужие деньги берегу,
Решаю сотни теорем –
Чужих надуманных проблем.
И под покровом тишины
Смотрю всю ночь чужие сны…

Д. Мизгулин

В 2014 году в поэтический мир Петербурга вошла книга стихов известного российского поэта Дмитрия Мизгулина «Чужие сны». Вошла так, как и подобает утончённому существу из сновидческой реальности – побуждая расшифровать сакральное в осколочной действительности, заставила задуматься в целом о смысле человеческого существования.

Лирический герой книги путешествует по чужим снам не из праздного любопытства – странствуя, он совершает бесконечные акты самоотдачи ближнему, проходя по узким и широким тоннелям жизней других. И, как оказывается, все они для него изначально ценнее ограниченного в духовном смысле бытия-для-себя: *«Решаю сотни теорем – / Чужих надуманных проблем. / И под покровом тишины / Смотрю всю ночь чужие сны...»*

В этих многочисленных мирах, несмотря на сумасшедшую скорость перемещений в пространстве и времени, он учится видеть свои отражения, осмысливает суть человеческой жизни, постигая в этом непрерывном процессе взаимопроекций онтологические ценности, центроустремлённые к образу Божьему. Человек может стереть этот образ из своей души, двигаясь по центробежному пути страстей, а может сохранить и приумножить. Выбор за каждым.

Поэт выбирает теоцентрическое направление движения и предостерегает: *«Летя сквозь ночные метели, / Неистово Богу молись, / Чтоб мимо спасительной цели / В беспамятстве не пронестись...»*

Слог Дмитрия Мизгулина по-пушкински лёгок. При кажущейся простоте его поэзия полна глубокими смыслами. Первая часть сборника «Ночные самолёты» – о полётах во сне и наяву. Сама стихия воздуха располагает к лёгкости и простоте. Это бесконечное стремление к невесомости поэзии, к её небесной одухотворённости. Доминанты расставлены по восходящей: как самолёт отрывается от земли и движется к небу, так и человек переходит от соматичного, плотяного, к желанной духовной наполненности («Закусываю хлебом и Господу молюсь!»)

Старец Амвросий Оптинский говорил: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрёно, там ни одного». Мудрёность при этом полностью отделена от мудрости, становится не столько средоточием, сколько паутиной нанизываемых смыслов; чем больше они запутаны, тем дальше отстоят от истины. В стихах о «чужих снах» нет этой ложной мудрёности, в них содержится простая, вынесенная из богатого жизненного опыта и понятная каждому мудрость. В одном из стихотворений встречаем созвучие с известными словами старца. Эта реминисценция хорошо характеризует, в том числе и творческий метод поэта: *«И так легко и просто, / И снег валит стеной, / И ангелов штук по сто / Летает надо мной...»*

Ангелы «выходят» из цитаты и воспринимаются как существа реального, а не вымышленного мира, что полностью органично для православного мировосприятия автора.

Одним из имманентных качеств человека является нравственность. Она, по Канту, неотделима от человеческой натуры. Поэт

считает эту категорию необходимой отправной точкой любого поступка в идеальном пространстве и сам живёт и действует в координатах духовных ценностей. Не всегда это удаётся, что откровенно признаёт лирический герой:

«В потёмках спотыкаюсь, / Блуждаю иногда, / Бреду, греша и каясь, / Неведомо куда...»

Но всегда перед одиноким странником стоит цель, к которой он стремится, несмотря ни на какие падения. Он непременно встаёт с колен и идёт дальше:

«Но всё ж, куда б дороги / Не завели впотьмах, / Не забывал о Боге / И каялся в грехах».

Ночь – сакральное время. Именно ночью стирается грань между реальным и ирреальным мирами, пространство истончается, становится почти прозрачным и способно пропускать чужие сны, иные миры в собственный внутренний мир человека. Семантическая площадка сборника стихов о чужих снах приобретает согласно выбранному хронотопу дополнительную сакральную энергию, позволяющую обнажить то, что не видно днём.

Сложно дать оценку использованию архаизмов в современной поэзии. С одной стороны, это дурной тон. Если же копнуть глубже, то проблема выводится на совершенно иной уровень восприятия. Находим у Дмитрия Мизгулина: «отверзла высь», «глас», «внимая»... Вопрос допустимости введения устаревших слов (а устаревших ли?) в поэтический текст, наверное, всё-таки сродни проблеме, связанной с предложением вести церковные службы на современном русском языке. Скорее, не допустима попытка внедрить в высокое пространство профанное начало, а потаённое заменить максимально обнажённым. При таком понимании скорее неорганично выглядит использование поэтом таких более чем современных слов, как отстой, айпод или айпад:

«Россия – в отстое, в отпаде, / Как тяжко её бытиё! / А мы же в айподе, в айпаде / Находим спасенье своё».

Чтобы прийти к истинному спасению, лирическому герою нужно преодолеть большое количество жизненных дорог. В связи с этим особенно значим в поэтике сборника хронотоп дороги, во

многом определяющий структуру его художественного пространства. Слово «дорога» встречается в книге двенадцать раз.

«И нет ни привала, ни крова, / И нет ни покрышки, ни дна... / Тебе лишь дорога – основа, / Тебе только вечность дана / И дали, туманные дали, / Где края достигнешь едва ли...»

Двенадцать – это и количество частей года, и часов дня и ночи, в которые скиталец совершает свой путь, и в целом основное число, символизирующее пространство и время в древней астрономии. В культуре модель, основанная на двенадцати, приравнивается к кругу и к идее всеобщности в сакральной геометрии, а в сборнике Дмитрия Мизгулина вырастает в идею соборности, в идею общности народа, идущего по одним и тем же дорогам; конкретнее – по дорогам России.

В сотериологической поэзии часто возникает образ странника, не ищущего лёгких путей. На духовной дороге лирического героя ждёт множество препятствий. Они сужают его личное пространство, испытывают, но ему удаётся выходить из замкнутых кругов, сетей врага рода человеческого, благодаря религиозной мировоззренческой установке – шанс на спасение души есть всегда:

«В поднебесье тускло тают звёзды, / В темноте круги сужает бес, / Но поверь, что никогда не поздно / Будет достучаться до небес».

Одной из архетипических констант русской культуры является мотив дома и бездомья. В поисках Вечного Жилища лирический герой теряет значимость дома земного, его, дома, попросту нет («Полжизни прошло на вокзалах, полжизни – в аэропортах...») Иногда поэта посещают сомнения по поводу возможности обретения пристанища в вечности, и, подобно Экклезиасту, он разочарованно размышляет:

«Меняешь всё без сожаленья, / Летишь сквозь звёздную метель, / Осознавая, что движенье – / Твоя единственная цель».

Домом становится широкое пространство России: и реальное (Тобольский град, воды Иртыша), и метафизическое. В сакральной первооснове бытия, – мире православных святынь, – всё свято и

светло. С особым теплом автор пишет о празднике Крещения Господня. В это священное время и небеса открываются, превращая сиюминутное в вечное и даже русский Иртыш – в ту самую реку, в которой крестился, по евангельскому рассказу, Иисус Христос («Стали нынче Иорданью воды Иртыша…») Небесные силы освещают и преобразовывают это место. В сибирской столице время будто застывает. Архитектуре Тобольска, этой «застывшей музыке», вторит даже лексика в стихотворении, посвящённом Аркадию Елфимову: в дивном «граде» встречаем «собирателя русской старины» и раскрывается перед нами…

«Ширь земли – куда ни бросишь взгляд, / В небе, вперемешку с облаками, / Купола ажурные летят…»

Словно рядом со своим домом лирический герой сажает дерево, которое должен посадить каждый мужчина. И снова переход в вечность:

«И глаза усталые закрою. / Буду слышать в жизни неземной, / Как шумит весеннею листвою / Дерево, посаженное мной».

Неземная жизнь – это и есть тот истинный дом, куда стоит устремляться «сквозь ночные метели». В земной жизни душа поэта не имеет дома, жизнь мыслится им всего лишь как время перелётов и переездов… Лишь изредка лирический герой находит временное пристанище где-нибудь в святой лесной тиши:

«За окнами синими стынет / Насквозь промороженный лес. / Молитва из этой пустыни / Быстрей долетит до небес».

Вторая часть книги называется «Ночные поезда». Поезд – это так же особое место. Это другое измерение, сакральное пространство, в котором время преодолевается особенным образом. А купе в вагоне становится аналогом кельи, где есть возможность остановиться, не прерывая движения, и задуматься о жизненных ценностях. Ещё один дом бездомного русского скитальца. Здесь можно передохнуть и в тишине помолиться. Молитва никуда не спешит: *«Неспешно молитва вершится, струится речная вода…»* В художественном мире «Чужих снов» возникает два противоположных хронотопа – хронотоп Святой Руси (когда «Бог – писали с прописной») и современной «Рассеи», рассеянной по миру со-

блазнов в десакрализированном мироустройстве. По контрасту с каменным основанием великих средних веков дом современной России «построен на песке»:

Молчим, речам вождей внимая,
Нас поглощает пустота…
И мы давно не понимаем,
Что мы не те, что Русь не та,

Что, обретая постоянство,
Не замечаем смертный тлен,
Что Богом данное пространство
Исчезло в вихре перемен.

Ещё одна тематическая парадигма сборника связана с апокалипсическими мотивами. Лирический герой называет себя «времён последних зрителем». Тема последних дней человечества красной нитью проходит по страницам книги: *«Но мир беспощадно железный, в преддверии судного дня…»*, *«Где б испить живой водицы? Всюду хмарь да мрак. Гром греми! Пора креститься. Да забыли, как…»*, *«Вселенский сумрак впереди…»* И, словно вышедший из Евангелия от Иоанна, страшный финальный аккорд:

И рухнут выси небосвода,
И грянет грозно трубный глас,
И равнодушная природа,
Легко вздохнув, исторгнет нас.

В эсхатологическом хронотопе все чаяния поэта связаны с возможным спасением человечества «русской молитвой» («Вершится неравная битва, тускнеет в тумане звезда, но русская наша молитва услышана будет всегда…»), с возвращением к духовным истокам – ценностям Древней Руси, когда и чтение книг было «вкушением мёда словесного». Поэт обращается за помощью к великому прошлому: «Помяни нас, Русь Святая, и спаси нас Бог… », «Пускай

нам порой не хватало и хлеба, но было распаханно русское небо»... Он сокрушается о духовной разрухе в современной России: *«Русь не та...», «грустно на Родине милой»... «А нынче – не сеем, а нынче не пашем. Под песни чужие смеёмся и пляшем»... «Где теперь она – Рассея? Нет совсем её!..»... «Россия – в отстое»... «Ни Бога не надо, ни воли, не чувствуем сердцем беду. / И некому выйти во поле, и бросить зерно в борозду»*.

Прежней сакральной Руси, её вкусным земледельческим плодам, противопоставляется жестокость и бездушие «железного века», звучит тоска по взращиванию хлеба насущного – земного и небесного. Ещё летописец в «Повести временных лет» называет хлеб духовной пищей, а хлебопашество сравнивает с проповедью.

Выпав из христианского измерения, современная Россия отказалась от Небесного покровительства и ослабла. Как следствие –

«И пошла в металлолом / Целая эпоха... / Разгулялися ветра Вдоль по белу свету... / Родина была вчера, А сегодня – нету...»

Вывод прост – железо рано или поздно попадает в металлолом, а земля существует вечно, питая корни человечества. Железо само по себе смертоносно, если не сочетается с чем-то живым (к примеру, деревянным). В книге Дмитрия Мизгулина железо не в почёте: *«Был построен на песке замок наш железный...», «Но мир, беспощадно железный...»* Но с какой любовью говорится о родной земле, о деревьях! Деревья будто мелькают в окне бегущего поезда, и от них веет «живой жизнью»: *«Пылится вечная дорога, шумят чуть слышно дерева...», «Что ж теперь? Теперь – сажать деревья...», «Дерево, посаженное мной»...* Звучит здесь и вечный русский вопрос «Что делать?» От железного века не отказаться – человеку без него уже не обойтись, но и уход от живых веществ, от живой души будет смертельным. Наверное, выход – в крестообразном соединении этих кардинальных оппозиций. В этой связи возникает ассоциация с тем закладом, который Раскольников понёс старухе. Находим в «Преступлении и наказании»: «Этот заклад был, впрочем, вовсе не заклад, а просто деревянная, гладко обструганная дощечка <...> Потом уже он прибавил к дощечке гладкую и тоненькую железную полоску <...> Сложив обе дощеч-

ки, из коих железная была меньше деревянной, он связал их вместе накрепко, крест-накрест, ниткой; потом аккуратно и щеголевато увертел их в чистую бумагу и обвязал тоненькою тесёмочкой, тоже накрест»... Не забыть бы только совсем о крестообразном знамении, о чём сетует поэт:

«Гром греми! Пора креститься. Да забыли, как...»

И всё же муза Дмитрия Мизгулина оптимистична – несмотря на все невзгоды, и над сегодняшним русским небом сияют всё те же Святые Небеса, о чём говорится в следующих строчках:

И пусть наши думы – о хлебе,
И в душах царит непого́дь,
Но в русском блистательном небе
Живёт милосердный Господь.

Универсальные понятия времени и пространства всегда были активно востребованы в культуре. На них зиждется модель мира художника. Сквозь призму этих понятий хорошо просматривается аксиологический текстовый рисунок. Уже в названии книги «Чужие сны» живёт реальность вместе со своим подтекстом, ведь сны – это особенное сакральное отображение жизни, яркий комментарий к дневным поступкам человека. Это редукция, необходимая для толкования. Поэт резюмирует:

В нашей жизни всё предельно просто:
Вечность спрессовалась до минут –
От роддома жизнь и до погоста,
Как один автобусный маршрут...

Хорошо, когда во время движения по этому маршруту к Слову подходит Поэт, подобный древнеанглийскому поэту Кэдмону, которому чудесным образом довелось познать творящую природу Слова – истинного, божественного..

О ПОЭЗИИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Михаил ВЕРХОЛАНЦЕВ,
Москва,
8 июля 2014

Закончен день. Закончен век.
И воцарилась тьма.
С небес струится мягко снег
На сонные дома.

Д. Мизгулин

Знаменитое своей русофобией сочинение маркиза де Кюстина «Россия 1838 года» вызвало негодование всей русской читающей публики и смутило даже Герцена. И никто не заметил тайного и непроизвольного восхищения талантливостью опасного для Европы народа, никто не заметил дифирамбов, скрытых под покровом тенденциозной критики. Общий настрой книги таков: да, народ этот – неисправимый раб, он аморален, он оккупирует в будущем Европу, но при всём притом он эстет, он артистичен, обаятелен и прежде всего поэт. В самом деле, как можно любить эту бескрайнюю плоскую равнину с чахлой, унылой растительностью? А этот несчастный народ боготворит свою землю именно за унылость. «Унылость русских песен, – пишет Кюстин, поражает всех иностранцев; но музыка эта не только меланхолична, она – учёная и сложная, она слагается из мелодий, являющихся плодом вдохновения, в то же время из очень изысканных гармонических комбинаций, какие в других странах получаются лишь путём изучения

и расчёта… Певцы сельских квинтетов исполняют ряды аккордов неожиданных, прерываемых руладами и деликатными украшениями… Пение русских крестьян – громкое причитание в нос, очень неприятное в одноголосном исполнении, но в исполнении хоровом эти жалобы принимают серьёзный религиозный характер… Размещение различных партий, композиция, неожиданные вступления голосов – всё это трогательно и никогда не бывает пошло… глубокая меланхолия напевов, особенно тех в которых напускная весёлость создаётся живостью удалого движения…»

Напротив, мистическая меланхолия поэта – символиста Метерлинка никого не удивляет. Это, говорят, меланхолия здоровяка. Метерлинк, по воспоминаниям, был похож на спортсмена, на неотёсанного шофёра, а никак не на утончённого поэта, подобного женственному Рембо.

«Три сестры слепые (есть надежда, есть).
Взяли три слепые лампы золотые…
Три сестры на башне (трое, ты и я)
Три сестры на башне
Ждут в тоске всегдашней…»

Метерлинк. Перевод Брюсова

Вот ещё примеры меланхолии здоровяков, плачущих от избытка силы:

«…В небесах торжественно и чудно;
Спит земля в сиянье голубом.
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?..»

Лермонтов

«…Скучно, грустно!
Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку…»

Некрасов

«Ich weiss nicht, was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin…»
Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущён…

Гейне. Перевод Блока

«Эх, кабы Волга, матушка,
Да вспять побежала,
Кабы можно было начать жизнь сначала…»

А. К. Толстой

«… На свете счастья нет,
Но есть покой и воля…»

А.С. Пушкин

А теперь открываем сборник стихов сибирского поэта Дмитрия Мизгулина. Сборник изящно издан, с большим тактом. Дизайнеры не только талантливы, но и добросовестны. Каждое стихотворение обволакивает фрагмент пейзажа, любовно подобранного, идеально соответствующего умонастроению поэта.

Вообще, иллюстрация не должна быть доскональной, а предпочтителен скорее парафраз, с тем расчётом, чтобы литературный текст сам собою генерировал фантазию читателя, нисколько не направляемую иллюстрацией. Но в этом сборнике всё на удивление деликатно. Природа, аккомпанирующая стихам, отнюдь не чахлая, напротив, разнообразная и роскошная. В иных случаях создаётся дизайнерскими компьютерными приёмами некая фантасмагория, подчеркивающая крайнюю степень меланхолии, переходящую почти в отчаяние:

Погаснут светила в полуночный час
В преддверье крушенья эпохи.
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали…

В этом странном стихотворении много смыслов.

Оно даже перекликается с знаменитыми Скифами Блока.

После распада СССР мир дал роковой перекос и многие трещины. Кажется, и природные катаклизмы предупреждают нас о приближающемся конце нашего витка цивилизации.

А вот ещё одно стихотворение, исполненное искренним патриотизмом, так, что слова, идущие от самого сердца, естественно облекаются в хорошую поэтическую форму:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят…

Лично я не испытываю особого беспокойства по поводу английских вторжений в русский язык, обозначающих экономическое превосходство англосаксов. Обыватели падки на псевдокомфорт, а народ – пересмешник и языкотворец со временем найдёт достойное место словам: шоппинг, драйв, айсберри, киллер, вау и т.д. Стоит только вспомнить судьбу тюркского слова сарай или как французское cher ami превратилось шерамыжник.

Заметим, что народ склонен превратить в карикатуру, обесчестить любой общественный строй, навязанный ему сверху, а заодно уж и обслуживающую этот строй языковую фактуру.

Читаешь сборник, любуясь оформительскими ухищрениями, отложишь книгу, задумаешься о многом и перелистаешь твёрдую драгоценную страницу двухсотграммовой бумаги для дальнейшего чтения. Всё это доставляет удовольствие.

Основная же тема стихотворных сюит, расположенных посезонно, основной мотив суть сожаления об уходящем времени. Такую меланхолию обыкновенно испытывает только работяга, для которого дни мелькают в повседневной текучке.

Жизнь – работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

Правильно, человек создан для труда. Труд, труд во имя идеи труда. «Владыкой мира будет труд». Человек здоров и счастлив, пока работает. Но наступает весна, а поэт тоскует о безжалостной зимней пороше. Уходит весна, жалко осыпающегося цветения черёмухи и яблонь.

Вот и жаркое лето, природа роскошно бушует, а тут как раз надо работать. Хочется воздать хвалу облакам, любоваться купами деревьев, травами, кроткой и долгой зарёй, освещающей лес магическим тихим светом.

Вспомним Маяковского:

Я крикнул солнцу:
Дармоед!
Изнежен в облака ты.
А тут,
Не знай ни зим, ни лет,
Сиди,
Рисуй плакаты!

Одно из стихотворений Дмитрия Мизгулина хочется показать полностью:

Ну, вот и закончилось лето,
Кометой сверкнув в небесах,
И осени близкой приметы
Заметны в полях и лесах.

Туманятся крупные росы,
И травы приникли к земле,
И светятся тускло берёзы
В холодной сиреневой мгле.

В преддверии скорой разлуки
Сомнения и страхи легки.
Я без сожаления и скуки
Приемлю теченье реки.

И песня моя отзвучала,
В цветах отгудела пчела,
И лодка моя от причала
Неслышно отчалила…

Что это в последней строке? Что за ритмический сбой? Авангардистский приём в духе Пригова или недобросовестность редактирования? А ведь проще было бы окончить словами: «…невидимая отплыла». Но это выходит за рамки моей компетенции. Я хочу сказать, что это одно из сильнейших стихотворений сборника своей меланхолией напоминает мне картину финского художника Галлен Каллелы «Отплытие в Туонелу». Молодёжь отплывает в страхе и отчаянии, иные плачут, а старцы смотрят в чёрную воду с философским спокойствием. Сам автор (автопортрет) с мастерком в руке просто отвернулся и думает о работе. Его презрение ко всему, кроме труда возможно и не затянет его в роковую реку.

Легко сказать: *«…Землю попашет, попишет стихи…»*, а ведь рабочий мотор иногда перегревается и тут наступает бессонница. Одно из сильнейших стихотворений сборника так и называется БЕССОННИЦА. Тусклыми и туманными образами очень точно схвачено сладко-мучительное состояние ночного полусна. Мысли путаются, ловишь за хвост конец мысли, а где начало? И зачем об этом подумал?

Стихотворению БЕССОННИЦА родственно последнее стихотворение сборника «По тем адресам, где когда-то я жил…» Оно замечательно по ритму и, опять завершается ритмическим сбоем. Изысканный ритм стихотворения напоминает ритм знаменитой баллады А.К. Толстого «Князь Курбский»:

… В тумане забвенья плывут города,
В которые я не вернусь никогда,
Но нет сожаленья и му́ки
От этой последней разлуки…

Таковы некоторые, но далеко не все, ассоциации, вызванные прочтением стихов сибирского поэта Дмитрия Мизгулина. Повторяю, сборник доставляет удовольствие и хочется читать его понемногу каждый день. Но если бы мне довелось оформлять его, то я снабдил бы ещё классическими примерами пластической меланхолии. Миниатюрами англичан Николаса Хиллиарда и Исаака Оливера, «Отчаявшимися душами» Фердинанда Ходлера или замечательными гравюрами Владимира Фаворского. Одна из них изображает Лермонтова, бросившего на землю белый картуз, лежащего и смотрящего в небо. Другая изображает лежащего на земле Ломоносова, бросившего парик на землю. Человек раскрепостился, бросил головной убор на землю, оторвался от земли и парит в небесах.

ДИАЛОГ С АНГЕЛОМ

Виктор ГУМИНСКИЙ,
журнал «Наш современник» №4,
Москва, 2010

Растает боль. Исчезнет страх
И груз земного притяженья
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье…

Д. Мизгулин

Эта книга удивительным образом заключает в себе множество пространств и голосов. Диалог между ними начинается прямо с обложки. Сразу бросается в глаза розовый, вроде бы небрежный, даже случайный мазок кисти художника. Он зацепился за синий прямоугольник с именами авторов (фотохудожника и поэта) и идёт поперёк строгого, серо-стального фона. Авторы словно бросают вызов читателям: «Смотрите! Такая непростая, состоящая из диссонансов, контрастов, противоречий современная жизнь!» Читатель должен понять и увидеть, что прошло время одномерных, плоских решений, традиционных видовых фотоальбомов с аккуратной подборкой хрестоматийных стихов «о природе». «Получите наш XXI век, наше III тысячелетие!»

Этот диалог вовсе не стремится перейти в площадной, футуристический крик, безоглядно порывающий с прошлым. Потому что среди голосов, собранных в книге, явно слышен голос вечной красоты, чаемого и гармоничного миропорядка, следы которого можно встретить на каждом шагу. Художнику нужно лишь внимательней всматриваться в окружающее. Разговор получается приглушённый, но от этого не менее драматичный.

Откроем книгу почти наугад. Вот трубящий ангел с распахнутыми крылами застыл на шпиле башенки тобольского кремля. И тут же, чуть поодаль, с другой башенки ему откликается второй небожитель с опущенными крыльями. А вокруг «небес бесконечных свеченье» (Дм. Мизгулин), покрывших сибирскую землю чистыми снегами (фотография Арк. Елфимова). Как тут не вспомнить! Ведь так громко, на долгие века сказал С.У. Ремезов: «Подобен сибирский град Тоболеск ангелу!» И как подтверждение в правом нижнем углу книжного разворота улыбается радостная, сияющая «иконка»: юная, весенняя мама на качелях с младенцем на руках. Вот оно счастье жизни, когда небесное и земное слиты в нераздельном единстве.

Но тревога, мысль о бренности бытия не уходит. Голос поэта Дмитрия Мизгулина на той же странице напоминает: *«Вострубят ангелы – пора...»* И завершается стихотворение лапидарным итогом: *«Земные дни во мгле верша, / О небе думает душа».*

Диалог продолжается: следующий, чёрно-белый, а, точнее, серо-чёрный разворот книги (фотография П. Кривцова) откровенно апокалиптичен. Это статуя поверженного ангела с расколотым крылом, распластавшаяся на земле, на тюках чего-то повседневно-промышленного, рядом с протектором грузовика и т.п. Как будто всё сказано прямо и без обиняков: жизнь идёт своим жестоко-бессмысленным чередом. «Век шествует путём своим железным...», как написал когда-то Евгений Боратынский и ей уже не нужны ангелы и прочие небесные «излишества». Это подчеркивается и пересекающим пространство разворота, словно процарапанным по фотографии белым электрическим проводом своего рода приземлённым (заземлённым!) напоминанием о былых небесных грозах с их громами и молниями. Но и тут, в изображении катастрофы обыденного надругательства, красавец-кот, настороженно поместившийся на фотографии по соседству с ангелом, вселяет если не веру, то какую-то надежду: красота и сокровенная теплота жизни всё равно должны избежать зла. Стихи Дмитрия Мизгулина откликаются на эту тему, обличая современную жизнь:

В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма
И теперь не беда.

Но поэт всё равно убеждён в том, что у беса «слишком коротки руки, не достать до небес»:

В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.

Это стихотворение как бы всплывает на рябоватую поверхность водной глади вместе с царственно-нарядными кувшинками. И фотография Арк. Елфимова служит ему не иллюстрацией, а подтверждением, но на другом художественном языке: мир прекрасен в каждом своём живом проявлении, потому что он Божий. Порукой тому православный крест на заснеженной равнине в «иконке» в правом нижнем углу книжного разворота, строгая графичность которого «утепляется» человеческими следами на белой глади и такой «домашней» скамеечкой у подножия креста.

Книга «Утренний ангел» распахнута навстречу миру, сложному и многообразному. Тут и ледяные торосы причудливо громоздят толпы белых фигур, вытянувшихся навстречу весеннему солнцу. И раздолье речных половодий, и виды сибирских городов с высоты птичьего полёта, и захватывающие дух полевые просторы с оранжево-жёлтыми вспышками осенних лесов и урочищ, и хрустальная чистота зимнего неба, словно замершего в восхищении перед красотой, открывшейся ему на земле. Постепенно диалог разрастается, захватывает новые пространства и дали, прошлое и настоящее. Появляются могучие, явно доисторические раскидистые деревья, стройные храмы и приземистые крепости, цветущие сады и луга, заиндевевшие от сурового мороза старинные ворота и калитки, столбы дыма над крышами домов и утренние туманы над рекой.

Книга превращается в фантасмагорию цвета и красок, времён года, разнообразных оттенков и полутонов, грандиозных панорам и мельчайших деталей (фотографии Арк. Елфимова).

Тут и Пушкин-лицеист скульптора Г. Додоновой, который изящно и привольно раскинулся на лужайке под кронами уже отцветшего яблоневого сада в Михайловском. И деревянное многоглавие Покровской и Преображенской церквей в Кижах, запечатлённых на дальнем плане, а впереди потемневший от времени величественный дом-корабль Ошевнева с опоясывающими его резными галереями и балконами, оконными наличниками и причелинами (фотографии П. Кривцова). Всё это называлось и называется по-разному, но обозначает одно: Русь, Российская Империя, Советский Союз, Россия, Отечество, Родина.

Совсем неслучайно автор предисловия к книге Валентин Курбатов завершает статью словами о «труде, мужестве и русской ясности пути под родным небом». В свою очередь Сергей Небольсин в послесловии вспоминает о тайне прекрасного, увиденного «по наитию ангела, а не просто житейским взглядом». Ведь «каждый несёт в себе тайну, высказывание же о её неразгаданности только намёк словом или светотенью».

Вновь и вновь на страницах книги Аркадия Елфимова и Дмитрия Мизгулина появляется тобольский ангел, то вздымающий трубу к небесам, то опускающий её долу. Ему с таким же упорством и настойчивостью отвечает поэт:

Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато.
Господи! Не оставляй меня!

Пусть в ночи моя истает свечка,
Но очнусь счастливый поутру,
Чуя, как дрожит мое сердечко,
Как душа трепещет на ветру.

ВСЁ МЕРИТ ВРЕМЯ МЕРОЙ СТРОГОЙ...

Ольга ИВАНОВА,
«Литературная газета» №5,
10 февраля 2010

...Закон истории жесток.
Всё мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльною дорогой.

Д. Мизгулин

Обычно книжной иллюстрации достаётся важная, но всё же вторая роль – помогать восприятию текста. Или наоборот, отрывки стихотворений служат для украшения альбома репродукций. А вот две книги «Движение души» и «Утренний ангел», созданные в содружестве двумя авторами – Аркадием Елфимовым и Дмитрием Мизгулиным, – в этом смысле поистине уникальны. В них поэтическое слово и фотографии – нет! – фотокартины сосуществуют на равных, не повторяя сюжеты друг друга, но дополняя и усиливая их.

«Конечно, мне бы хотелось, чтобы сначала ты прочитал только стихи и пережил их открытым сердцем (а они требуют доверия и любви), потому что тоже являются беззащитным письмом к тебе,

чтобы вы, преодолев одиночество, были вместе, – обращается к читателю-зрителю Валентин Курбатов в предисловии к «Утреннему ангелу. – Но ведь ты не удержишься и начнёшь глядеть фотографии, не сразу догадавшись, что подвергаешь опасности и слово, и образ. А они не порознь. Они – единое слово. И твоему сердцу предстоит труд услышать мысль стиха, а потом догадаться, почему рядом стоит именно эта фотография... Стихи могут криком кричать о печали, а с фотографии глянет светлый денёк с берёзой, трепещущей на ветру, и ты не сразу поймёшь, что художник, так же задетый словом поэта, хочет утешить тебя, сказать своё «ничего, переможемся, ведь у нас есть Божий мир, Господня красота, которая зачем-то глядит в наше сердце!»

Именно так – в обеих книгах над каждым сочетанием строк и образа придётся думать, а то и того сложнее, сердцем улавливать тончайшую связь.

Вот, к примеру, безмятежный на первый взгляд пейзаж. Лето, обильная зелёная трава, деревья в густой листве, среди всей этой свежей зелени – белая церковь. Идиллия, тишина, благодать. Но, тяжело поднимаясь из-за горизонта, нависает над этим крошечным миром свинцовая грозовая туча...

А рядом – стихотворение «Раздумья в степи»:

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум –
Столица Золотого ханства?
А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.
И город был от бед храним,
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.
...Но вновь восстали, поднялись

Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Зелёные и золотые.
…Закон истории жесток.
Всё мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльною дорогой.

Вот и всё, что осталось от очередного «города крепкого». Пыль и прах. Подкопили сил, укрепились духом порабощённые – и сбросили ярмо. Нашлись другие пути к богатствам далёкой Индии, опустели площади городов на Шёлковом пути, не с кого стало брать дань. Горе возомнившим о себе… А летняя гроза – она пройдёт, и только пышнее станет зелень после дождя, засияют купола в лучах вновь выглянувшего солнца.

О чём ещё мечтать, чего просить у высших сил?
Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,
Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести.

– На мой взгляд, вся жизнь – это творчество, а художник, писатель и вовсе занимается божественным сотворчеством, он ближе всех к Богу, – говорит Дмитрий Мизгулин в недавнем интервью «ЛГ». – Как можно не прийти к Богу? Это аномалия. Знания о Боге даны каждому от рождения, это отличает человека от животного. Вне представлений о Нём жить нельзя.

Эти слова способны удивить тех, кто привык считать финансистов людьми, чуждыми прекрасного и возвышенного. Дмитрий Мизгулин сначала окончил Ленинградский финансово-экономи-

ческий институт по специальности «финансы и кредит», потом Литературный институт, ныне возглавляет ОАО «Ханты-Мансийский банк». Однако же незаурядные личности на то и нужны, чтобы творить шедевры – и ломать стереотипы.

Аркадий Елфимов родился в Тюмени, а живёт и работает в Тобольске. Строил Тобольский нефтехимический комбинат, был начальником крупного домостроительного комбината, избирался мэром этого сибирского города. Сейчас руководит благотворительным фондом «Возрождение Тобольска». Желание запечатлеть красоту мира на плёнке заставило Аркадия Елфимова потратить немало сил и времени. Он называет себя «азартным и упрямым человеком», поэтому сумел самостоятельно обучиться фотоискусству, обретя уникальный творческий почерк и получив признание профессионалов вкупе с восхищением зрителей, посещающих выставки его работ.

Два талантливых человека, каждый по-своему и одновременно в удивительном созвучии, сохраняют для нас красоту родной земли и звучание поэтического слова. И это вселяет немалую радость.

ЦЕЛЕБНЫЕ СТРОКИ ГРУСТНЫХ СТИХОВ

Елена ЗАХАРЧЕНКО,
Санкт-Петербург

Мы глухи, мы слепы, мы немы.
И разум болеет и плоть.
Не помним уж, кто мы и где мы,
Но нас не оставил Господь!

Д. Мизгулин

Загадочные, магические строчки стихов, написанные столбиками, при виде которых некоторые читатели сразу торопятся перевернуть страницу газеты или книги, имеют давнее свойство не всем нравиться. Тем более неловко должен ощущать своё положение в мире и обществе стихотворец, поэт, чьи произведения наполнены грустью о несовершенстве земного бытия, скорбью об обманутых нищих согражданах нашего Отечества. И на трибуну такой поэт не рвётся, и в творческий союз писателей вступать не торопится, словно в запасе у него – вторая жизнь.

Но, может быть, и правда, независимо от своего создателя, некоторые серьёзные стихи обретают вторую жизнь, длятся долго, храня в себе запечатлённую истину. Таковы если не все произведения, то, во всяком случае, многие стихи, отдельные строфы, строки стихов Дмитрия Мизгулина. Многим он помнится по

публикациям в коллективных сборниках «Молодой Ленинград», «Молодые поэты Ленинграда». А между тем родившийся в 1961 году, он в моём представлении молодым поэтом никогда и не был, потому что, кроме паспортного возраста, на мой взгляд, стихи молодых поэтов должны быть интонационно, тематически другими. А у Димы и тогда, когда ему едва «перевалило» за двадцать, стихи были умные, философские, взрослые. Особенно запомнились строки его стихотворения «Суворов»:

Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег...
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

Или – вот эти, о пожаре в лесу:

Поезд едет. Лес горит.
И ничем тут не поможешь...

Дмитрий Мизгулин успешно закончил финансово-экономический институт имени Н.А. Вознесенского, спокойно и честно трудится соответственно своей, воспринимаемой некоторыми литераторами как «скучная», специальности.

В меру сил он помогает выходу в свет журнала «Медный всадник» и газеты «Русь», скромно, не навязывая себя никому в качестве автора или руководителя, например, отдела поэзии. Хотя такого поэта и человека, как Дмитрий Мизгулин, смело можно было бы ставить у штурвала поэтического корабля. Потому что он ни на мель судно не посадит, ни шквалу собственных эмоций и страстей не поддастся. А уж о сочувствии к ближним и говорить не приходится – строки его стихов исполнены доброты и участия к людям, молитвенного сопереживания их судьбам. Он воссоздаёт в таких стихах тот самый сегодняшний больной Петербург, от которого многие спешат отвернуться. А Дмитрий словно заставляет смотреть, сопереживать:

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идёт...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдёт...

Заметьте – не традиционное церковное слово «благодать» применительно к понятию о Святом Духе употребляет Дмитрий, а такое простое, понятное и необходимое – «теплота». Оно тоже вполне соответствует церковным представлениям о действии Святого Духа на людей.

Не вдаваясь в богословские термины, поэт говорит о людях, о мире всем понятной речью, без нарочитого употребления так называемой «православной лексики», не прячась в довольно узкий круг тех литераторов и поэтов Петербурга, которые стали себя именовать обществом православных писателей. Дмитрий Мизгулин сумел остаться самим собой, не боясь от себя лично давать такие, например, ёмкие характеристики нашей эпохе, нашему времени:

А и то сказать – живём неплохо.
Техника вокруг – как ни крути...
Далеко продвинулась эпоха,
Дальше просто некуда идти.

И остановленный в задумчивости читатель снова возвращается к началу стихотворения, читает его, уже как бы заглядывая в собственный мир, сравнивая ощущение поэта со своим.

Так возникает постепенно из скорбных нот, звучащих в сердце поэта, мелодия, просветляющая душу. И вслед за ним, уже радуясь, читатель готов говорить то же:

Но слышу – я ещё не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

Может быть, среди громкой телевизионной и газетной стрекотни, новостей, мгновенно перестающих быть новыми, дело поэта – возвращать себя самого и своих читателей, своих друзей к умению слушать почти заглушённый голос собственной души. И поскольку обычно там, в душе, бывает много проблем, болезненных нерешённых вопросов, так не хочется некоторым читателям вникать в смысл строчек, написанных столбиком, словно измеряющих их собственную глубину.

Но как хорошо всё-таки, что, пусть нечасто, открывается перед всеми нами поэт, возвращая некоторым и слух, и зрение, и вкус к жизни своими грустными, печальными стихами. Ведь и лекарства чаще всего бывают горькими.

А стихи Дмитрия Мизгулина в наше время – время эпидемии злобы, жадности – способны для многих стать целебными.

ТАКИЕ ПРОСТЫЕ СЛОВА...

Алексей АХМАТОВ,
Санкт-Петербург

Твоей единственной заботой
Пускай останется душа...

Д. Мизгулин

Читая стихи Дмитрия Мизгулина, я представлял себе немолодого (лет за пятьдесят) человека, с нелёгкой судьбой, живущего трудно. Туго с деньгами, тяжёлая работа, на шее дети, а может быть, и внуки. Всех надо поставить на ноги, всем помочь:

Жизнь – работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

Каково же было моё удивление, когда на пороге моей квартиры показался довольно молодой, крепко сбитый, уверенный в себе человек, представившийся просто и доверительно: «Дима». Мы пили пиво, ели красных распаренных раков и говорили о жизни

вокруг, о поэзии, о политике, о России. Оказалось, что Дмитрий Мизгулин не только поэт. Он – преуспевающий бизнесмен и банкир, и жизнь свою строит сам – энергично, уверенно, и дело ладится, и деньги есть, и творческая работа, и семья. Мы беседовали, а я всё удивлялся: как не соответствует образ, складывающийся в стихах, реальному человеку, автору этих стихов. И в мозгу все всплывали его строки:

...Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда...

...Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-земле...

И тогда стали заметны мне и пронзительные глаза, и грусть в лёгкой усмешке, и плечи слегка опущенные, словно под каким-то невидимым грузом. И опять мне показался разительным контраст между внешним благополучием и внутренним ощущением трагичности бытия. Ведь сами эти понятия «поэт» и «благополучие» не стоят рядом друг с другом. Не уживаются. Как-то Виктор Ширали на выступлении одного известного поэта сказал о нём: «У поэта счастливой судьбы не бывает. Даже если он признан».

После знакомства с Дмитрием я ещё раз перечитал его книгу, под новым углом взглянул на его творчество.

Не то чтобы личное обаяние поэта подкрасило его произведения особым светом – нет, я привык читать стихи, абстрагируясь от личности автора. Но я понял, что за ними стоит не просто остро воспринимающий действительность и в чём-то несчастный человек, а молодой и деятельный творец, способный изменять и изменяющий мир вокруг себя. А это очень важно – всегда важно, с каким чувством произносятся, например, одни и те же слова. По-разному человек может сказать: «Я не буду с тобой спорить». Имеет большое значение то, что является движущей силой его

слов. Он может сказать так от слабости, потому что у него нет больше сил противостоять, он может ляпнуть это просто от равнодушия – если ему всё равно, а может – глубоко понимая истоки, приведшие к спору. Очень многое, если не всё, зависит от побудительного мотива.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!

...Я бред этот слушать не стану,
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Вот позиция человека дела. Поэт не возражает не от слабости. Он не возражает от силы. И его труд – неважно, картошка это, или работа в кабинете, или даже само это стихотворение, – весомее, чем любые споры с новоявленными демагогами.

Искренне и глубоко поэт верит в Бога. Многие его стихи пронизаны глубоким религиозным чувством. Как-то главный редактор издательства «Библия для всех» сказал мне с сожалением в голосе: «Даже когда наши классики писали о Боге, им почему-то отказывало вдохновение». Думаю, это во многом замечено справедливо. Дмитрий Мизгулин и тут меня удивил. Многие его стихи о вере и неверии пронзительны и неординарны. Если это ужас ада – то действительно страшно:

И не тверди о том, что всё...
Что всё начертано судьбою.
Настанет час – во всей красе
Предстанет дьявол пред тобою.

И если дрогнешь, всё отдашь,
Предав и тех, кого не знаешь...
Но если вспомнишь «Отче Наш»,
То ничего не потеряешь.

О бесах он вообще пишет как о реальных существах:

Они прилежны и пригожи,
Имеют человечий вид,
Они на ангелов похожи,
Но выдаёт их стук копыт.

Но поэта не смущает их существование, потому что он знает, что им можно противопоставить:

Ни разлук не боюсь, ни измен,
Сколько раз начинал сначала!
В зыбком мареве перемен
Только вера меня спасала.

Как бы ни было тяжело,
Посреди вселенского срама
Я в душе сохраню тепло
Тишины опустевшего храма.

Мне кажется, что стихи Дмитрия Мизгулина родственны по мироощущению стихам его друга, интересного петербургского поэта Анатолия Иванена. Даже названия их книг по-братски окликают друг друга (недавно А. Иванен выпустил прекрасную книгу «Трагический тенор»). Какая мистическая связь, какая высокая перекличка! Недаром одно из лучших стихотворений Иванена «Плацдарм» посвящено Мизгулину.

Как поэты они очень близки, хотя и различны в аранжировке своих произведений. Для Иванена очень важно фонетическое оформление строки, аллитерация. Часто он изощрённо подчиняет

звукопись смыслу, и звукопись в свою очередь даёт интересные смысловые ходы:

Грохочет колокол раскола
От Колы и до Колымы...

Мизгулин же – поэт обнажённого смысла. Все выразительные средства он использует для какой-то одной, волнующей его в данный момент мысли. Причём, чтобы стихи без особых метафор, звукописи, детализации и многих других вспомогательных средств не выглядели банально, как мне кажется, нужно затрачивать очень много сил.

Это не значит, что стихи Дмитрия Мизгулина вовсе лишены образности. Например, говоря о грядущем потопе, он великолепно подмечает, что купивший билет в каюту первого класса океанского лайнера (пусть даже он называется «Титаником») вряд ли захочет всходить на деревянный Ноев ковчег. Описывая баню, он замечает, что «камни светятся спелой малиной». Нет, он имеет хороший слух и в определённых случаях использует и ассонансы и аллитерации:

Изрыли катерпиллеры
Всю Родину мою.
И дилеры, и киллеры
Стоят в одном строю.
И рокеры, и брокеры
Кружатся тут и там.
Но всех их скоро оперы
Расставят по местам.

Но для него игра со звуком – это не отправная точка для создания образов (как для Иванена), а скорее изящное украшение. Точка приложения его таланта – в жёстком, бескомпромиссном изложении правды. Такой, какой она ему представляется. До самообнажения. Он вообще пишет очень просто и ясно. Но, может

быть, это – самое сложное дело, в доказательство привожу яркое и болевое стихотворение. Заранее прошу прощения за то, что привожу его целиком (зацепило оно меня):

Кружась во всемирном потопе,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А всё обернулось иначе –
В привычной сумятице дней:
Богатые – стали богаче,
А бедные – стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе –
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

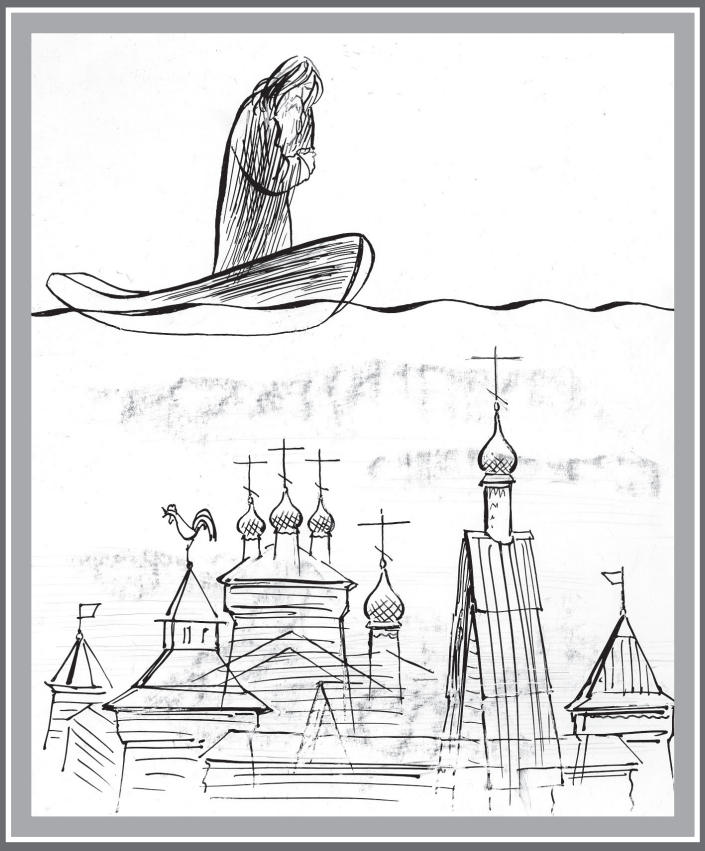
Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

Так просто... и так точно. Мне думается, что тема патриотизма – одна из самых трудных тем для поэтов. За очевидными сентенциями зачастую проглядывают безвкусица, тривиальность, художественная беспомощность. В основном это болезнь начинающих. Они думают, что достаточно написать о берёзке, разрушенном храме и деревне (которую представляют по своей даче в

двадцати минутах езды от города на электричке) – как признание будет им обеспечено. Однако одни, пообтеревшись в литературных кулуарах и мастерских, часто получают прививку от лжепатриотизма и уже никогда не могут возвысить свой голос до уровня гражданской лирики, а другие так и тянут заунывную ноту о «исконной России», не зная ни её реальной жизни, ни её настоящих чаяний. Творчество Дмитрия Мизгулина в этом смысле – яркий образец истинно гражданского звучания. У него стоило бы поучиться многим нашим псевдорусским поэтам, фамилии называть не буду, не хочу, чтоб это осложнило и без того непростую литературную жизнь Дмитрия (не мою – я уже давно привык к обвинениям и в космополитизме, и в прочих глупостях).

Закрываю поэтическую книгу «Скорбный слух» с ощущением тяжкого груза, которым легли на сердце эти трагические стихи. Нелегко принимать на себя боль за унижение страны, страдание за свой измученный народ.

Непросто писать об этом, непросто и читать, зная, что сам в жизни вряд ли сможешь хоть чем-то облегчить эти страдания, и всё же это – правильные стихи, полезное чтение и нужная книга.



Я ВЫСКАЗАТЬСЯ ТОРОПЛЮСЬ...

Галина СЕДЫХ,
Москва

Не понять нам теперь всё равно
Величавость прошедших времён,
Только смутно доносит кино
Шорох платьев да шелест знамён.
Д. Мизгулин

книге стихов «Две реки» можно сказать словами А. Твардовского: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Стихи Дмитрия Мизгулина узнаешь по родовым чертам нашей великой литературы: совестливость, душевность, духовность, «всемирная отзывчивость» (по Достоевскому).

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

Такой совет самому себе дорогого стоит. Особенно, «когда «кругом – бардак, кругом – бедлам», когда «замызгали, залузгали Отечество моё», когда «потихоньку вымираем, понимающе молчим»... И – неутешительный вывод о том, что «эпоха грядущего хама стучится настойчиво в дверь». Здесь явная перекличка с Д. Мережковским.

Дмитрий Мизгулин – поэт классической традиции. Ему близки стихи А. Блока, И. Бунина, Г. Иванова, С. Есенина, Н. Рубцова. Иные сближения просто поражают – словно за столько прошедших лет ничего не менялось в нашей жизни.

Ещё закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

Это было написано Есениным почти сто лет тому назад. А вот отклик нашего современника поэта Мизгулина:

Череда бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовскóй.
Опьянённые жаждой открытий,
Захлебнулись заморской тоской.

И ещё перекличка – с другим поэтом ушедшего века:

Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать, —
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Г. Иванов

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошёл...
Никто не вспомнит обо мне —
И это хорошо.

Д. Мизгулин

Воистину, бывают странные сближения!

Смысловой ключ к стихам Мизгулина надо искать в блоковских мотивах предзимья, похолодания, метели, снегопада.

Готовлюсь не спеша к забвению,
Как к продолжительной зиме,

– признаётся поэт. Забвения мутная пыль, сумрак бездонный, граница меж небом и льдом, озябшие чайки, заледенелость зимнего пляжа, стылость северных рек, вьюговей сурового Ямала. И – как закономерный итог – побег «от Родины снежной и сложной». Но и в другой, столичной жизни нет откровения, нет успокоения. «Времён последних непогодь» преподносит стандартный, противный душе набор жизненных благ: «убожество журналов модных», «и тупость телепередач», «и второсортное кино»...

...и в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад.

Одним словом:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине...

Человек смуты, эпохи неоязычества смятенно стоит на распутье и вопрошает по-гоголевски:

Куда летит, куда несётся
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовётся?

Путник, странник, пассажир, турист или просто скиталец неприкаянный – вот любимые персонажи Мизгулина. Они появляются неведомо откуда и исчезают неведомо куда. Они – призраки, фантомы, условное обозначение дороги, символ пути, примета

движения. Они нужны для обозначения идеи развития: «Дорогу осилит идущий», и помнящий (добавлю от себя), поскольку идея эта реализуется на уровне генной памяти поэта.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

Изнуряющая, бесперспективная иллюзия движения, и вечные, мучительные для русской души вопросы:

Как подумаешь, кто мы и где мы,
За какой оказались чертой?..

...И не моя ли там душа
Качается на ветке птицей?

Мизгулин как поэт сформировался на сломе эпохи фарса и драмы. Его стихи – свидетельство настроений честных, одарённых, но неприкаянных людей конца прошлого века («шестидесятники» – романтики, «девяностики» – агностики). Ныне именно это, попавшее в зазор между двух столетий, «внекудышное» поколение определяет литературную ситуацию в России:

Но собирая прошлое по крохам,
Я всё же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытиё.

ЛИШЬ ДУША ДА КРЕСТ НАТЕЛЬНЫЙ... ДВЕ РЕКИ И ЖИЗНИ ПОЭТА ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Андрей РАСТОРГУЕВ,
Екатеринбург

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты,
Покой душевный береги.

Д. Мизгулин

Окончил Дмитрий Мизгулин Литературный институт десятком лет раньше, о самом факте этого окончания не стоило бы и говорить. Мало ли заочников тридцати и более лет от роду выходило тогда из его стен? Дмитрий, однако, сотворил этот шаг куда позднее, в 1993 году, когда его ровесники-гуманитарии совсем перебивались с хлеба на квас, а юная поросль чуть ли не поголовно рвалась в экономисты.

Впрочем, уже имея к тому времени диплом Ленинградского финансово-экономического института, Мизгулин явно мог позволить себе это экстравагантное движение. Тем более что и сегодня работает в финансовой сфере – да отнюдь не простым бухгалте-

ром. Возглавляемый им Ханты-Мансийский банк входит в число крупнейших в России, а сам Дмитрий в своеобразном «капиталистическом соревновании» отечественных банкиров по итогам 2005 года признан лучшим из них.

И всё-таки тот же самый шаг, предпринятый уже не в лучшие для культуры времена, позволяет предполагать, что литература для этого автора уже восьми стихотворных и прозаических книг – отнюдь не разновидность многочисленных хобби, которым предаются успешные топ-менеджеры в редкие минуты душевного расслабления. И что поэт Дмитрий Мизгулин вполне искренен, наедине с собою и читателем своей пока что последней книги «Две реки» сетуя:

Компьютеры, ксероксы, факсы.
И биржи. И курсы валют...
Меняем на марки и баксы
Души первозданный уют...

...Мерцает во мраке планета.
И звёзды, как свечи, горят.
И в цепких сетях Интернета
Блуждает душа наугад...

Своё неприятие жизни, сведённой к её меркантильной составляющей, а тем паче нынешнего нашего общенационального унижения автор демонстрирует неустанно:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Противопоставляя им вполне традиционное:

Эпоха грядущего хама
Стучится настойчиво в дверь,
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь.

Но по-настоящему поэтической силой это противопоставление наполняется тогда, когда обе его стороны, до того разделённые по разным стихам, сходятся воедино и одухотворяются природой:

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни.

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пройдёт не спеша.
И как солнечный отсвет, нетленно
Встрепенётся и вспыхнет душа.

Именно о ней задумывается лирический герой автора накануне Духова дня, когда

...Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнётся тревога змеёю:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землёю.

И перед заботой о бессмертии души мысль о конечности жизни перестаёт быть мучительной:

На разочарования – плюнь.
Жизнь проходит – и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День Сошествия Духа Святого...

И всё-таки освобождённая от защитных покровов, к которым повседневность приучает каждого из нас, а человека, отвечающего за большие ценности, – тем более, эта душа полностью раскрывается где-то к середине сборника. Там, где успешный в материальном отношении герой на поверку оказывается путником, который на середине дороги, самым классическим дантовским образом «утратив верный путь на дне долины», вдруг обнаруживает, что «...жизнь состоит из работы, пьянок и мелких страстей...» и что если поутру

...Хотелось славы, словно пива
Холодненького поутру...

то к полудню всё

Привычным и обычным стало,
Как эта рюмка коньяка...

Не более спасительна, чем приевшийся «Хеннеси» или что там ещё покруче, и вожделенная для многих заграница. Мысли о «снежной и сложной» Родине не отпускают даже под оглушающий шум прибоя «при анатолийской луне». Римская «пыль столетий» вновь напоминает герою, что и он «устал от зрелищ и наелся хлеба» – хотя, с другой стороны:

Рим пал давно. А я ещё живу.
И, радуясь, гляжу на это небо.

А на палубе речного трамвая, рассекающего зелёную воду в «кирпично-фабричном Бирмингеме», вдруг «...покажется – дома

плыву по оснеженной Пряжке в Неву...» А на лондонской Риджент-стрит под Рождество – «величие и простота и храмов Божьих пустота...» И помолясь в Вестминстерском аббатстве за Россию, путник чувствует себя счастливым лишь в Кижах, а надежду и покой привозит домой с Афона. И начинает жизнь сначала там, где «вьюги катятся с Ямала прямо к устью Иртыша...»

В этом новом начале и проясняется, что две реки Дмитрия Мизгулина – это не только и даже не столько бессмысленная повседневная суета и драгоценное в пику ей духовное спокойствие, сколько вполне конкретные водные потоки: Иртыш и Волхов. Хотя именно здесь вещное, материальное окончательно перестаёт быть значимым.

Всё казённое: квартира,
Мебель, кухня, телефон,
Лампа и комплект постельный –
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный
Всё имущество моё...

И этого оказывается вполне достаточно для вывода: «Основательно в дорогу снарядил меня Господь...» Тем более что ещё есть ручка и бумага:

...Здесь в молчании снегов
Тишина – моя награда.
Слава Богу, ничего
Большего уже не надо...

А если беспокойство о том, что жизнь тает, «как снег на руке», внезапно

...предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет, как сумрак тумана
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана...

Впрочем, умиротворяет и осень:

Золочёным сентябрьским лесом
Выйду к утренней тихой реке...

И зима:

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.

Хотя зимнею ночью герою всё-таки снится лето, где

...наполнен яблоневый сад
Дыханьем ладожских просторов.
И ты, как будто наяву,
Опять ко мне с крыльца спустилась...
Упало яблоко в траву
И покатилось...

Именно там, недалеко от рюриковой Старой Ладоги:

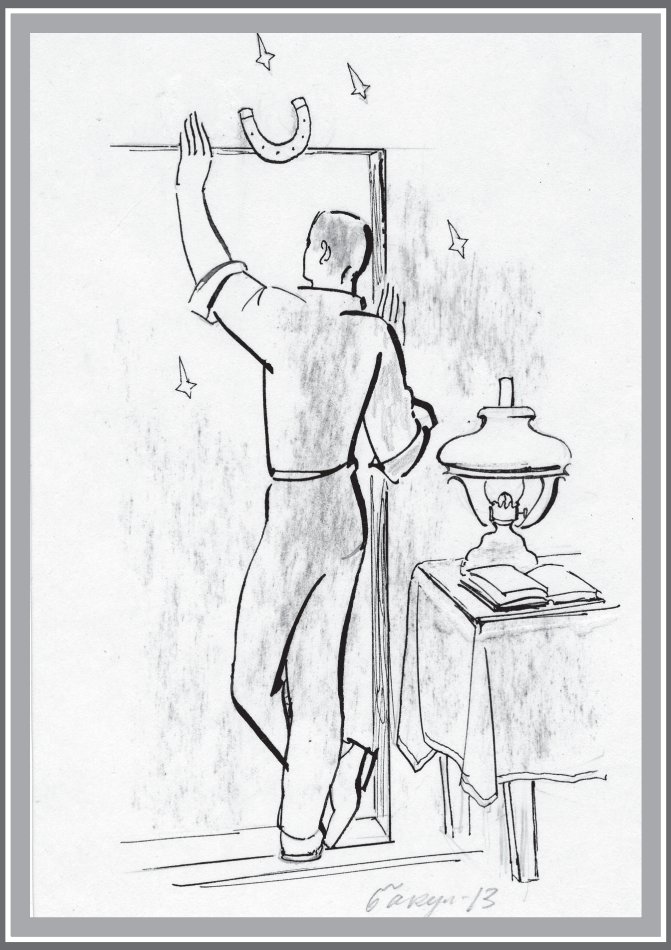
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

Там, у волховского устья, *«...ворчит усталый дизелёк на ладожских просторах...»* Туда *«мимо вселенского мрака, в пепле сгоревшего дня...»* возвращается герой *«в дом, где жена и собака ждут с нетерпеньем меня...»*

Там можно

...просто жить
На этом свете Божьем.
И наблюдать – как от земли
Струится зной устало,
Как проплывают корабли
Вдоль берега канала...

...Канала, в тихой ряби которого дрожит последняя предутренняя звезда.



МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОБРА И ЗЛА

Елена КАРТИНИНА,
Санкт-Петербург

Я смотрю с какой-то тайной грустью
На простор зелёно-голубой,
Что ж, река всегда стремится к устью,
Чтоб расстаться с самое – собой.
Д. Мизгулин

«Две реки» – сборник стихов Дмитрия Мизгулина, который был долгожданным и прочитан на одном дыхании. Ещё в строках его книг «Петербургская вьюга», «Зимняя дорога», «Скорбный слух» мне открылись и полюбились лёгкость слова, чистота фраз, таящие в себе не легковесный смысл, не тривиальность чувств, а глубочайший океан переживаний, эмоций, размышлений. Вот и «Две реки» стали для меня откровением, в котором раскрываются самые искренние мысли поэта. Этот сборник заставляет по-настоящему задуматься, обнаружить в своей душе новые чувства. Как мне показалось, стихи здесь обращены к тем, кто устал от праздности окружающего мира, кто не хочет просто «разглядывать» происходящее и быть сторонним наблюдателем событий, телепередач, поверхностных мнений. Страницы этой книги придут на помощь тем, кто пытается осознать и понять происходящее внутри себя и вокруг, найти смысл и ценность жизни, открыть большее, чем предлагают наша цивилизация и модное время.

Центральной темой стихов сборника становится человек, его душа, чувства, мысли... Неоспоримое достоинство поэзии автора

в преодолении сухого рационализма, рассудочности, холодной научности в объяснении человека. Жизнь человека наполнена разнообразными переживаниями, эмоциями, от счастья до тоски. Мельчайший, случайный момент, простые события становятся важными для раскрытия нам богатого внутреннего мира каждого из нас, понимания прекрасного, умения восхищаться, помнить с лёгкой грустью о ярких моментах нашей жизни:

Чайки белокрылые кричали,
У детей хватали хлеб из рук.
Пароход, как молодость, отчалил
От причала будущих разлук.
Над кормою встрепенулись флаги,
За волной волна пошла легка,
Словно из обёрточной бумаги
На ветру трепещут облака.
Гул вокзала глуше, еле слышен,
Солнце тихо катится в зенит,
Мне никто сегодня не напишет
И никто уже не позвонит.
Никому теперь уже не нужен
Для преодоленья рубежей.
Пусть теперь тоска меня закружит
Деревянным кружевом Кижей.
Буду водку с другом пить в буфете,
Буду слушать, как шумит вода,
Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда.

Как замечательно, по моему мнению, смог выразить свои переживания Дмитрий Мизгулин, как хорошо сочетаются, переплетаются пейзажи, их настроение с состоянием души самого поэта, позволяя лучше понять всю полноту происходящего в его сердце.

Есть в стихах Дмитрия Мизгулина, на первый взгляд, определённое преобладание печальных нот, иногда граничащих с отча-

янием. Но если не поверхностно ознакомиться с книгой, а вчитываться, вслушиваться в их смысл, остановиться и задуматься, то понимаешь, что всё это далеко не так. Грусть, уединённость – это лишь часть богатой палитры душевной жизни поэта. В стихах Дмитрия Мизгулина вырисовывается человек, ищущий самого себя, пытающийся обрести вновь свою душу, открыть подлинную ценность жизни, дать ответы на самые главные вопросы через диалог с другим человеком, обществом, миром, природой и, наконец, Богом. Он вовлечён в череду событий, охвачен потоками двух рек. С одной стороны, его пытается увлечь течение бестолковой суеты, несущей «мутные» ценности рекламой действительности, обольщающей человека своей иллюзией доступности и лёгкости бытия, но в действительности разрушающей его сущность и лишающей главного – души – доброй, умиротворённой, живой, радостной, божественной. Другая река светла, одухотворена, заключает в себе по-настоящему важные и простые в понимании истины: красоту природы и самого сложного и удивительного, к чему мы можем только прикоснуться через свою душу, то есть Бога. Во всех стихах прослеживается непримиримое и бескомпромиссное столкновение рек лжи и правды:

Человек боится темноты.
Человек боится высоты,
Бедности, болезней, неудачи.
И в круговороте суеты,
Потеряв остатки простоты,
Всё боится не успеть к раздаче.

Потеряв надежду и покой,
Рыщешь волком в суете мирской,
Копишь униженья и сомненья.
Счастье не оценивай рублём –
Пенный след волны за кораблём –
Все наши земные достиженья.

Что без Веры наше бытиё?
В этом – и спасение моё,
В этом и сомненье и надежды.
Остывает медленно земля.
В опустевшем парке тополя
Примеряют белые одежды...

Упование на человеческую разумность, уникальная способность верить, которые позволят нам уйти от пошлости повседневности, обратиться к светлому лику божественной гармонии, чистой простоте сердец, спасти свои души от хаоса прогресса, в стихах Дмитрия Мизгулина формируются в призыв к человечеству. «Водоворот модных мнений», поглощающий человека, наполняющий унынием, страхом, одиночеством, обволакивающий его прагматичной пустотой, заставляющий «менять на марки и баксы души первозданный уют», преодолим, по мнению поэта, только через искреннее желание окунуться в чистые воды спасительной реки. Вспоминая и вдумываясь в прочитанные стихи, можно только согласиться с автором, с его эмоционально наполненным слогом, в том, что путь к самому себе лежит через понимание Бога, истинных, не сиюминутных обманчивых ценностей жизни, которые создают этот мир, а не паразитируют на нём.

Отрадно, что в сборнике стихи касаются не просто отдельных фрагментов существования человека, но и перекликаются с современной трагедией нашей отчизны, которая также омывается этими реками. Две реки в творчестве Дмитрия Мизгулина – это и жизнь личности, и жизнь общества, которые, как реки, не могут не сливаться в одно море. Как можно говорить о проблеме человека, исключив его из понятий родины, родных мест, где он вырос, тех традиций, которые он вобрал в себя, языка Веры, на котором говорили его предки с Богом.

Это просто нелепо! Подобную нелепость исключает Дмитрий Мизгулин в своём произведении. Вот, например, что он пишет о современной России:

Не ощущаем, как когда-то,
Во всём присутствия Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живём в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.
И слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждём заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

Перед нами предстаёт наша Россия, поражённая беспамятством. Забыто прошлое, обрублены корни истории, идёт «выгодный» обмен настоящего и будущего на «английские вывески».

Не следует приписывать сборнику стихов «Две реки» излишнюю трагичность. Здесь есть и стихи, пронизанные особым лиричным, успокаивающим, умиротворяющим настроением:

Тяжелеют волны у реки,
И вода туманом стать готова.
Терпеливо мерзнут рыбаки
В ожиданье крупного улова.
В инее застыли камыши,
Замолчали до рассвета птицы.
Тишина. Не видно ни души,
Даже солнце выглянуть боится.
Я иду по берегу один,
Но, предзимья каждый миг лелея,
В ожиданье скорых холодин
Душу бы укутать потеплее.

Эти строки раскрывают нам всё очарование, всю красоту мира, в котором мы живём, – мира «светлых вод», божественной истины.

В ноябре прошедшего года довелось побывать в Старой Ладоге.

На первый взгляд, ничего особенного, но мне это место очень дорого. Люблю посмотреть на прекрасный вид, на Волхов, который открывается с развалин крепости, что возвышалась когда-то на крутом берегу реки. Там есть довольно большие валуны (метра по три высотой), на которые можно забраться, если очень захотеть, пройти по ним до обрыва (его высота в этом месте достигает десяти метров), посмотреть вниз на то, как волнуется могучая, тёмная в это время года река, как волны разбиваются о камни. На противоположном, пологом берегу – какие-то посёлки, чуть правее – красивая белая церковь и кругом лес. Резкие порывы ветра треплют волосы и пригибают к ногам пожухлую траву на краю кряжа, кажется, что земля качается (это из-за травы), моросит мелкий дождик... Величественное и забытое место. На обратном пути проезжаю мимо древних курганов, сейчас это два не очень больших холма, представляю себе, какими они были когда-то давным-давно...

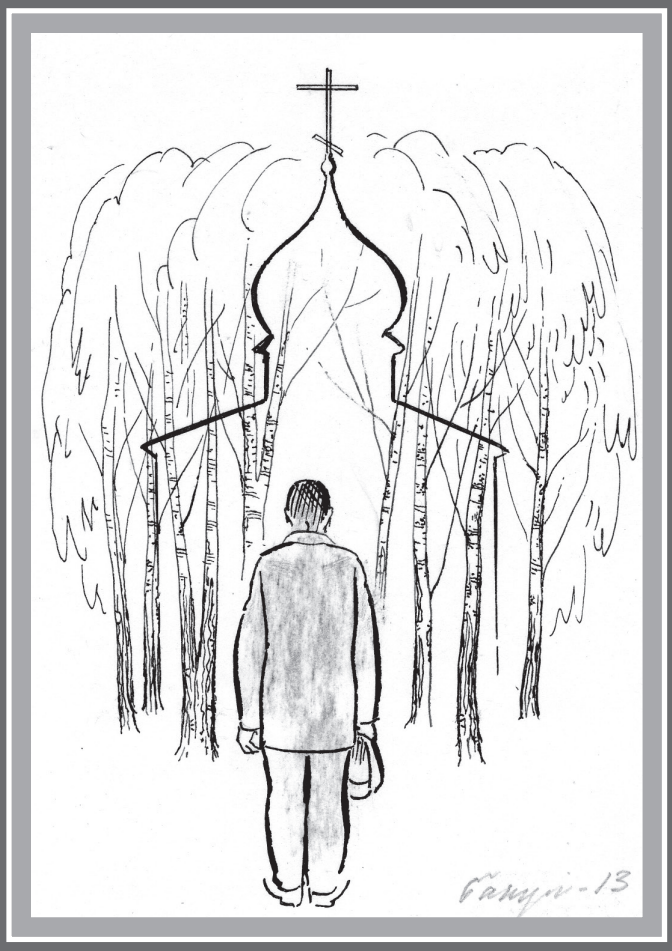
Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчёмным
Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и сомненья?
Пустопорожние слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

Делясь впечатлениями о прочитанном, ловлю себя на том, что закрываю последнюю страницу сборника стихов Дмитрия Мизгулина «Две реки» без малейшего обременяющего осадка. Напротив, есть ощущение того, что в состоянии найти узкую тропу к себе, миру, Богу, и в поисках пути этого я не одинока...



СТЯЖАНИЕ СЛОВА И ДУХА

Виктор ПЕТРОВ,
Москва

Говорите, пожалуйста, тише...
Д. Мизгулин

От первой публикации 1980 года до выхода книги избранных стихов Дмитрия Мизгулина пролегает путь в четверть века. Четыре значимых сборника, изданных в Санкт-Петербурге и Москве, как вехи, стоят на этом пути.

Захваченный литературным потоком конца семидесятых, пройдя классическую школу поэзии в Литературном институте имени А.М. Горького, он самоопределяется в начале девяностых. Опираясь на тревожное ощущение будущего России, сострадая человеку, продолжает в новых жизненных обстоятельствах свой поэтический труд.

Серьёзность траектории творческого пути Дмитрия Мизгулина становится очевидной в XXI веке. Своё поэтическое кредо он определил лаконично и недвусмысленно: «В творчестве первое –

это восприятие души, а потом уже ум. Поэзия – это впечатление». В этом высказывании – желаемое. Однако природа его дарования видится несколько иначе: чувство и мысль сливаются в единое лирическое «мыслечувствие».

Первичность умного впечатления и погружение души и сознания в наболевшие проблемы современности, которой подчинены история и культура прошедших столетий, создают стилевую особенность поэтической речи: некий экстремальный импрессионизм. Ощущение трагизма жизни у поэта – сродни блоковскому («О, если б знали, дети, вы холод и мрак грядущих дней»), но в это опасное состояние он входит безбоязненно.

Словом, как Божьим материалом, Дмитрий Мизгулин строит свой поэтический мир, укрепляя его и собирая под кров своих книг духовные ценности. В этом и есть точный смысл слова «стяжание» (приобретение, владение, имение), столь любимое русскими религиозными мыслителями XIX–XX веков. Как стяжатель русской речи он в поэзии видит лекарство против прогрессирующей лучевой болезни общества, раковой опухоли безнравственности. Ему мучительно наблюдать, как осыпается построенное предками здание, или, лучше сказать, собор русского языка, а вместе с ним и душа человека:

...Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

Гул катастроф забивает внутреннюю речь, человек забывает сам себя, оглушённый, смятый, потерянный, безъязыкий:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Но не случайно корневая основа слова «стяжание» – стяг – боевое знамя, святая хоругвь. Под это знамя поэт и призывает собраться тех, кто хранит русскую речь и передаёт её в будущее.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Чутким, «скорбным слухом» поэт фиксирует в эфире современности волны людской боли, чувства рабского унижения, разрушения личности. В подобных условиях невегласия (невежества, косноязычия) говорить русскими стихами, отвоёвывая жизненно важные для человека духовные и нравственные ценности – это и есть своеобразный новый русский экстрим!

Речь поэта тепла и доступна, она лишена крутой метафорической сгущённости, пустой игры звуками и смыслами, неуклонно приближается к лаконичной философской притче или молитве. Дмитрий Мизгулин – труженик, а не сладкопевец. Ему чужды те литераторы, что «пишут километрами», а «издают килограммами» и – пируют во время чумы:

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!

Гражданская и поэтическая позиция автора определена его литературными заметками «В зеркале минувшего», изданными в Санкт-Петербурге в 1997 году. По сути, это литературный манифест:

– не быть «лакировщиком» действительности, рассказывать правду о русском человеке, о России;

– «светлое» настоящее лишь потому кажется светлым, что чрезвычайно затемнено наше прошлое, история народа;

– сегодняшнее духовное обнищание сопровождается резким разрушением, опрощением быта, его материализацией;

– художественная, поэтическая правда выше частных, житейских и корпоративных убеждений, она обладает большей обобщающей силой, приближая нас к истине, к Богу;

– налицо девальвация личности: «нынешний человек отличается от дореволюционного, как золотой царский червонец от десятирублевой бумажки»;

– поэзия обладает особой силой, позволяющей обгонять «тугой рост русского просвещения» (И.С. Аксаков);

– сила поэзии – в её народности, которая ныне стремительно затухает, тонет в чужеродных влияниях, являет признаки вырождения;

– разъединённость творческих сил, энергичная работа интеллигенции по разрушению существующего уклада жизни ведёт к «полному оскудению нравственных начал» (А.С. Хомяков);

– русский поэт должен быть и творить в эпицентре, в болевых точках современной народной жизни, оберегая традицию, человеческую душевность и православную духовность.

И пусть кругом все люди – братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи – не платья,
Чтоб их легко переменять.

Чувственное размышление над судьбой человека и страны преобразуется в афористический стих, определяющий свободную авторскую позицию и его приоритеты:

Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Так было в юности, так есть и сейчас.

Подобно Тютчеву, Дмитрий Мизгулин трансформирует в поэтическую форму мысли, рождённые осознанием трагизма века. Даже в его публицистической прозе невольно вспыхивает, прорывается ритмичная строка: «Русь рухнула, распавшись изнутри» или:

Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

Можно ли поэтическим словом остановить этот процесс разрушения? Можно ли умными и прочувствованными стихами предотвратить катастрофу? В этом у автора большие сомнения, хотя утвердительный ответ возможен. Ведь поэтическое слово благодаря своей божественной природе является средством одухотворения человека, зажатого во враждебном ему пространстве материального мира. Неслучайно первую книгу, которую в конце восьмидесятых издать уже было возможно, автор назвал «География души». Это перекличка с названием программного стихотворения Тютчева «Русская география». Не случайна у него и тоска по другу, соратнику, по содружеству поэтов:

...Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса...

Эта тоска сопряжена с пониманием, что труд для заработка, для достижения достойного уровня жизни и духовный труд поэта в России не совпадали – никогда! Материальной основы для содружества поэтов нет, поэт обречён на одиночество.

В статье «Парадоксы Бердяева» Дмитрий Мизгулин выявляет движущие силы жизни и поэтического труда, вставая в оппозицию русскому мыслителю: «В своё время Гофман писал: «Из столкновения Божественного начала с сатанинским происходит понятие земной жизни, из победы в этом споре – жизни небесной». Борьба этих двух начал или, в ином понимании, – сил добра и зла

(Божественного и дьявольского), – это вечная борьба, это смысл и форма существования жизни, а отнюдь не «качество» русской души».

Этой мыслью и этим чувством пронизаны многие стихи Дмитрия Мизгулина. Все они, собранные в этой книге, требуют глубокого, серьёзного прочтения.

В очерке «Три Дон Жуана» автор развивает тему современного бедствия. Он утверждает, что духовное опрощение людей, рождённое отрывом от традиции, от молитвы, то есть от стяжания святости, которое возможно и осуществимо лишь в труде, – примета нашего времени. И, как следствие, отказ от созидательного труда, прежде всего духовного, а затем и физического, и обеднение всего народа, идущего к пустоте, к саморазрушению, и ещё более жуткого ценностного обвала, нравственного дефолта в ближайшем будущем.

Поэтому стихи Дмитрия Мизгулина – мучительное стремление окружить себя и ближних, собеседников и читателей, защитным полем поэзии.

Родина поэтов – на небе. На земле же они редко угадывают друг друга. Верится, что стихи этой книги помогут единомышленникам узнавать друг друга, помогут обрести «тепло тишины», стяжать в экстремальном мире благородство слова и духа.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КОЛЬЧУГА ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Марина СКВОРЦОВА,
Санкт-Петербург

Творил до неприличья много,
Не забывая никогда,
Что Слово – всё-таки от Бога,
А остальное – ерунда.

Д. Мизгулин

Извечная борьба добра и зла в нашем мире не оставляет человеку возможности остаться в стороне от этой битвы, а выбор между злом и добром определяет судьбу нашего мира, страны, общества и каждого отдельного человека. При этом немалая ответственность ложится на писателя, который всегда призван помнить об истинном смысле своего творчества – служении добру, для которого он избран Богом, и огромная – на плечи поэта, потому что ритмически организованное слово обладает большей силой, нежели просто изречённое… Это предназначение чувствует в своей судьбе поэт Дмитрий Мизгулин:

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.
. . . . . .

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел,
Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

Для общества очень ценно явление поэтов, в творчестве которых явственны исконные ценности, понимаемые автором правильно, а значит, и излагаемые правильно, по-христиански. У Дмитрия Мизгулина призыв обратиться к Богу ненавязчиво, но настойчиво проходит рефреном в поэтических строфах, как правило, в заключительных смысловых строфах многих стихотворений:

Держись подальше от царей
И не играй с судьбою в прятки,
И будет голова целей,
И душу сохранишь в порядке.
Не предавай, не унывай,
Куда б ни вывела дорога.
И никогда не забывай
Везде и всюду славить Бога!
. . . . . .
Но всё ж, куда б дороги
Не завели впотьмах,
Не забывал о Боге
И каялся в грехах.
Шагая в ногу с веком,
Стремился всё успеть.
Остался человеком,
А мог бы озвереть...

И совершенно органично обратное действие – вплетение молитвенных слов в поэтическую ткань стиха таким образом, что само стихотворение незаметно превращается в молитву:

Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато:
Господи! Не оставляй меня!

При этом преобладающие в творчестве поэта темы гражданственности, патриотизма, борьбы за непреходящие ценности скрашены тонкими лирическими откровениями, и небесными, где читателю вдруг открывается *«Звёзд васильковое поле, / Месяц, как колос ржаной»*, и земными:

Солнечный лучик испуганной птицей
Робко летит от берёзы к берёзе,
Словно на месте замерзнуть боится,
Жёлтым комочком застыть на морозе.

Творчество Дмитрия Мизгулина глубоко и многогранно, затрагиваемые им вопросы порой ставятся на грани мистики и реальности, например, о связи между собой поколений писателей, которую в Санкт-Петербурге ощущают все тонко чувствующие люди. И немудрено – сегодня читателя не удивишь заявлением, что настоящее, прошлое и будущее существуют одновременно, такую гипотезу давно обсуждают астрофизики, а в этом случае вполне реальной становится встреча с живым классиком:

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт…
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт…

И не только с классиком! Здесь и сейчас и *«...великий Гагарин / Вершит свой бессмертный полёт»*. Автор видит и дореволюционную Россию, духовно чистую, сильную державу, Родину, которую сегодня можно сравнить только с женщиной, пьющей *«с надрывом, безнадёжно, / с протяжным плачем...»*, женщиной-матерью, о спасении которой со слезами молится любящий сын, воскрешая в измученной душе её прежний облик:

Но не она ль так чисто и светло
Глядит на нас с забытого портрета?
Прозрачный взгляд. Высокое чело.
Двадцатый век. Семнадцатое лето.

Поэта волнует утрата духовности народа, к которому он причисляет и самого себя, зачастую используя местоимение «мы»: *«Потихоньку вымираем, / понимающе молчим...»*; автор *«Жизнь прожил, переживая, / И чужую нёс вину; / Бился, устали не зная, / За друзей и за страну...»*, с горечью осознаёт он, что новая эпоха ломает души, требуя молчания и приспособленчества, но никто не отменял небесных законов, и любое отступление от заповедей Божьих карается страданием:

Да, мы обречены на му́ку,
Нас презирают все вокруг –
Ведь твоего убийцы руку
Смущённо жмёт твой старый друг.

А вот дворянин старой закалки Бунин Иван Алексеевич таким «Руки... не подаёт» («Федор Раскольников в Париже»).

Особенно пронзительной является строчка, свидетельствующая о постепенной утрате пламенного патриотизма, свойственного русскому народу, ёмкую характеристику которому дал когда-то великий А.С. Пушкин, это – *«любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»*, – у Дмитрия Мизгулина *«...гудит тревожно подо мною / Пустота отеческих могил...»* Это действительно

тревожный знак, поскольку у народа не просто иссякла любовь к отеческим гробам и с утратой этой любви ослаб патриотизм, это – знак утраты заступничества предков, христиан, ушедших в горние дали, а значит, возможен черёд самого тяжкого испытания – Богооставленности… Потеряв себя, оказавшись в *«…эпохе, / Где Дух определяет Бытиё»*, утратив свойственное христианину качества, народ теряет и страну: *«Родина, великая когда-то, / Стала хуже нищенки сейчас»*. Из груди поэта вырываются строки, полные боли:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят…

«О, как же мне горек порою / Давно не отеческий хлеб», восклицает автор, и льются полные скорби строфы о гибели русской северной глубинки, которая «от слова «глубина», об отрыве от земли, дарующей силы, где сегодня можно застать пустующие поля, разрушающиеся, почерневшие от слёз дождя домики, обитаемые когда-то, останки корпусов кораблей, напоминающие скелеты, как свидетельство былой силы отечества и его традиционного речного флота:

А вот – болота брошенных полей,
Чернеющие избы и сараи,
Унылые остовы кораблей
На берегу – ржавеющие сваи.
Во всем – унынье, боль и нищета,
Сюда уже не ходят звери в гости,
И покосилась церковь – без креста
И без крестов – могилы на погосте…

Несмотря на это, Дмитрий Мизгулин верит в глубинные силы «Богохранимого народа», наделённого *«Небесной силой... / Смертельной жаждой жить»*, что Господь примет наше покаяние, *«Услышит молитвы – и разом / Вернёт нам и силу, и разум»*, верит в возрождение России, потому что *«Ещё не окончена битва / И непредсказуем итог»*. С сожалением автор вспоминает, как люди доверились «лживым волхвам», и потому на Родине *«Давно не пахнет русским духом – / Проветрено насквозь...»*, но для Бога нет ничего невозможного, кто познал силу молитвы, тот никогда её не оставит:

Дрожит свечи неровной пламя,
Душа скорбит, светлеет грусть,
Когда я в опустевшем храме
О Родине своей молюсь.
Шумят неистовые битвы,
И с воем рать идёт на рать,
А мне б слова своей молитвы
Кольчугой прочною связать...

Как многим истинным поэтам, Дмитрию Мизгулину открыт правильный Путь не только развития отдельной личности человека, но и целой страны, он чувствует его интуитивно и знает, что европейский сценарий не нужен России, у неё должен быть свой Путь, трудный и уникальный:

Весь век в лакейской у Европы,
Понуря голову, стоим,
Но нынче, видно, и в холопы
Навряд ли с ходу угодим.
Там пошустрей народец южный,
Порасторопней, понаглей.
А нам положен труд натужный
Во тьме заснеженных полей.
Опять не взяли. Слава Богу,

Давай, голубчик, запрягай,
И вновь проверенной дорогой
Спеши обратно в русский рай,
Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

Господь дал нам мощное оружие, которое в жизни, к сожалению, мало кто использует, это – крест и молитва. Дмитрий Мизгулин – поэт православный, это Воин, который не просто молится сам за Отчизну, но и своим творчеством учит этому других, он защищает Родину и молитвенной кольчугой, и стихотворной… И не только защищает, а словом своим воскрешает, укрепляет, направляет и готовит особое будущее: это простой суровый русский рай, милый сердцу любого жителя России, однако ничем не привлекательный для тех, кто служит мамоне. Пожелаем автору творческой энергии на двойную кольчугу для всей России!

ВСТРЕЧА С ДМИТРИЕМ МИЗГУЛИНЫМ

Михаил РЯБИЙ,
Ханты-Мансийск

С творчеством Дмитрия Мизгулина я познакомился с десяток лет назад благодаря его лирическим стихотворениям. Тогда в «Эринтуре» – писательском альманахе Югры 2004 года – появилась первая подборка его стихов «От Волхова до Иртыша…» и мне, как читателю неравнодушному к поэзии, невозможно было не обратить внимания на эту публикацию. Уже в первом, открывавшем писательский ежегодник стихотворении, поразила искренность лирического героя, переживавшего государственную катастрофу как личную трагедию:

Было Отечество. Было – и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
Солнце светило. А нынче не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит —
Кто-нибудь кроме меня?

Гражданская позиция автора захватывала не столько накалом страстей и повышенной эмоциональностью – от поэтов ещё и не такого можно ожидать! – сколько своей философичностью, одухотворённостью… и, как ни странно это звучит, – трезвостью мысли.

Нельзя было выделить из двенадцати стихотворений какое-либо особенное, поскольку каждое из них по-своему значительно открывало личность поэта, неординарно характеризовало облик лирического героя.

Вокруг ещё царил российский беспредел, – особенно в экономике и внутренней политике. Мы ещё не до конца скинули иго «семибанкирщины». Ещё продолжалась карнавальная игра предвыборных обещаний различного уровня. Общество не оправилось от смены эпох, повлекшей кошмары накопительного неистовства со всевозможными финансовыми пирамидами. Люди ещё подчинялись стадному чувству неуверенности в завтрашнем дне, воочию ощущая предкризисную атмосферу… Пресса подогревала эти настроения, не пытаясь скрывать тревожный и страшный смысл всего происходящего. И вдруг такие оптимистические ноты у стихотворения «Опутано ложью полмира…», в нём лирический герой, не слушая бред очередного витии-иуды, решил заняться не хитрым, но конкретным и – главное! – нужным делом: по весне он едет сажать картошку. В поэзии Дмитрия Мизгулина я увидел то, чего не хватало многим талантливым художникам современности – философии надежды:

Наладится жизнь понемножку.
Вернётся державная стать.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Поразило ещё то, как автор, несмотря на свою скромность, самокритичен к собственным деяниям:

Как скромный, но знающий зритель
Молчу – и на мне есть вина…

И, конечно же, меня, как читателя, ставшего сразу поклонником музы поэта, покорило его понимание всего происходящего с точки зрения православного, духовно здравомыслящего человека:

Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Импонировало и то, что своей принадлежностью к христианству автор не бравировал, как иные из пишущей братии, пытавшиеся в поэзии и прозе «законоучительствовать», подобно фарисеям во времена Иисуса. Заканчивалась подборка замечательными строчками, они показались мне не только дельным, но и весьма своевременным советом для многих колеблющихся:

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Всё ждём. А надо бы спешить –
Немного нам Господь отмерил.
Открылись нам в рассветной мгле
Врата небесного чертога…
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

В этих строках, как показалось мне, само будущее не просто угадывалось поэтом, а говорило через него, а он, казалось, и не подозревал об этом. Здесь каждое слово было в строку и отвечало строю моей души. Сразу бросилась в глаза абсолютно не «лобовая» гражданственность его поэзии, культура и интеллект. Каково же было удивление, когда позже я узнал, что автор всех этих поэтических строк – банкир по профессии. Хотя, если уж быть предельно точным – Президент ОАО «Ханты-Мансийский банк». Неосознанное желание встретиться с поэтом-банкиром разгоралось

во мне всё больше и больше, так заинтересовала меня личность Дмитрия Мизгулина. Стихи у него были настоящие, уверенного в себе талантливого человека, а что собой представляет он сам?

Через некоторое время я подробнее познакомился не только с творчеством Дмитрия Александровича: Николай Иванович Коняев, руководивший тогда писательской организацией Югры, организовал встречу с поэтом. Каюсь, представлял наше свидание не очень оптимистично. Незадолго до этого весь Ханты-Мансийск был обклеен листовками с призывом голосовать за кандидатов в окружную Думу. На слуху и на «виду», естественно, был и Дмитрий Мизгулин.

В голове при лицезрении «предвыборных картинок» сразу стала прокручиваться шаблонная формула: поэт всегда должен находиться в оппозиции к власти, а не состоять в ней… Однако все сомнения рассеялись при личной встрече: Дмитрий Александрович оказался нормальным мужиком, и мы вскоре перешли на «ты». Ситуация была описана в своё время В.В. Розановым, – был такой замечательный национальный мыслитель и оригинальный историк-аналитик отечественной литературы: «Посмотришь на русского человека острым глазком… Посмотрит он на тебя острым глазком… И всё понятно.

И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем» .

Я, конечно же, попал под обаяние своего собеседника и пожалел о том, что напряжённая работа не даёт ему всерьёз заниматься кроме поэзии ещё и прозой. Дмитрий показался мне не только интересным рассказчиком, но и всесторонне образованным человеком. Среди очарованных им людей, я оказался не первым и не последним. На память о нашей встрече писатель подарил несколько своих книг.

Потом мы виделись мимолётно, два, а, может, три раза, сказывалась занятость Мизгулина как руководителя и депутата – постоянные поездки, совещания… Но даже свидания урывками для меня являлись открытием личности писателя. Попасть под его обаяние было несложно, в этом я потом не раз убеждался. Меня он покорил государственным складом мышления. Поэт-государ-

ственник – такую личность встретишь не часто. Обычно люди пишущие находятся в сфере каких-то страстей, всевозможных дрязг, зависти, тщеславия. От своих коллег по профессиональному творческому союзу чего только не приходилось слышать в адрес собратьев по цеху. Впрочем, инженеры человеческих душ, как характеризуют писателей с лёгкой руки товарища Сталина, не всегда таковы. В этом меня убедил Дмитрий Мизгулин: ни разу не довелось услышать из его уст ничего недостойного. Хотя обиды, конечно, были – и, особенно, как мне кажется, по молодости. Но были и открытия светлых личностей в поэзии, прозе, эссеистике… Он всячески старался избегать всевозможных литературных тусовок (по крайней мере, на «местном» уровне) и говорил мне об этом не стесняясь.

Сошлись мы с ним и во мнении о славянофилах – русских патриотах, мыслителях, писателях, общественных деятелях. Их не жаловала ни царская власть, ни нынешняя. Об истоках литературного славянофильства знали немногие интеллигенты нашего времени, зато о «прогрессивных взглядах» западников в нашей стране можно было услышать от многих, считавших себя людьми просвещёнными. Когда в начале 1990-х годов я писал диссертацию по литературному славянофильству в лице Ивана Васильевича Киреевского, издателя журнала «Европеец», то поражался тому, как мало было написано позитивных работ о славянофилах в советский период на фоне дореволюционных и зарубежных исследований о них. Так вот, Дмитрий Александрович очень высоко ценил представителей славянофильства, особенно Алексея Степановича Хомякова и весьма близкого ему по взглядам Фёдора Ивановича Тютчева, насмотревшегося по роду службы на «заграницу». У Дмитрия Мизгулина о них можно найти публицистические статьи в книжке «В зеркале минувшего: Литературные заметки», которая вышла, кажется, полтора десятилетия назад в Санкт-Петербурге. Через девять лет, в 2006 году, он включил их в «Избранное»: значит, придавал этим работам особое значение, не считая их проходными в своём творчестве. В статье об А.С. Хомякове «Предсказатель», написанной почти четверть века назад – в 1990

году, автор подчёркивает мысль: в эпоху А.С. Пушкина (впрочем, как и сейчас), «вся народная литература, внимательная к самому широкому кругу проблем человека, любящая русского человека в его естественном развитии, была объявлена в «передовой» прессе реакционной и даже вредной»; «художественная критика постепенно была подменена общественно-политической полемикой». За что мы так высоко ценим с Дмитрием Мизгулиным славянофилов? Во-первых, за их прозорливость. Во-вторых, за героическое отстаивание ими культурной самобытности вплоть до исконно русских одеяний, в которых их (по крайней мере, Алексея Степановича Хомякова), позабывшая русскую старину публика принимала за «персиян». В-третьих, за то, что они старались умело использовать все научные завоевания Запада для сохранения культурной самобытности как условия исторического самоопределения народа, без чего невозможно ни его самосохранение, ни постоянное развитие и творческое самосозидание. В эпоху глобализации это было особенно важно, поскольку все нормальные люди были давно убеждены: унификация мира только на одной проамериканской основе, подразумевавшей отказ от признания на равных достоинств остальных культур, и это неминуемо приведёт мир к всеобщей катастрофе. Исторических примеров подобных ситуаций на протяжении столетий было немало, идеологические завоеватели уничтожали в первую очередь цвет нации, а помогали им в этом не чужестранцы, а «свои» же – соотечественники. Поэтому не мог я не согласиться с Дмитрием Мизгулиным и с его анализом истоков травли истинно русских писателей. «Вспомним, например, Лескова. Причина одна – Лесков осмелился (!) показать «положительный тип русского человека».

Герои Лескова – праведники, и несть им числа, и они – лучшие представители России, её духовная опора. «Либералы» и «нигилисты» открыли по Лескову в своих журналах прямо-таки залповый огонь. «Интернационалистов» «трясло» от патриотизма Лескова, от его «положительных» типов.

Ведь у Лескова русский человек (причём, отнюдь не идеализированный) – не тунеядец, не пьяница, не дебил, не скотина – сло-

вом, не сырой материал для строительства нового общества (по Чаадаеву), а личность со своим мировоззрением и местом в историческом мировом развитии». Воистину был прав Робеспьер, когда утверждал: есть только две партии – партия народа и партия врагов народа. Славянофилы, почвенники, неославянофилы и представители близких им других группировок, к своему народу относились совершенно по-иному, нежели остальная русская интеллигенция, помешанная на революционных идеях. Лесков, как писатель истинно русский, даже не подозревал о том, что сразу после революции 1917 года его самобытное творчество будет новой властью востребовано настолько минимально, что широкому кругу читателей станут известны лишь те произведения, где представители простого народа предстанут в такой наивысшей степени угнетения, как в «Тупейном художнике» или «Левше». В школе к изучению творчества Николая Лескова на уроках литературы относились, по меньшей мере, прохладно, не понимая, очевидно, что творчество любого национального русского писателя посвящено в первую очередь тому, как и зачем мы пришли в мир, как и к чему должны стремиться. Без этих знаний, как и без знаний собственной истории, нам в этом мире оставалось лишь одно – признать себя случайностью… У случайности нет родителей, ребёнок в лучшем случае – незаконнорожденный, с ним можно сделать всё что угодно – глумиться над его идеалами, вести себя по отношению к нему не только несправедливо, но и безнравственно. «Мы ленивы и не любопытны» – эту пушкинскую мысль мне хотелось дополнить другим его высказыванием-упрёком: у нас иной потомок более дорожит звездой двоюродного брата, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества. А что такое русский без знания своей истории? Уже не русский, а Иван, не помнящий родства. История всегда учила тому, что наилучшие и прочнейшие улучшения нравов происходили без страшных для человечества потрясений – войн и революций. Об этом писал ещё Пушкин, впрочем, не он один. Замечали подобную закономерность многие выдающиеся люди – не только историки и писатели.

Среди героев философских исследований Дмитрия Мизгулина были именно такие личности. Но к Николаю Семёновичу Лескову исследователь-публицист Мизгулин относился очень трепетно, этот русский писатель для него – личность незаслуженно забытая в нашем Отечестве: «Лесков не был «лакировщиком» – он писал правду, порой жестокую и горькую, – но именно эта правда, правда о русском человеке, о России, была не нужна…»

В замечательной статье того же 1990-го года «Два рассказа на один сюжет» автор, которому ещё не исполнилось и тридцати, делает великолепный литературоведческий анализ рассказа Николая Лескова «Грабёж» и Евгения Замятина «Часы». Анализируя поступки героев, Дмитрий Мизгулин приводит читателей к закономерной мысли: насколько измельчал человек в «Совдепии» и какую страну мы потеряли в результате октябрьского переворота 1917-го…

И как не согласиться с таким выводом, венчающим своеобразное литературное расследование: «Воистину прав был некто, сказав, что русский человек дореволюционной эпохи отличается от нынешнего, как золотой царский червонец от десятирублёвой бумажки»?

ПРИ СВЕТЕ «СВЕЧИ»

Вагиф ЮСИФЛИ,
Газета «525 газета»,
7 сентября 2013

Ознакомление азербайджанских читателей с творчеством русских поэтов началось на исходе XIX столетия.

Азербайджанские писатели с большим воодушевлением озвучивали на нашем языке творения классиков русской поэзии.

В двадцатом веке этот процесс продолжался и развивался с возрастающей интенсивностью.

Ныне достоянием азербайджанской публики стала многоцветная панорама и сокровищница русского поэтического слова, от Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова до А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского и других мастеров слова – Н. Асеева, Н. Тихонова, М. Светлова, Э. Багрицкого, В. Луговского, К. Симонова, Я. Смелякова, шестидесятников – Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Р. Рождественского и других талантливых поэтов России.

Художественный перевод – духовный мост, связующий народы, сближающий континенты, страны, людей.

Ещё один шаг в этом направлении, новый переводный сборник известного русского поэта Дмитрия Александровича Мизгулина «Свеча», представленный азербайджанским читателям в переводах Сиявуша Мамедзаде, Мамеда Оруджа и Князя Гочага. Мы хорошо знаем, что С. Мамедзаде многие годы без устали трудится

на этом поприще, проделал большую работу… Мамеда Оруджа мы знаем больше как переводчика прозы, но и в его поэтических переводах привлекают внимание плавное движение и чекан стиха.

Народный писатель Чингиз Абдуллаев предварил книгу предисловием. Приводим из предисловия несколько строк: «Дмитрий Александрович Мизгулин родился в 1961 году в Мурманске. В 1993 году окончил в Москве Литинститут имени М. Горького. Армейскую службу прошёл в Азербайджане. И первые стихи увидели свет в журнале «Литературный Азербайджан». Его связи, общения в Азербайджане завершились в итоге тем, что, начиная с 2000 года, стихи Мизгулина стали переводиться на азербайджанский язык, публиковаться в журналах «Азербайджан», «Улдуз», в «Адабият газети». Книга «Свеча («Шам») – первая большая встреча поэта с азербайджанскими читателями. «Шам» («Свеча») как одно из литературных событий, которые можно перечесть по пальцам, на новом этапе русско-азербайджанских литературных связей. Настало время восстанавливать разрушенные мосты.

С 1992 года у Мизгулина изданы десятки книг. Шесть раз он удостаивался всероссийских литературных премий. Но самая большая его награда, – это уважение, которое он снискал в Ханты-Мансийске, где живёт и трудится. Его общественно-политическая деятельность связана с областной Думой, с регионом, где компактно проживают азербайджанцы.

И один из этих азербайджанцев – живущий и работающий в Тюмени Княз Гочаг, который явился инициатором, содействовавшим изданию «Свечи».

Наше читательское намерение – проследить и постичь, как при свете этой «Свечи», в поэзии современного российского поэта отражаются самоприсущие черты русского бытия, русского характера, русской действительности, точнее, как преломляется российский мир в индивидуальном творчестве поэта.

Большинство стихов Д. Мизгулина написаны на тему Человек – Природа.

То есть, было бы неверно в этом словосочетании рассматривать разрозненно и изолированно друг от друга человека и приро-

ду. Думы поэта, ведущего речь о человеке, перетекают в разговор о природе, и наоборот.

Такое двуединство прослеживается и в нашей современной поэзии, в стихах таких поэтов, как Мамед Араз, Муса Ягуб, Мамед Аслан, – в их поэзии существует взаимопереход от общественных, социальных мотивов к душе человеческой, душе лирического героя, и это сопряжение, это единство нам знакомы. Но, естественно, Д. Мизгулин – творец русского поэтического слова, и мы наблюдаем в его стихах черты русского человека, россиянина, черты русской природы.

В пейзажной лирике русской поэзии мы чаще встречаем образы Зимы и Осени.

Но, на первый взгляд, может сложиться представление о том, что эти времена года и метаморфозы природы по внешним признакам одинаковы или идентичны. Зима – снегопад, ветры, метели и т.д. Но осень и зима у различных поэтов мира различны по написанию, по воплощаемым картинам, по самочувствию автора.

Так и стихи Д. Мизгулина. Здесь с большим мастерством воссоздаются картины нескончаемой русской зимы.

А за окнами – снег и тишь.
И на тысячи вёрст – зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Одеваюсь в сенях не спеша,
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.

В русской поэзии XX столетия нам всем памятны пронзительные, блистательные и колоритные есенинские шедевры о сокровенной связи человека с жизнью природы. («Выткался над озером алый цвет зари…» или «Клён ты мой опавший, клён заледенелый…» и многие другие…)

Неслучайно есенинские исповеди о природе «аукнулись» в дальнейшем движении русской лирической поэзии.

Мы улавливаем отзвук есенинских песен и у Дмитрия Мизгулина.

Обратим внимание на такие строки: *«Дождь. Сентябрь. Мерцает залив...»*

Или: *«Утончаясь миг за мигом исчезает русский дух...»*

Русская поэзия всегда содержала в себе некий протестный заряд, подспудный ропот, это было и в эпоху царизма, и в советский период. Иногда протест перерастал и выплескивался в бунтарские открытые мотивы. Разумеется, с понятными последствиями. Но настало время также и в России, когда критическое слово можно озвучивать напрямую.

Надежда умерла,
А мы живём.
Ни Родины. Ни памяти. Ни песен…
А ты твердишь, что стало интересно,
Что жизнь идёт как будто на подъём...
Россия вся в витринах и витринках.
Всё в розницу – свобода, совесть, честь.
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

В другом стихотворении поэт ведёт речь о бурном строительстве в Ханты-Мансийске; казалось бы, факт положительный, но поэт акцентирует внимание на том, что сносятся достопримечательные древние дома, на месте которых вырастают железобетонные «гулливеры»; его заботит то, что строители, – зарубежные подрядчики, и они не говорят по-русски, и их сооружения не гармонируют с российским колоритом. *«Непонятные фразы, незнакомые языки нарушают молчание храмов...»*

Или другое стихотворение:

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.
Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Отметим, что ряд стихов Дмитрия Мизгулина написан в Баку, и среди них цикл «Апшеронские звёзды» (1985 год), – здесь отозвались поэтические раздумья об апшеронской природе.

В одном из стихотворений – разговор об одинокой женщине, живущей в цитадели, возле Дворца Ширваншахов. В окнах её жилища видится небо; женщина забылась сном; вдали горизонт подернут бирюзовой дымкой; в тумане «купаются воробьи», на причалах качаются корабли; в небо вонзились островерхие минареты…

Другое стихотворение – об иссохшем дереве; рядом цветут и зеленеют новые деревья, и на их ветвях щебечут пернатые. Но засохшее дерево безучастно к жизни, оно не чувствует жажды, не чает солнца, света, воды…

При всех этих наблюдениях Баку по душе поэту, ему хочется ощутить древние сны старинных улиц и прокатиться на фаэтоне, вслушиваясь в музыку ночной тишины.

И как неколебимый герб,
Как символ вечного Востока,
Застыл на небе лунный серп
Недосягаемо высоко...
И тихо плещется волна,
И ночь бесстрастная темна.

Можно уловить параллели между поэтическими медитациями Дмитрия Мизгулина и воплощениями наших поэтов, как в пейзажной лирике, так и биографических импрессиях, или же в стихах

на «вечные темы». Можно найти перекличку, созвучные мотивы, и это говорит о роднящем всех поэтов мира мироощущении; о сходстве отношения к исторической памяти и духовному наследию.

Опять кого-то воскрешают,
Но говорят уже – он был...
И, здравицы провозглашая,
Среди белеющих могил
Поставят памятник гранитный
И будут долго повторять:
Что, мол, талантливый и видный,
Что больно нам таких терять,
Что высших почестей достоин,
Любим и чтим... О боже мой!
Что мог бы написать покойный,
Когда бы знал, кто он такой?!

По прочтении этих строк наши читатели, может быть, вспомнят родственные по духу размышления Джабира Новруза или Али Керима!

Мы познакомились с современным русским поэтом, вкратце рассказали о его стихотворениях – творческих плодах 34-летней жизни. И услышали поэтическое эхо русского характера, российского бытия в этих стихах…

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА «ШАМ» («СВЕЧА») НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чингиз АБДУЛЛАЕВ,
Народный писатель Азербайджана

Дмитрий Александрович Мизгулин родился в 1961 году в Мурманске. В 1990 году окончил в Москве Литературный институт имени М. Горького. Военную службу прошел в Азербайджане. Первые его стихи были напечатаны в журнале «Литературный Азербайджан». Увековечивание культурных связей Мизгулина с Азербайджаном завершилось тем, что начиная с 2000 года его стихи были переведены на азербайджанский язык и опубликованы в журналах «Азербайджан», «Улдуз», «Литературная газета». «Шам» («Свеча») – это первая большая встреча поэта с азербайджанским читателем. Дмитрий Мизгулин много пишет о природе. Однако его никак нельзя назвать поэтом, пишущим только о ней. Можно сказать, что во всех его произведениях встречаешься с современным человеком, становишься свидетелем его переживаний. Стихи Д. Мизгулина, связанные с Азербайджаном, этим и интересны. Сборник «Избранные произведения», опубликованный в 2006 году в издательстве

«Художественная литература», в очередной раз доказывает, что больше всего автора беспокоит судьба родины и сынов отчизны. Это чувство сопереживания прослеживается во всей его поэзии.

Переводы на азербайджанский язык, которые открыли имя Мизгулина тюркскому миру, несмотря на то, что не всегда соответствуют размеру, присущему русскому стиху, верны смыслу и сути, заложенным автором. Конечно же, последнее слово остаётся за читателями.

Надеемся, что «Шам» («Свеча») привлечёт внимание широкой аудитории, и новые издания так же увидят свет.

«Шам» («Свеча») является важным литературным событием на новом этапе русско-азербайджанских культурных взаимоотношений – пришло время восстанавливать разрушенные мосты.

Начиная с 1992 года изданы десятки книг Д. Мизгулина. Шесть раз он удостаивался Всероссийских литературных премий. В 2004 году получил премию имени Д. Мамина-Сибиряка, в 2005 году премию «Петрополь» и др. Однако его самая большая награда – это уважение, завоёванное в Ханты-Мансийске, где он живёт и трудится. Его общественно-политическая деятельность связана с областной Думой, с регионом, в котором компактно проживают азербайджанцы. Изданию «Шама» («Свечи») содействовал наш соотечественник Княз Гочаг – один из азербайджанцев, живущий и творящий в Тюмени.

СЮРПРИЗ ЮГОРСКОМУ ПОЭТУ ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Княз ГОЧАГ,
«Литературная газета» №40,
Тюмень, 2013

Стихи югорского поэта Дмитрия Мизгулина в последние годы интенсивно переводятся на самые разные языки. Среди мест, где его читают, есть и Азербайджан, страна с сильными литературными традициями, обогатившая мировую художественную словесность великими творениями Низами, Хагани, Насими и Физули и др. У Дмитрия Мизгулина, глубоко русского поэта, отношение к этой южно-кавказской республике, к её столице Баку особое. Связано это с тем, что в далёком 1985 году, когда он служил в рядах Советской армии в Азербайджане, именно в этом городе в русскоязычном журнале «Литературный Азербайджан» он напечатал первые свои стихи.

Интерес к поэзии Мизгулина в Баку сохранился и до наших дней. Яркий тому пример совсем недавно ярко и красочно изданная здесь книга на азербайджанском языке «Шам» («Свеча»), презентация которой состоялась в Государственной библиотеке Югры. В книгу вошли произведения поэта, написанные с 1979 по

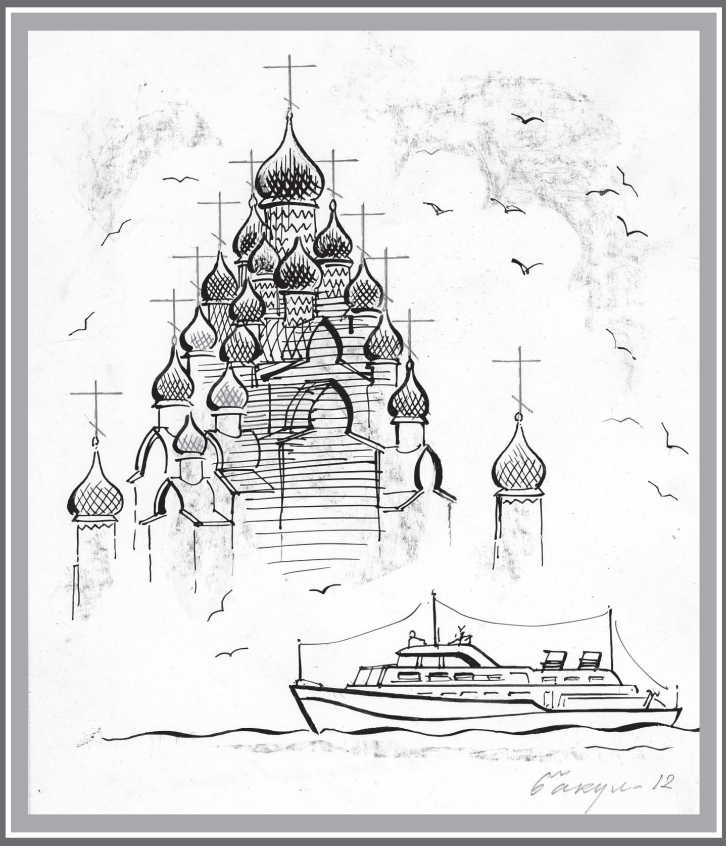
2004 годы. Интерпретаторами поэтического мира Дмитрия Мизгулина в этом сборнике выступают три переводчика (автор этих строк в их числе). Среди них – известный поэт, крупный мастер переводческого ремесла Сиявуш Мамедзаде, который на протяжении очень многих лет успешно переводил русских поэтов на азербайджанский, а азербайджанских – на русский. Компанию ему как переводчику составил и видный азербайджанский писатель Мамед Орудж, который в последние годы немало преуспел в переводе русской поэзии и прозы на свой родной язык. Приехав на презентацию этой книги Мизгулина из Баку в Ханты-Мансийск, Мамед Орудж сказал, что искренне считает конвертируемыми богатствами Югры не только нефтегазоносные ресурсы, но и культуру, литературу. Прежде чем стать переводчиком описываемой книги, Мамед Орудж не раз публиковал свои переводы из Мизгулина в журнале «Улдуз» (Звезда). Он же переводил и таких югорских авторов, как Еремей Айпин и Сергей Козлов, печатая свои переложения в лучших литературных изданиях Азербайджана. Как признался на этой встрече Дмитрий Мизгулин, изданием бакинской книги переводчики преподнесли ему настоящий сюрприз. Но и Дмитрий устроил сюрприз Мамеду, принеся в Государственную библиотеку Югры упомянутый выше экземпляр «Литературного Азербайджана», не потерявший полиграфической свежести за эти 28 лет, в котором были опубликованы его стихи в соседстве с давним рассказом Мамеда Оруджа «Зимняя сказка». Тем самым поэт тоже удивил гостя в самом хорошем смысле этого слова.

Переводчики выразили удовлетворение тем фактом, что предисловие к азербайджаноязычной книге Мизгулина написал секретарь Союза писателей Азербайджана, народный писатель республики Чингиз Абдуллаев, романы которого популярны и в России, и в других государствах мира. Абдуллаев по достоинству оценил изящный, наполненный жизнью поэтический слог Д. Мизгулина, прислав ему в подарок и собственную книгу. По мнению Чингиза Абдуллаева, переводчикам Мизгулина удалось самое главное – сохранить колорит, аромат оригинала, своеобразные поэтические образы и стилистику русского поэта.

Книга поэта-югорчанина сразу же после своего выхода в свет в Баку удостоилась однополосной рецензии под названием «В свете одной свечи» в популярном бакинском издании «525-чи газет» («525-ая газета»), написанной выдающимся критиком современного Азербайджана, доктором филологических наук Вагифом Юсифли. В своём материале филолог проанализировал поэтические достижения Мизгулина, сравнив их с лучшими образцами азербайджанской поэзии, со стихами того же Али Керима и Джабира Новруза, отдавая должное незаурядным поэтическим находкам Д. Мизгулина.

Известно также, что о книге Мизгулина, вышедшей в Баку, свои впечатления и размышления написал и народный поэт Азербайджана, первый секретарь Союза писателей республики Фикрет Годжа, и эта статья будет опубликована в самое ближайшее время.

Какие составляющие способствуют востребованности поэзии Мизгулина у иноязычного читателя? Во время торжественной презентации своими размышлениями на этот счёт делились поэты Андрей Тарханов, Мария Волдина, а также доктор педагогических наук, профессор Александр Семёнов, посвятивший отдельную монографию творчеству поэта. До конца 2013 года, что очень приятно, намечена также презентация книги Дмитрия Мизгулина уже на азербайджанском языке – в Российском информационно-культурном центре города Баку, куда будет приглашён посол России в Азербайджане Владимир Дорохин.



ПРОСТАЯ СИБИРСКАЯ МУДРОСТЬ

Княз ГОЧАГ,
приложение нг-ex libris,
Тюмень,
29 ноября 2012

Впервый раз, взяв в руки эту книгу, думаешь: а стоит ли читать? Уж больно красивое издание – стильное, дорогое, с красивой обложкой – хорошие поэты так редко издаются. А богатых графоманов, да и бедных впрочем, тоже, и в Москве хватает на много лет вперёд. А тут ещё Сибирь, Томск... Нефть, цинк, золото, железо, титан-цирконий, тугоплавкие глины, в общем, полезные ископаемые... Большие деньги...

Даже послесловие Льва Аннинского не подавило пафосом, ибо авторитетные критики тоже любят гонорары.

Но первый же прочитанный наугад стих поражает тем, чего не ждёшь от поэта, недавно разменявшего полтинник: *«Цветут цветы, не ведая о том, / Чей этот дом – / Убийцы или палача, / Учителя или врача...»*

Не обманул критик! Стихотворение цепляет какой-то вневозрастной искренностью, которую можно встретить у юного даро-

вания или мудрого старца, которую мужики теряют или учатся прятать в период здоровой зрелости. Не инфантильность – нет! – просто чёткий взгляд на простые вещи, не свойственный смазанному ритму постиндустриального общества.

А на другой открытой наугад странице – хлёсткая сатира на то, что ещё только угадывается в завтрашнем дне: *«Сколько дел наворотили, / Но сложилось всё вполне: / Несогласные – в могиле, / Недовольные – в тюрьме. / И не будьте к людям строги, / Дни беспечны и легки, / Обновляются дороги / И при деле дураки»*.

Тут уже начинаешь читать с начала и всё подряд – словно беседуешь с мудрым приятелем обо всем понемногу. Споришь и соглашаешься, ухмыляешься и вдумчиво переспрашиваешь, перелистывая пару страниц назад. *«Мёртвых душ становится всё больше, / А живых – не встретишь ни души... / Чтобы стать счастливым, жить подольше, / Надо скрыться где-нибудь в глуши»*.

Читаешь и наслаждаешься ясными, до мудрости простыми стихами тонкого собеседника, живущего за тысячи вёрст от столицы. И невольно ощущаешь себя героем стихотворения: *«Избавленный от мелочных забот, / Он пребывал в безволии и неге. / Стоял июль. А он мечтал о снеге, / И о сугробах вьюжных у ворот»*. А потом уже повторяешь прочитанное наизусть: *«Всё тише гул. И вот пропал уже, / И лишь сомненье смутное осталось, / И так спокойно стало на душе, / Как будто жизнь ещё не начиналась»*.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА НА ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Каталин НАДЬ,
Будапешт, 2012

Я, как переводчик художественной литературы, в ходе моей работы до сегодняшнего дня переводила литературу только сибирских малочисленных, не имеющих самостоятельной государственности народов (например хантыйскую, мансийскую и ненецкую литературу), а также и других народов, поставивших под угрозу вымирания свой родной язык и свою культуру (например, вепскую и коми-пермяцкую литературу), но современную литературу русских авторов никогда не переводила. Поэтому было для меня огромным вызывом перевод стихотворений Дмитрия Мизгулина (Мурманск, 1961) живущего в Ханты-Мансийске.

Мизгулину Бог дал два подарка – простоту и чистоту. Эти два подарка питают таящуюся в его произведениях красоту: его красивые мысли, чувства, настроения, и методы, при помощи которых он изображает всё это.

У каждого стихотворения Мизгулина своя душа. Каждый его сборник дышит. Каждое его слово – зеркало для нас. Это зеркало то тусклое, то чистое. Когда чистое, нам видна глубина чувств, мыслей и душа поэта. Когда тусклое, тогда инспирирует нас открыть глубину своих чувств, мыслей и души. Пусть тусклое или чистое это зеркало, оно повышает внутреннюю жажду познавания

самого себя. Жажду познавания другого человека. Жажду познавания поэта. Жажду познавания тайны Вселенной и Бога...

У Мизгулина сердце русское – душа христианская. Я не знаю, какие бездны и высоты познал в течение своей жизни поэт, социализирующийся при безбожном Социалистическом строе в СССР, но знаю то, что он нашёл Бога, он принял в себя Бога, и Бог присутствует в поступках, в шкале ценностей поэта и в его поэзии. Ему больно видеть церковь и могилы без креста (*«И покосилась церковь без креста, / И без крестов могилы на погосте»*). Ему больно видеть человека, забывающего Бога (*«Как тленно всё, что создал человек, / Забыв о том, что он творенье Божье»*). Ему больно видеть человеческий мир, устроенный без Бога (*«И без Бога и Веры / Громоздили чертог»*). Ему больно что *«в бездну тысяча чертей / Россию тащат»*, что раньше *«мерцали в доме образа, / А не экраны»*, что *«каждый грешник был тогда / Поближе к Богу»*. Ему больно что *«обитает душа.... / А ей бы – а ей бы в дорогу, / И – к небу, / И – к звёздам, / И – к Богу!»*

Тематика и система мотивов Мизгулина связывается с природой, с обществом и с Богом, и все они детерминируют в его творческом кредо. Поэтому читая стихи Мизгулина, мне вспомнились, во-первых, пейзажисты, ведь поэзия Мизгулина – цепь пейзажей, облачённая в стихи. Но его стихи не просто репродукции природы, он не просто описывает край, но одушевляет его окружающую природную среду с её оттенками (*«И отразили в себе небеса / Озера светлые воды»*), динамикой (*«Плывут, не спеша, облака, / И в небо впадает река»*), звуками (*«А ветры в желтеющем поле / С утра затянули псалмы»*), фигурами (*«И рябины оранжевой кисти / Зазвенят на студёном ветру»*), зависимыми от времени года. И в этой одушевлённой, полной гармонии и дисгармонии сибирской природе пульсируют чувства, мысли, настроения Мизгулина и трепеты его души.

Мизгулин своими необычными методами делает бесконечными и время, и пространство, отмерянные Богом, и таким образом, читатель может совершить ряд путешествий и внутрь себя, и в реальность с мглы тумана, растворяющего льды океана до

впадающих в небо рек. В течение путешествий читатель может испытывать присутствие Бога, могущество и вечность сотворённого Богом мира, слабость и смертность земного человека; он может останавливаться на психических, эмоциональных и духовных остановках; он может видеть себя в себе, может мучиться и очиститься.

Читая стихи Мизгулина, мне вспомнились, во-вторых, социографы, ведь поэзия Мизгулина – социография, облачённая в стихи. В его стихотворениях присутствует человек не только в своём природном, но и общественном окружении. В его поэзии и без слов и со словами присутствует натянутое на человека наследство социализма (*«А вот болота брошенных полей, / Чернеющие избы и сараи, / Унылые остовы кораблей, / На берегу ржавеюшие сваи. / Во всём унынье, боль и нищета. / Сюда уже не ходят звери в гости..»*), стагнационные или портящиеся состояния после разлома СССР: подчинённый человек государству (*«Всё казённое: квартира, / Мебель, кухня, телефон, / Лампа и комплект постельный / По реестру бытиё. / Лишь душа да крест нательный / Всё имущество моё»*); распадающаяся личность (*«Только душа не проснётся никак, / Не отойдёт, не оттает», «В суете и круговерти / Чаще думаешь о смерти», «И синеет сомнений печать / На ещё не окрепшей надежде», «Уходит в глухое подполье, / Со злом не смирившись, душа»*); открытые выборы (*«И – да здравствует свобода! / Море водки. Море пива. / Человек мычит счастливо, / К выбору без лишних слов / Он теперь почти готов, / Знает он, едрёна мать, / За кого голосовать!»*); новые хозяева власти (*«Одолели ироды, иуды, / Обложили с ног до головы. / Взять бы да уехать на Бермуды – / Всё одно – подальше от Москвы. / Всё одно – подальше от столицы. / От измен. От пьянства. От страстей. / От кувшинных рыл Замоскворечья, / От вранья тускнеющих вождей»*.); глупая цивилизация (*«Вот и всё, и весь прогресс / Все концы и все начала»*.) и т.д.

Читая стихи Мизгулина, мне вспомнились, наконец, Библия, евангелисты и Апокалипсис. В его стихотворениях библейские лица да слова (Иуда – изменничество; Ирод – кровавая баня;

Бог – Милосердный Создатель, Всевышний Спаситель – сотворение, милосердие, спасение; Чёрт – зло, грех и т.д.) и библейские картины да символы (крест, избиение младенцев, Христос и его ученики, последователи, семь труб Ангелов, Рождество, Святой дух и т.д.) потрясают сложные связи, вызывают разные ассоциации у читателей, у которых появятся ассоциативные значения (коннотации), которые перестроят и верующих в Бога и неверующих в Бога. Они могут подниматься, перенестись из светской сферы в сакральную сферу, таким образом удаётся им взять в себя и светский и сакральный мир под влиянием поэзии Мизгулина.

Я с любовью рекомендую прочесть стихи Мизгулина – человека, родившегося на берегу Ледовитого океана, привязанного к Ленинграду тысячами нитей, который хочет собрать и сохранить каждое мгновение жизни скоропреходящего времени в архиве души, который умело хозяйничает своим талантом, подаренным Богом, который неустанно молится Богу за отпущение и спасение.

ДВОЕ

Юрий ЛОЩИЦ,
вступительная статья к сборнику
Д. Мизгулина и А. Елфимова
«Движение души»,
2006, Москва

У этой книги два равнодостойных, равнозначимых автора: поэт Дмитрий Мизгулин – фотохудожник Аркадий Елфимов.

А это значит, что можно и в иной последовательности их представить: Аркадий Елфимов – Дмитрий Мизгулин.

Потому что, как увидим, каждый из них тут – первый, никто ни у кого не в подчинении. Обычно в книгах стихотворений, и в прозаических тоже, иллюстративное начало носит служебный, вспомогательный характер.

Слово первично. А изображение? Его может в книге и не быть вовсе. Его горизонты заданы и ограничены словом. Написано: лес, и мы уже представляем себе лес, пусть он и неодинаков в созерцаниях каждого из нас. В этой книге – не так.

Тут соединён жизненный опыт двух людей, которые до встречи на её страницах мало знали друг о друге. И потому не делали

никаких чрезвычайных усилий, чтобы соответствовать или подчиняться один другому в своём видении мира.

Но когда встреча произошла, обнаружилось: очень часто и очень естественно слово одного перетекает в зрелищный образ другого. И наоборот: летучий пейзаж фотомастера хочет отразиться в зеркале стихотворной строфы поэта. Какая же надобность сопрягла в одном издании Мизгулина и Елфимова? Всегда свежие окоёмы, воистину океанические панорамы равнины по имени Западная Сибирь? Возрастная близость и переклички жизненного опыта, в котором собрались и общая боль, и надсада, и чаяние лучшей доли для оскорбительно бедных своих сограждан? В наши дни стихи пишут десятки тысяч людей, а тысячи их печатают. Миллионы людей фотографируют кого и что ни попадя. И почти всё написанное, абсолютно всё отснятое тут же печатается, пусть и в одном-двух экземплярах. Но во всём этом милом любительстве преобладает трогательное желание хоть как-то противостоять стихиям забвения, хоть немножко «увековечиться».

Но настоящее в литературе, в искусстве начинается лишь там, где мы различаем горечь о растраченных напрасно силах, сострадание обделённым, сочувствие обманутым простакам-современникам, надежду, прошедшую через искус отчаяния, на лучшую долю. Вот в этом-то и видится неслучайность встречи поэта и фотохудожника. Они у нас на глазах как бы ищут поддержки друг у друга: а так ли мы судим о мире? Они тихо собеседуют. Они подтверждают, что как и в былые времена, русский человек безо всякой корысти, не заглядывая в чужой карман, готов встретиться и поговорить с другим русским человеком. О самом сокровенном. О лучшем, чего он ждёт для своей земли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ Д. МИЗГУЛИНА И А. ЕЛФИМОВА «ДВИЖЕНИЕ ДУШИ»

Александр БЫКОВ,
Тобольск, 2006

Русский человек всегда движется (даже если пред тем лет тридцать сиднем сидел где-нибудь под Муромом).

Его понуждает делать это движение солнца над необозримой русской землёй...

Каждое направление этого движения – путь.

Путь – это не всегда тракт, тропинка, траектория космического аппарата...

Путь – это, скорее, предназначение, подвижничество, паломничество по просторам...

Вот потому-то я и хочу пояснить любознательному читателю и смотрителю этой книги, что работы Аркадия Елфимова не являются иллюстрациями к стихотворениям Дмитрия Мизгулина. Ни прямыми, ни ассоциативными...

Просто направления их движений, их путей счастливым случаем совпадают...

Математик сказал бы, что эти векторы – компланарны...

Тут главное, что они, эти пути, – не пересекаются (в пешеходном понимании), и уж, тем более, никогда – по встречной полосе (в понимании шофёрском).

И всё это потому, что прежде, чем началось движение этих художников по земле, по творчеству, по надеждам и отчаяньям...; прежде началось (по одним направлениям) движенье их душ...

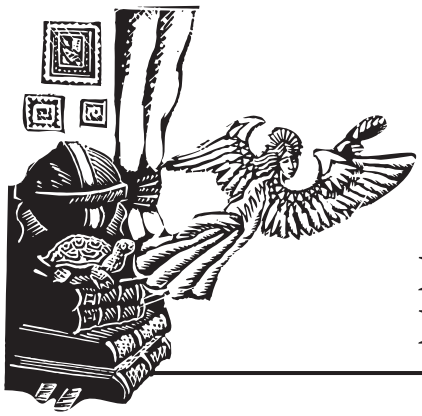
Андрей Платонов в «Чевенгуре» обронил такую фразу:

«Нам нужно сочувствие, а не искусство».

Это не гениальная ошибка гениального художника.

Это ровно то, почему котлован – отражение и финал строительства башни до небес...

На самом деле, искусство только тогда и искусство, когда оно – сочувствие...



ПЕЧАТНАЯ КНИГА – ИЗДЕЛИЕ ШТУЧНОЕ

Сергей ФИЛАТОВ,
Бийск,
декабрь 2011

Человека встречают по одёжке,
а книгу по обложке.

Иподумалось тогда: держу в руках книгу…

Давненько, честно говоря, этакое, трепетное в душе не возникало. Если припомнить, примерно тоже чувствовал, когда лет пять назад мне дозволили подержать в руках рукописные церковные книги XVII–XVIII века в библиотеке храма св. великомученицы Екатерины Александрийской в с. Сростки. Или, скажем, когда я удачно, ещё в далёком 1988 году, купил в книжном избранные стихотворения Алексея Прасолова, выпущенные в советском ещё тогда издательстве «Современник». Книга была бережно оформлена удивительно точными и выразительными работами художника-графика С. Косенкова, другим художником-оформителем Д. Константиновым. Давненько это было…

Не знаю, то ли почти не издают нынче так, то ли просто до нас эти издания не доходят?..

Чтобы было понятнее, о чём разговор, любые рукотворные изделия, то есть то, что руками людей сделано, бывают либо поточными, либо – штучными, индивидуальными. Как ружьё, например. Возьмёшь поточное: ну, без брака сделано; ну, стреляет; ну, даже

точно, если хорошо пристреляно… А штучное – оно ещё и в плече как влитое лежит, и «щека» прямо под тебя в размер подогнана, и палец на курок ложится – как будто тут всё время и был. Словно и не ружьё вовсе, а естественное твоё продолжение!.. Думаю, охотники меня поймут. Или, что уж, что всем понятно, – костюм, допустим. Когда он по тебе сшит, – ничто не жмёт, ничто нигде не тянет и не мешает, всё ладно, всё подогнано и сидит на тебе как с иголочки. Совсем не то, что обычный магазинный, «усреднённого», как водится, размера.

Наверное, нечто подобное и с книгами можно представить. Даже более того, всё-таки книга, не просто вещь или одежда, она ещё и духовное начало в себе содержит.

Берёшь ты, скажем, книгу. И – сразу: обложка ли слишком яркая, слишком цветастая – раздражает как-то; шрифт ли мелкий, неразборчивый – и глаза устают быстро, немного прочёл и дальше читать уже не хочется; или картинки слишком уж в лоб содержание «раскрывают» – не знаешь, то ли читать, то ли их, картинки эти, рассматривать… Полистаешь так, и в сторону отложишь. И так почти всегда, когда нынче в книжный захожу и смотрю на великий развал, разносортицу.

Почему так, спросите. Да просто, на мой взгляд, книжное производство сегодня, как и всё иное производство рыночно-поточным стало. В самом плохом смысле. Книга для издателя нынче – источник прибыли, от которого требуется нести в себе информацию потребителю её покупающему, и всё, не боле того. Сам написал эту фразу, сам и ужаснулся: «Загнул, однако». А если без дураков, – ведь всё верно сказал. И по содержанию, и по форме тоже: ну не сказать это иначе, нормальным человеческим языком не сказать о большинстве современных печатных изданий, которые книгой назвать язык с трудом поворачивается.

Держу в руках книгу… – как-то, само собой подумалось.

Начал читать… и – без остановки. Страница за страницей, всё как положено: без всякого напряжения, следуя выстроенному авторами видеоряду, погружаясь всё больше в текст, с необходимыми при нормальном чтении паузами для раздумий – так, чтоб и не

скороговоркой, как нынче модно (сколько-то там сотен знаков в минуту), а вдумчиво, с чувством, с толком, с расстановкой. И, в то же время, – без перерывов, не откладывая книгу в сторону…

Почему так? – над этим уже после стал задумываться, когда прочёл.

Намеренно абстрагируюсь от разговора о поэзии Дмитрия Мизгулина. Это чтобы ни себя, ни читателя не отвлечь от ответа на этот свой «главный» вопрос. Ведь иногда чтобы понять целое, нужно мысленно и чётко расчленить это целое на части его же составляющие. Как это сделано, из чего, с помощью чего…

Поэтому о самих стихах скажу вкратце, они близки и созвучны мне по своему содержанию, да и форма, по сути академическая, строгая, тоже всегда у меня симпатию вызывает. Этим, пожалуй, и ограничусь.

Лучше более подробно о другом. Первое, и основное, что сразу отметилось, «В зеркале изменчивой природы» – удачный синтез самой поэзии, редакторского составления и художественно-оформительской работы над книгой. Ведь только при очень точном совмещении этих трёх «пространств» книга обретает настоящее единство в нашем, читательском восприятии её.

Иными словами, когда я читал, мне ничего не мешало, скорее, наоборот, изображения органично входили в моё сознание как сопровождение к самому тексту, точно некий зримый изобразительно-музыкальный аккомпанемент сопровождает голос певца; и все стихотворения, несмотря на свою самодостаточность и логическую законченность каждого, тем не менее, как бы вытекали одно из другого, создавая единую сюжетную линию, строго выстроенную по всем правилам художественной драматургии.

Иными словами, читал я не сборник стихотворений, а именно книгу. Разница огромная, но достаточно тонкая, и её нужно просто прочувствовать и принять как аксиому, просто доверяясь своим ощущениям.

Это непривычно для читателя ещё и потому, что современные печатные поэтические издания, в большинстве своём, по сути – поэтические сборники. Увы, немногие писатели, да и редакторы,

имеют нынче склонность и умение композиционно выстраивать свои ли, чужие произведения. Иными словами, немногие нынче умеют книги составлять.

Сразу отметил для себя – книгу эту составлял поэт. Кому как не поэту, дано понять и оценить наличие поэзии в стихах, её музыку и внутреннюю логику. Причём, понятно было, составитель – поэт большой, настоящий. Всегда внутренне был не согласен с кедринским: «У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплёвывать друг друга…»

У графоманов – да. А настоящий талант – умеет ценить талантливое в другом, он щедр и открыт для любого истинного проявления талантливости извне.

Очень бережно, обращаясь со стихами Дмитрия Мизгулина, Юрий Перминов по крупицам высвечивает читателю главную их содержательную основу. Как он сам обозначает это в предисловие к книге Мизгулина: «Каждый талантливый русский поэт живёт в молитвенной традиции совести, любви, верности своему дому, своему краю, России…», «…поэт Дмитрий Мизгулин верен… прошлому своей страны…», «Природа и дух бессмертны в своём вечном единоборстве, важно сохранить за собой их несуетность и здоровье, обаяние пространства…это Дмитрию Мизгулину удаётся…» и т.д. То есть, концентрат поэтического творчества Мизгулина – и есть верность родовой памяти, традициям, родине. И понятия эти постепенно, по мере чтения книги, обретают всё большую чистоту звучания и зримость, становятся объёмными, более точными по огранке своей.

В предисловии, составитель очень ёмко определяет и мизгулинский талант – умение отделять поэтические зёрна-образы от плёвел и прочей словесной шелухи: «Так терапевт, вслушиваясь в близкое биение другой жизни, отличает характерные шумы от шумихи в коридоре…»

И это при всём том, что составление книги процесс тоже творческий. Тем не менее, редактор-составитель, работая с текстами Мизгулина, очень бережно относится к их внутренней ткани, к их естественной музыке – дабы не повредить, не нарушить. И сами

стихи выстраивает таким образом, что стыков между ними не видно было, точно мелодию из нот собирает. И нет в этом никакой натяжки, чувствуется – мелодия эта изначально авторская звучит, мизгулинская мелодия, это его видение мира, его мироощущение.

Отдельная тема – оформление.

Намеренно разделю здесь понятия основа или фактура видеоряда и непосредственно работа, ибо принадлежат они двум разным художникам. Практически так же, как в упомянутой вначале книге стихотворений А. Прасолова.

Своей неповторимостью и узнаваемостью, особой сибирскостью своей видеоряд книги, бесспорно, обязан фотоработам Аркадия Елфимова. Именно они и определяют общую фактуру художественного видео замысла книги. И хотя, в одном из телефонных разговоров Аркадий Григорьевич обмолвился: «Там очень мало осталось от моих фотографий…», позволю себе с ним не согласиться. Немного зная его пристрастия, его художественную манеру по фото книгам-дневникам «Мальта» и «Бразилия», по его фундаментальному «Ангелу Сибири» из фотодиптиха книг о Тобольске, выпущенным им в соавторстве с известным фотохудожником Павлом Кривцовым, посмею утверждать, что сибирская основа видеоряда книги «В зеркале изменчивой природы» – елфимовская.

Это и бесконечные сибирские просторы, которым конца и края нет; это и суровая сибирская природа, неброская, неяркая, сдержанная в красках, но иногда очень контрастно проявляющаяся в деталях – будь то ягода-брусника, рассыпанная на траве, или небольшая, щемящая, высветленная промеж облаков полынья закатного неба; это и характерно-сибирские пейзажи – бесконечные холмы, берёзы… и, наконец, храмы – строгие и молчаливые точно люди, светлые и торжественные, спокойные и горделивые, наши родные – сибирские. Всё это по-елфимовски узнаваемо, особенно для тех, кто немного знаком с его творчеством.

Для совсем же непосвящённых поясню, стремление к графичности изображения прослеживается у Елфимова как в упомянутом «Ангеле Сибири», так и в других его книгах. Цвет художником используется очень осторожно, даже скупо – с помощью цвета Ел-

фимов словно расставляет акценты в изображении: скажем, как в снимках «Рябиновые бусы», «На закате», «Родина сказок» и многих других из «Ангела Сибири». В мизгулинской книге это стремление автора фотоснимков к графичности и цветовым акцентам обострено до предела художником-оформителем, но всё равно елфимовская основа-идея чётко проступает сквозь все трансформации. Примерно так же, я однажды увидел фрески в старом бийском храме св. князя Александра Невского, проступающие на старых стенах. С той лишь разницей, что в храме фрески на старых стенах проявились сами по себе, вследствие упавшего на них под определённым углом света, здесь же, в книге Мизгулина все проявления елфимовской фактуры – изначально так задуманы и исполнены художником-оформителем В.Е. Валериусом.

И ещё – небольшой эпизод. Это к подтверждению моих наблюдений о щедрости таланта. Уже после прочтения, я просмотрел фильм-монолог Василия Евгеньевича Валериуса о его работе над книгой Мизгулина. Среди многого прочего интересного для меня, там прозвучало и следующее откровение: «Вначале считалось, что непосредственно сами фотографии Аркадия Григорьевича станут иллюстрациями к этому поэтическому сборнику. Но потом, когда у меня в процессе работы появилась идея их трансформации в графику, я сделал на пробу две картинки и послал их автору фотографий, с подробным объяснением своей концепции, своего видения будущей книги. Естественно, спросив при этом у него разрешения… И он, продемонстрировав необычайную для нашего времени творческую широту, согласился с моими доводами…»

История, как мне кажется, достаточно наглядная и поучительная. Думаю, что не каждый художник сможет вот так перешагнуть своё эго. А то, что оно в каждом творческом человеке есть – тут уж вне всяких сомнений. И в данном случае мне, как человеку способному оценить творческую щедрость, остаётся только снять шляпу.

И наконец, само оформление. Здесь немного поподробнее. Я уже обмолвился, что к моменту начала работы над рецензией на руках у меня была не только сама книга, но и видеозапись монолога художника-оформителя В.Е. Валериуса.

Дело в том, что с работами книжного дизайнера В.Е. Валериуса я практически знаком не был. Наверное, именно поэтому сознательно решился на небольшой, но, несомненно, важный для меня эксперимент – оставил прослушивание этой мини исповеди художника на самую последнюю очередь. Хотелось сначала как-то пережить и систематизировать собственно свои впечатления о книге, составить своё мнение, в конце концов, а уж потом, сравнить его с первоначальным замыслом художника. Для начала, пробегусь по впечатлениям после прочтения.

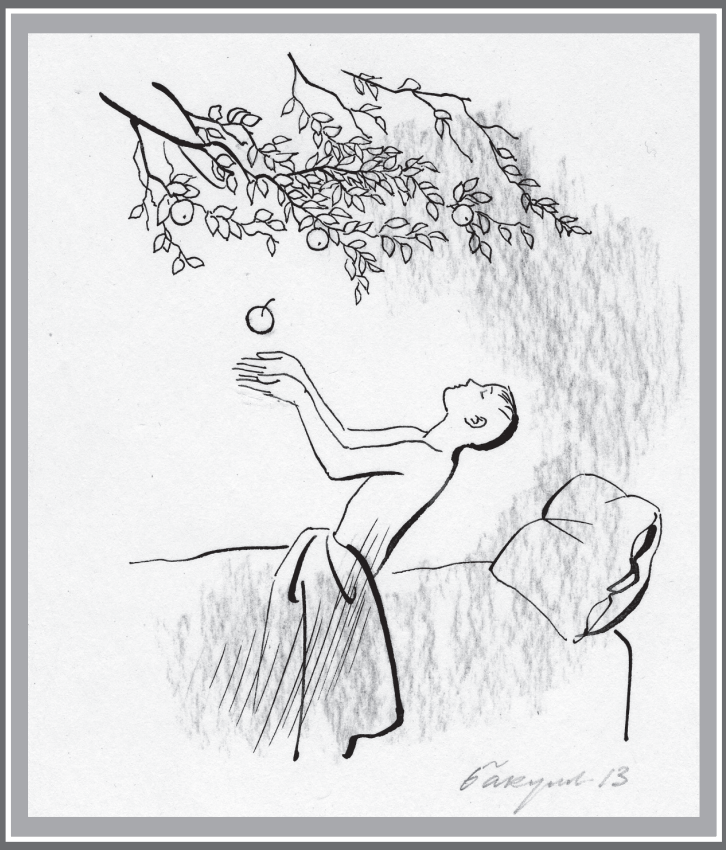
Немаловажным в книге мне представляется её формат. Здесь, в книге – А 5-й, зауженный... И почему-то сразу уверенность возникла, там, внутри, – стихи.

Следующее, конечно, обложка – лицо книги. Прежде всего, неброскость оформления, некая благородная сдержанность буквально во всём: и в цветовом решении, и в самом материале, которым обложка обшита… Мне, достаточно знакомому с творчеством Дмитрия Мизгулина, совсем несложно было предположить, что это всё предопределено, прежде всего, мелодией его стихов.

С другой стороны, у читателя менее искушенного мизгулинской поэзией, это должно сразу создавать определённый настрой, почти так же как звук камертона, задающий тональность всему последующему звучанию.

Здесь же, на обложке – неясные контуры, колышущиеся, точно водоросли, под водой… Или это срез веков, моментальный снимок времени?.. И зеркальность. Напомню, название книги – «В зеркале изменчивой природы». И имя автора, и названия книги как бы отражаются в этом зеркале то ли текущей воды, то ли остановленного мгновения.

Далее, немного о динамике зрительного восприятия, так сказать, «листая книгу…» Каждое стихотворение выделено художником отдельной главкой, название которой обозначено целым книжным разворотом. Просто фон. И название… При чтении, получается так – прочёл стихотворение, перелистнул страницу, а там название новой главки – нового стихотворения. Возникает необ-


Бакуд-13

ходимая пауза, небольшая, но вполне достаточная, чтобы предыдущий художественный образ оформился в подсознании, как нечто цельное, как платформа для восприятия следующего, и т.д.

Посмотрим теперь, как расположены сами стихи на содержательных страницах: они находятся на правой стороне разворота, на той самой, куда в первую очередь взгляд падает. На контрастной подложке, наложенной на разворот-изображение. То есть, читать начинаешь сразу, и только потом, боковым зрением улавливаешь картинку-фон.

Если присмотреться, края практически всех картинок растушеванные, расплывчатые, но каждая картинка имеет какие-то свои акцентировано-высветленные контрастные пятна. Одно или несколько. Будь то храм, дерево, просвеченный кусочек неба, горсть ярких ягод в траве, волна, облако или что-то ещё.

Но прежде, как я заметил, – текст. Опять же по аналогии с упомянутой книгой Прасолова – оформление здесь не конкурирует с содержанием, оно лишь высвечивает, оттеняет его, делает более ярким, контрастным, выпуклым. Иначе говоря, оно, оформление, играет здесь роль мелодии, роль сопровождения. А солирующая партия всё-таки отдана стихам. Они доминируют, как, собственно, и должно быть в книге стихов.

Такие вот последовательно-отрывочные впечатления при прочтении у меня возникли. Но вернусь к эксперименту, впору теперь и самого художника послушать, чтобы сравнить со своим восприятием. Вот всего лишь несколько выдержек из его монолога:

– «Само книжное тело излучает очень мощный художественный образ: большая – маленькая… шершавая – гладкая… жизнерадостная – печальная… режущая руки или ласкающая взгляд…»;

– «Книги стихов – интимная вещь, она не должна быть большой…»;

– «Полагаю, что просто в оформлении стихи не нуждаются. У них внутри уже есть такая мощная структура, что она не требует никакого разъяснения…»;

– «Художник, если рисует, должен подняться на уровень поэзии, которая иллюстрируется. Тогда возникает аккомпанемент, параллельное звучание…»;

– «Я так и задумал эту книгу – стихотворение погружается в некое пространство, которое излучает художественный образ… И это усиливает внутреннее настроение от прочтения, настолько, насколько это удалось передать художнику…»;

– «Так, читая стихотворение «От Волхова до Иртыша…» я представлял, что должна видеть душа, летя над Тобольском, над Сибирью…»;

– «Читал стихотворение, я фиксировал свои ощущения на бумаге, и возникала некая изобразительная мелодия, у которой есть свой ритм, метр… Потом подбирал фотографию, превращал её в графику, обострял свои эмоциональные ощущения до предела. Эта чёрно-белая основа делалась крупитчатая, а на неё накладывался цвет…»

Получается, что практически в каждом высказывании художника я находил подтверждение своему восприятию. И, только в одном случае неожиданно случилось разночтение с изначальным его замыслом:

– «Картинка по площади больше, чем подложка со стихами. Поэтому картинка входит в сознание в первую очередь…»

Ни в коем случае не хочу выдать свои утверждения за истину, скорее, я склонен объяснить это несовпадение особенностями своего субъективного восприятия. Но эксперимент – есть эксперимент, и любой результат, даже «отрицательный», интересен как результат сам по себе.

Здесь важно другое – сам подход художника к оформлению. Валериус изначально как бы отрешается от всех известных привычных шаблонов книжного дизайна и создаёт новую концепцию конкретно для данного произведения, для данной книги. То есть, всё начинается с чистого листа, как бы заново, что характерно для любого творчества.

Интересно, что сам художник признаётся, работа эта для него стала очень важным этапом. Через неё он ещё раз утверждается в понимании, что именно художественное слово, а конкретно – слово поэтическое, призвано оставить печатную книгу живым фактом человеческой культуры.

Эта мысль представляется мне особо важной. Дело в том, что последнее время много говорят о книге электронной, которая, якобы, со временем вытеснит из нашего обихода издания печатные, полностью заменит их.

Вот что говорит об этом Валериус: «Именно стихи останутся книгой бумажной, а не электронным изданием. Я не против электронных изданий… Но, на мой взгляд, повторяется история, что произошла с театром и кино. Говорили, что театр умрёт, кино его вытеснит. На деле получилось иначе, родился новый вид искусства – кино. Думаю, в случае с книгой печатной и электронной всё будет так же».

С этим трудно не согласиться.

Опять же опираясь на собственные ощущения, скажу, читая что-либо с монитора, воспринимаю это – даже, если это давно знакомый художественный текст – несколько иначе, чем с традиционных печатных книжных страниц. Монитор будто излучает в моё сознание не столько эмоции, сколько информацию в чистом виде. То есть, при таком чтении я недополучаю именно эмоциональную составляющую.

Может быть поэтому, читая электронное издание, при всём своём желании, не могу я как-то убеждённо и однозначно сказать:

– Я держу в руках книгу…

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ И ПОЭЗИИ Д. МИЗГУЛИНА

ОТЗЫВЫ О ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Глеб Горбовский,
член Союза писателей СССР и России,
Санкт-Петербург

Стихи Мизгулина не придуманные, а нажитые телом и душой. В них не просто детали бытия, а живые соседи по жизни.

… Вхожу в мой поезд дачный,
Сметаю с лавки сор,
Вдыхаю дым табачный,
Вникаю в разговор…

Вообще слитность взгляда стихотворца с происходящим вокруг него – неразрывна.

Единственно, что иногда раздражает читателя сборника «Ненастный день», в частности меня – это многочисленное употребление слова «душа». А в «Избранном» этого высокого слова – как бы поменьше. Содержимое «Избранного» – распахнутое, хотя и слитное. А главное – живое.

Геннадий Морозов,
член Союза писателей России,
Касимов, отзыв на публикацию стихов в МК,
10 февраля 2017

Сегодня утром перечитал снова. Мне кажется, что у тебя какая-то новая внутренняя духовная волна заплескалась в душе, ибо я почувствовал это в твоей новой подборке, где просветлённое состояние не подавлено состоянием трагическим. Может это уловить не всем дано, но я уловил.

Не пишу. Не звоню. Забываю
О любви бестолковой своей,
По весеннему парку гуляю,
Наблюдаю весёлых людей…

…И блистает бездонное небо,
И мерцает на дне бытиё…
И ни зрелищ не надо, ни хлеба,
Устаканилось сердце моё.

В целом подборка со своим внутренним беспокойным миром, видна личность автора, свежесть языка, с оттенком классичности. Лично мне всё это близко и дорого.

В.В. Лёвкина,
читатель Прииртышской сельской библиотеки
Тобольского района

Дмитрий Александрович Мизгулин известен мне ещё с 2005 года, когда в Москве вышел сборник его стихов. Мне лично нравятся его стихотворения. В них он пишет о времени, которое мы пережили и продолжаем переживать:

Кружась во Всемирном потопе,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А всё обернулось иначе –
В привычной сумятице дней
Богатые стали богаче,
А бедные – стали бедней.

Но в другом стихотворении поэт Мизгулин верит в своё спасение:

Ни жизни, ни смерти теперь не боюсь,
Всевышнему тихо и скорбно молюсь.
Прощенья прошу и спасенья
И верю в своё воскрешенье.

Судьба народа и страны – это и судьба самого поэта.

Мы прошлого и будущего дети,
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то что за народ и за страну.
Мечтали о любви, о тихом счастье,
И с треском очутились в настоящем.
Как крест чужой, несём свою вину.

Но надежда есть: в борьбе добра и зла победа будет за силами Добра.

Но снова заплещется веры вода
В глазницах пустых океана.
Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.
И в страхе изыдит полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

Все эти строки в моём дневнике всегда и каждый день…

А.М. Штинникова,
читатель Прииртышской сельской
библиотеки Тобольского района

Мне очень понравились стихи Дмитрия Мизгулина. Поэт много пишет о природе, о русском человеке, его путях и странстви-

ях, о России и религии. Сразу чувствуется в его стихах любовь к природе, причастности к делам нашего сибирского края. Своими стихами он прославляет край, в котором сам живёт. Очень много в стихах высказано о нашей земной жизни и душе человеческой. И хочется, чтобы каждый человек, прочитавший строки этих прекрасных стихов, задумался о своём бытие. Пусть будет больше стихов, которые пишет Д. Мизгулин.

Облетают последние листья,
Завтра грянет мороз поутру
И рябины оранжевой кисти
Зазвенят на студёном ветру.

Тануляк Татьяна Валерьевна,
библиотекарь Прииртышского сельского филиала
Тобольской районной библиотеки

Мне нравятся стихи Д. Мизгулина. Его стихи о Православии, России, природе, обо всём, что волнует сердце человека – в них говорится о смысле жизни. Мы живём в современном веке, постоянно спешим куда-то и в каждодневной суете забываем о чём-то главном и вечном. А, читая стихи Д. Мизгулина, начинаешь задумываться о жизни настоящей, прошлой и будущей.

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

Пока душа ещё жива,
Спеши, спеши под своды храма…
И благодарности слова
Не забывай твердить упрямо.

Оксана Эдуардовна Кошкарова,
д. Башково

Всегда обращаю внимание на книжные выставки в библиотеке, а на выставки с книгами фонда «Возрождение Тобольска» особенно. Внимательно слежу за альманахом «Тобольск и вся Сибирь», и тут случайно глаз скользнул по серебру обложки. Елфимов – это имя знакомое, а Мизгулин – это кто? Руки потянулись, а сердце открылось с первых строчек. И поняла, Мизгулин – это ПОЭТ! Всколыхнулось в душе, что-то казалось забытое в суете жизни, и понеслись мысли, и встрепенулись мечты, и ожили надежды. Из его стихов словно свет льётся! Так радостно и легко они читаются. Он поэт, и потому говорит искренне обо всём, но так созвучны мне его переживания, вылившиеся в поэтические строки. Спасибо за минуты радости, часы раздумий и жизнь с верой.

Наталья Васильева,
зав. библиотекой

В Высокоключевой сельской библиотеке Гатчинского района Ленинградской области открылась выставка книг поэта Дмитрия Мизгулина. Спасибо Валентине Александровне за представленные издания данного автора.

Книги замечательно оформлены, особенно сборники «Доверяя душе», «В зеркале изменчивой природы», «Избранные стихотворения», подарочные варианты. А стихи просто околдовали! Здесь и природа, любовь, вера в Бога. Всё это взаимосвязано, без всех этих понятий трудно жить. Стихи читаются на одном дыхании,

заставляют задуматься о жизни, вере, посмотреть глазами автора на окружающую действительность, подумать о своём. Думаю, что поэзия Дмитрия Мизгулина найдёт своего читателя в нашей библиотеке. Спасибо за книги.

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА «ДОВЕРЯЯ ДУШЕ»

Васечкина Екатерина, 24 года,
п. Прииртышский

Наверное, как и все – эта книга учит жить. У всех нас есть проблемы и жизнь порой не радует, но не стоит забывать о хорошем.

Читалось легко, в книге описываются наши пороки, автор в каждом стихотворении призывает нас остаться людьми, не забывать о Боге, почитать Его.

Данная книга заставляет нас задуматься и заглянуть в глубины души. Для каждого эта тема, тема «доверия душе» очень близка, прочитав книгу, я как будто побывала в зоне комфорта. Уверена, что эти стихи произведут впечатление на многих читателей, и каждый задумается о своей жизни.

Мыслить позитивно – это уже начало успеха и единения с душой. И это то, чего сейчас не хватает многим. Трудно противостоять мнению людей, но только так можно стать сильнее и только так можно научиться понимать других людей. Вот и автор нам говорит:

…Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.

Задумалась… На многие вещи посмотрела по-другому.

Автор пишет просто, доступно, но в тоже время красиво. Книга грустная, но правильная. Приходит очищение души после её

прочтения. Эту книгу нужно прочитать каждому, чтобы ценить то, что имеешь.

Мир – это не фабрика по исполнению желаний, в ней есть чёрные полосы, серые будни и обязательно – счастье. Такая ассоциация возникла у меня по оформлению книги.

Не мучайся тревогой,
Осмысливая жизнь…
Иди своей дорогой
И Господу молись!

Зятькова Мария Спиридоновна,
с. Абалак

Оформление книги сразу бросается в глаза: тёмные краски говорят, что автор много пережил, переосмыслил. Чёрный цвет и звёздочки рассыпаны по тёмному небу, древо жизни, восход солнца, космос, молящийся человек, вдали тёмные фигуры; ангел, сопровождающий его размышления о сути жизни – всё это облачено в тёмный-тёмный цвет. Но вот окраска страниц меняется, приобретает светло-серый цвет. Меняется настроение его стихов; он хочет жить в ладу со всеми, но это невозможно, единственно, с кем можно жить в ладу – это Бог, и он обращается к нему. На столе появляется главная книга – Евангелие. Стихи любого поэта отражают его жизнь, внутреннее состояние, борьбу тьмы и света, желание найти ответы на поставленные вопросы. Д. Мизгулин не является исключением. Даже заглавия говорят, о чём будет идти речь. «Не думать, наверное, проще». Оно наполнено вопросами и неопределённостью: «не думать», «печалиться», «возвращаться». И, в итоге – «И всё кутерьма и морока…и впредь никого не вини…» Чувствуется, идёт напряжённая внутренняя борьба, которая приводит к Богу. Он один тебе и советчик, и опора, которому ты можешь открыть свою душу не таясь.

Со дня рождения и посмертный час
Приставлен ангел к каждому из нас.
Он нас хранит от горя и от бед
На протяжении беспутных лет.

Да, жизнь противоречива: чёрная полоса чередуется с белой, а каких больше – зависит от тебя. У автора всё также, он не приукрашивает свою жизнь, а строго осуждая, прямо говорит: не всё правильно, что мы делаем. Он умеет вовремя провести работу над своими ошибками. Он твёрдо уверовал: всё от Бога...

И всё по воле Божьей:
И радость, и печаль,
И это бездорожье,
И голубая даль.

Каждое стихотворение, каждое слово в нём – это раздумье, размышление о мироздании, о предназначении человека, о его роли в жизни; не оставляет равнодушным, ты соучастник событий, происходящих в стихах.

Не мучайся тревогой,
Осмысливая жизнь…
Иди своей дорогой
И Господу молись!

Не зная биографии поэта, уверяешься, что он имеет непосредственное отношение к Петербургу. Есть в нём что-то блоковское – чёткость, краткость, предметность.

Сейльбах Татьяна Геннадьевна, пенсионерка,
п. Прииртышский

Прочитав стихи из книги «Доверяя душе», я представила автора неким отшельником, который живёт в лесу, укрываясь от мирской жизни. Ему надоела суета города, шум, ритм современной жизни, а также избыток вседозволенности и всевозможности. Укрывшись и отгородив себя ото всех, ему хочется слушать Ангела, молиться и славить Бога.

Довольно мрачные стихи. Им нужны свои читатели с особым мировоззрением. Человек старится, а душа должна оставаться молодой, а в стихах Дмитрия чувствуется душа уставшая, надломленная, «…очерствела и устала бедная душа…» Наверное, по жизни накапливались неудачи и разочарования, а излить их было некому, да и поймут ли? Поэтому, вероятно, автор пришел в храм к Богу, задумался о вечном. Начиная читать стихи с тёмных страниц, думала: «Вот будут страницы светлее, и стихи будут более оптимистичные», – но ошиблась.

Когда открываешь книгу, такое чувство, как будто входишь в царство небесное: тёмное небо, звёзды, Ангел, Свеча, Храм, Господь.

Конечно, у каждого человека есть свой взгляд на жизнь и отражение жизни в его поступках, в достижениях. У Дмитрия немного минорное отражение нашей действительности, значит, его душа хочет говорить с нами именно этими словами.

Думаю, Дмитрий найдёт своих читателей.

Я же отношу себя к более оптимистичным людям и вижу мир не чёрно-белым, а ярким, разноцветным, несмотря на неприятности, которые сопровождают нас по жизни.

Успехов Вам, Дмитрий!

Печеркина Ирина Александровна,
д. Полуяново

Передо мной сборник стихов Дмитрия Мизгулина «Доверяя душе». Не читая стихов, рассматриваю обложку и оформление книги, и сразу понимаю, о чём пойдёт речь. Очень часто мы, вглядываясь в ночное звёздное небо, думаем о вечном, о будущем, о состоянии своей души. От светового оформления страниц, понимаешь, как меняется настроение стихов от тёмного к светлому, от смятения в душе, к пониманию и согласию с самим собой.

К моему стыду я не читала стихов этого автора, я не знаю о нём ничего. Вот и сейчас не хочу читать статью Нины Ягодинцевой «Высоких слов прекрасные черты», чтобы не навязывать чужого мнения об этих стихах. Пусть первое свидание с поэзией Дмитрия Мизгулина будет лично моим.

Читаю первое стихотворение «Не думать, наверное, проще» и думаю: сколько же лет автору? Может за 50, ведь... «промчались июльские ливни, царят затяжные дожди…» Именно в эти годы начинаешь задумываться о вечном, о душе. А может ещё молодой, но путь к познанию своей души оказался трудным. Автор никого не хочет винить в этом, даже в том, что если происходит до естественного срока.

Очень близким оказалось второе стихотворение «А перед Богом все равны», которое заставляет опять задуматься о своей душе, о том, что тот, кто здесь имел сполна, на небесах получит меньше. Надо верить в справедливость.

Не плачься и не унывай,
Что на земле досталось мало,
Исправно Господу молись,
Оставь пустые разговоры!

А в другом уже предостерегает, что может наступить тот момент, когда за наши грехи ангел-хранитель может оставить нас

навсегда. Но где спасение? В чём оно? Оказывается, в Боге. С Богом легко и просто! Не надо мучиться тревогой, осмысливая жизнь… нужно молиться господу. Но при этом не надо играть с судьбою в прятки, не предавать, не унывать, оставаться честным перед людьми, перед собою, перед Богом.

Сборник включает в себя 12 стихотворений, как 12 апостолов ведут лирического героя по пути жизни к Богу, от чёрного к белому, от тревоги к радости, к согласию со своей душой.

«Утренний ангел» – завершающее стихотворение. Утро символизирует начало нового, оно у каждого своё, может, кому-то принесёт надежду и веру. А «ангел» он всегда хранит и оберегает.

Со светлым чувством перелистываю последнюю страничку сборника стихов Дмитрия Мизгулина «Доверяя душе». Думаю, как правильно передаёт оформление книги и графика настроение героя, его пути к Богу.

Понравилась стройность стихов, простота языка, точность мысли. Захотелось ближе познакомиться с творчеством поэта, больше об авторе узнать как о человеке.

Ольга Николаевна Пуминова, 58 лет, пенсионерка,
с. Ушарово Тобольского района

С творчеством Дмитрия Мизгулина я уже немного была знакома. Прочитав книгу «Доверяя душе» почувствовала доверительное бережное отношение автора к читателям, к их душе и вечному поиску своего пути. Понравилось стихотворение «А перед Богом все равны, Он всем дарует понемногу». В жизни от человека требуется не так уж много: «Иди своей дорогой и Господу молись».

Почти во всех стихах прослеживаются Божьи заповеди – не суди, не обвиняй, не спеши, не суетись, не мучайся, часть своей души оставь для Бога. Стихи пронзительно чистые и светлые. А вот оформление книги, на мой взгляд, мрачновато. Очень понравились рисунки к стихам, ещё не прочитав стих – толь-

ко посмотрев рисунки, можно предугадать, о чём в нём будет сказано.

Но, мне кажется, очень много чёрного цвета и пустого места. Да и шрифт, и рисунки можно сделать крупнее.

Но, в общем, книга понравилась. Спасибо автору и художнику за изображение вечных человеческих чувств и ценностей.

С наилучшими пожеланиями.

Барсукова Фарзана Хайрулловна,
читательница Лайтамакской библиотеки

Чёрное небо, белые звёзды. Рисунки – половина чёрная, половина белая. Чёрный форзац. Чёрные страницы, серые страницы, белые страницы. Белые буквы, чёрные буквы. Это – противопоставление? Это – иллюстрация к книге. Человек и душа, человек и вера, человек и любовь. Это – стихи Дмитрия Мизгулина. Это – философия или суть бытия? Книга – загадка, книга – открытие называется «Доверяя душе».

Не смею оценивать содержание книги, о ней достаточно ясно изложила рецензент Нина Ягодинцева. Выскажу своё мнение после прочтения книги. В ней двенадцать стихов, в каждой переплетаются картины быта и размышления о жизни, природы и итоги поиска смысла жизни. Кто хочет жить в ладу с самим собой в наше непростое время, кто ищет путь к себе или пониманию других. Возьмите в руки этот небольшой сборник и… доверьтесь душе поэта!

Прасолова Нина Александровна,
ветеран педагогического труда, д. Хмелева

В Хмелевской библиотеке мне предложили сборник стихов Д. Мизгулина «Доверяя душе». Взяв в руки произведение, я удивилась оформлению и дизайну этой книги. Твёрдый чёрный пе-

реплёт – ночное небо усыпано серебристыми звёздами, а внутри сборника стихи, и рисунки к ним расположены на серых и чёрных страницах. Эффектно! Приятно взять в руки такую книгу.

А стихи прочитала на одном дыхании. Я получила душевное удовлетворение. Его стихи – это размышление читателя о смысле жизни, о стремлении человека к Богу. Эти стихи заставляют задуматься о жизни человека на Земле, о его делах и поступках и, конечно, думать о последствиях, когда придётся покинуть этот мир, готовиться к вечной тьме. Ставится во главу угла понятие, что такое Разум и Душа. В чём же их отличие.

Жить сердцем и умом.
Не мучайся тревогой,
Осмысливая жизнь…
Иди своей дорогой
И Господу молись!

Сысолова Роза Тагировна,
завуч Ушаровской СОШ, 48 лет

Передо мной сборник стихов Дмитрия Мизгулина «Доверяя душе». На первый взгляд нам кажется, что книга называется «Душе», слово «доверяя» на книге бросается в глаза не сразу. И не каждому дано прочитать это слова на обложке. Я думаю, что это задумка не случайна. Ведь Вера и Доверие у каждого из нас в душе свои, окружающим они не видны. А ещё на обложке я увидела вселенную: большую и бесконечную.

Открыв страницы книги, я прочитала первое стихотворение и не заметила, как прочла всю книгу на одном дыхании. О чём она? Я думаю, обо всём. А самое главное о жизни. Ведь в наш скоростной электронный век мы не живём, а бежим, торопимся. А стоит остановиться, оглянуться и увидеть как:

...Едва мерцают фонари...
... На травах стынут росы...
...В морозном инее ограда...
...Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября...

Стихи поэта заставляют забыть текущие проблемы. Просят остановиться и оглянуться на свой путь. Правильно ли ты живёшь? Есть ли Вера у тебя в душе?

Не суетись и не спеши –
Длинна дорога...
Хотя бы часть своей души
Оставь для Бога.

Пуминова Валентина Николаевна,
служащая, 51 год,

Имя Дмитрия Мизгулина в читательской среде давно на слуху. Для меня более близкое знакомство с его творчеством началось с книги «Утренний ангел», изданной Фондом «Возрождение Тобольска» в 2009 году. Сейчас в сельской библиотеке шесть персональных изданий стихов Д. Мизгулина, в том числе одно электронное. Читатели, любящие стихи, всегда положительно отзываются о его творчестве.

И вот новая встреча. В фонд библиотеки поступил сборник «Доверяя душе». Книга небольшая – 12 произведений. Это позволяет прочесть её на одном дыхании и лучше понять замысел создателей сборника: поэта, художника-графика, составителя.

Стихи замечательные – грустные, щемящие душу и в то же время очень светлые и жизнеутверждающие в своей грусти. Правдивые:

Грузим душу, чем попало –
Очерствела и устала
Бедная душа…

Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада…

И молимся о доле лучшей,
Пытаясь соблюдать посты…
Но лишь Господь развеет тучи,
Мы вновь во власти суеты.

В этих строчках все мы – живём в своё удовольствие, забывая о душе, о Боге, но как только становится трудно – спешим в Храм. А пройдут чёрные дни, и всё у нас возвращается на «круги своя». В стихах Д. Мизгулина это отражено правдиво и горько. Но это не взгляд морализирующего ментора, он один из нас, это его душа мечется и кается. Такая искренность всегда ценится читателями.

Но после смятения, страха, растерянности стихи подводят нас к пониманию того, что всё в жизни устроено надёжно и мудро, нужно только соблюдать основополагающие законы мироздания. А они проще и яснее, чем может показаться:

Не мучайся тревогой,
Осмысливая жизнь…
Иди своей дорогой
И Господу молись!
Не жди, когда придёт беда,
Молись и бодрствуй всегда!
С Богом и легко, и просто!
Держись подальше от царей
И не играй с судьбою в прятки…

Стихи общечеловеческие и в то же время очень российские, не русские, а именно российские, потому что в российском характе-

ре, менталитете слито воедино много кровей, верований и индивидуальностей.

Я увидела в чётких линиях графического оформления книги ещё одно подтверждение того, что всё в жизни проще и яснее, чем принято думать. Не нужно только «мудрствовать лукаво», и отвергать простые истины.

При первом беглом знакомстве с книгой мне показалось, что белый шрифт на чёрном фоне будет сложен для чтения, но последующее общение с книгой развеяло эти сомнения.

Оформление обложки ёмко и лаконично – бездна вселенной загадочна и бесконечна, как душа человека. Только слово «доверяя» читается после слова «душе», как бы вдогонку, и это вызывает лёгкое недоумение – что «душе»? почему «душе»?, и только, прочтя слово «доверяя», всё ставишь на свои места. Это слово, на мой взгляд, взгляд рядового читателя, стоило бы сделать более заметным.

Я очень рада знакомству с ещё одним хорошим поэтическим сборником.

Валентин Курбатов в предисловии к сборнику «Утренний Ангел» написал: «Однажды ты встанешь перед Богом со связкой книг подмышкой, и по этой связке он поймёт, как ты жил, и определит тебе место». Я думаю, что у некоторых из нас в этот момент будут с собой книги Д. Мизгулина.

Антонина Горбунова-Наумова,
член Российского Союза писателей
15 февраля 2016, п. Прииртышский

Прочитала. Всё хорошо. Понравилось. Особенно это касается стихов Д. Мизгулина. Молодец. Это поэзия. И, вдобавок, стихи сами по себе не пустые – в их строки вложены глубокие мысли, включая процессы мироздания. И эти мысли, созвучны моей душе, и я думаю, не только моей. Вообще хорошо, что есть такие люди. Они неравнодушны ко всему окружающему их, и не

просто думают, а сопереживают всему, принимая всё близко к сердцу. Он, Дмитрий, и сам сознаёт, что «...не думать, наверное, проще...» и понимает, что совершается на Земле «...всё по воле Божьей...»

По поводу графики и оформления. Графика Александра Шибанова прекрасна и точна. Обложка, яркие звёзды на чёрном небе, задумана художником И. Лукьяновым, как я полагаю, неспроста. В этой гамме цветов, видимо, заложен определённый глубокий смысл – смотрю: красиво! Но немного как-то мрачновато. Это, конечно, на мой взгляд. Ведь небо даже в горах (на высоте более двух – трёх тысяч метров) тёмно-синее, но не чёрное. А вот звёзды действительно такие же: яркие и близкие. Это так здорово – кажется, что можно дотронуться до них рукой. Может в этом и вся суть?

Вот, кажется, и всё. В работе всех участников создания этого произведения прослеживается любовь к своей Родине. А это прекрасно. Доброго вам всем творческого пути. Не останавливайтесь: работайте – творите.

Спасенникова Марина Николаевна
45 лет, д. Башково

С поэтом Дмитрием Мизгулиным, благодаря фонду «Возрождения Тобольска» и библиотеке, знакома не первый год. Мне нравится его лёгкость и мудрость, философия «правды» и неожиданные, парадоксальные переходы из печали и грусти в светлую, искреннюю радость. Но вот новая книга «Доверяя душе» раскрыла для меня новую грань таланта автора. Тема веры и бога, души, смирения и покаяния самые востребованные поэтами, и вдвойне тяжелее написать так, чтобы тебе поверили.

Как много значит для нас то, что мы видим глазами. Как хотим, чтобы эмоции были выражены не только словами, но и зрительными образами. В этой книге эту задачу выполнил художник Александр Шибанов. Как-то читала, что дети лучше воспринима-

ют графику, потому что сами могут домыслить всё в красках. Во мне проснулся ребёнок. Получила всю гамму положительных эмоций. Эта книга притягивает своей лаконичностью, строгостью. Она назидательна, но не нравоучительна. Необходима и своевременна, как проблеск поиска веры и самого себя.

Трошкова В.В.
Библиотекарь Башковской сельской библиотеки

Увидев новую книгу Дмитрия Мизгулина «Доверяя душе», изданную фондом «Возрождение Тобольска» поняла, что обязательно возьму её почитать. На фоне ярких ярморочно – рекламных красок большинства современных изданий – эта привлекает строгой сдержанностью и лаконичностью. Взяв в руки книгу, переносишься или в прошлое или в будущее. Возможно, с годами мы начинаем ценить детали, мелкие, порой не сразу осознаваемые, как нити паутины они делают нашу жизнь светлее. Так и с графикой Александра Шибанова. Очень точно иллюстрируют проникновенные душевно созвучные стихи Дмитрия Мизгулина. Нам, читателям, пусть не понять сути творческого процесса, специфических терминов и профессиональных приёмов. Но разве не мы являемся целью совместной работы художника и поэта. Тема этого сборника так сложна, многогранна: у каждого своя душевная боль, свой путь, свой выбор, свой Бог. А вы, дорогие Художники лишь тонкий мостик в этот наш, свой мир.

ОТЗЫВЫ НА КНИГУ Д. МИЗГУЛИНА «В ЗЕРКАЛЕ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИРОДЫ»

Зевакина Е.П.,
библиотекарь Байкаловской сельской библиотеки.

В стихах Д. Мизгулина очень красивые описания природы, с упоением читаешь строки:

Весны долгожданный приход –
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.
… Плывут, не спеша, облака,
И в небо впадает река.

Такие поэтические строки мог написать человек с необыкновенной душой, который видит красоту во всём, что его окружает: в зелёной листве, в луче солнца, в первом ручейке, в стрекозе, присевшей на цветок.

Или вот ещё стихотворные строки:

Птицы возвращаются домой,
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, Боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Читаешь и представляешь этих птиц, голубоватые ветви деревьев и мечтаешь о скором лете.

Какие красивые строки!

…Июль, июль – макушка лета!
Ещё земля тепло хранит,
Но после этого рассвета
Уже короче станут дни.

Каждое время года в стихах Д. Мизгулина представлено по-особому, неповторимо, красочно, ярко. А вот это стихотворение о Родине заставляет читателя задуматься:

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине…

Или вот эти стихотворные строки:

Жизнь уходит понемногу.
День прошёл – и, Слава Богу,
Как вода в реке.

Я с удовольствием прочитала сборник стихов Д.Мизгулина «В зеркале изменчивой природы», очень понравились стихи о природе, о Родине, о любви, многие из них хочется заучить наизусть. Побольше бы нам таких поэтов!

Ирина Зульфукарова,
Байкалово

Я прочитала книгу «В зеркале изменчивой природы», автором которой является Дмитрий Мизгулин. Его стихотворения наполнены необычайной чувственностью, любовью к природе, осмыслением всех пройденных этапов жизни. Меня поразило, как точно может передать автор картину природы, её настроение.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

Каким бы не был человек, он осмыслит эти строки. Строки, которые находят отклик в душе читателя.

Понять и осмыслить картину природы, и сопоставить её со всем жизненным путём дано не каждому, но именно Дмитрий Мизгулин смог это отобразить в своём сборнике.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ УШАРОВСКОГО СЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА №28 ТОБОЛЬСКОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ НА СТИХИ ПОЭТА Д. МИЗГУЛИНА

Никитина Ю.И.

Впервые прочитала стихи Дмитрия Мизгулина. Первое впечатление – очень понравились. Во-первых, сам дизайн сборника «В зеркале изменчивой природы» – такого оформления еще не встречала, каждый стих оформлен фотографией, соответствующей теме стиха.

Теперь о стихах. Они написаны языком понятным простому обывателю, даже не искушённому в поэзии.

Понравилось описание природы, смена времён года очень так по-сибирски, по-нашему. Видно, что пишет человек, наблюдавший эти явления воочию.

Почитав стихи, сделала вывод, что поэт человек верующий. Мне это очень импонирует. Трогают пронзительные строки о наших грехах, тоске и желание «…чтоб благодать Святого духа снизошла на нас». Очень понравились стихотворения «Привычный путь до отчего порога…» и «Нашей памяти долгий свет…»

Приятно держать в руках сборник стихов Дмитрия Мизгулина. Желаю автору дальнейших творческих успехов.

Пуминова В.Н.

В сельской библиотеке посоветовали почитать стихи Дмитрия Мизгулина. Прочитав одно стихотворение, захотела познакомиться с творчеством поэта поближе. И оно мне понравилось. Стихи читаются легко, всё в них понятно. Некоторые из них заставляют задуматься о душе, о том, что нас ждёт дальше. Я рада, что открыла для себя новое имя, и познакомилась с чудесными стихами.

Пуминова О.Н.

Стихи Дмитрия Мизгулина всегда нравились своей теплотой, незаумностью, простотой. Кто-то из отцов церкви сказал: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрёно, там ни одного». Так вот в стихах Мизгулина простота высокая, одухотворённая. Выучила наизусть стих «В жизни всё идёт по плану»…кажется, он написан конкретно для меня и обо мне. Нравится дизайн сборника «В зеркале изменчивой природы». Только тёмные развороты с названием стиха, написанным вдоль страницы, не понравились. Общего хорошего впечатления от оформления сборника они не испортили, но весомую «ложку дёгтя» внесли.

Чтоб выжить в вихре перемен,
Ни в чём не надо изменяться…

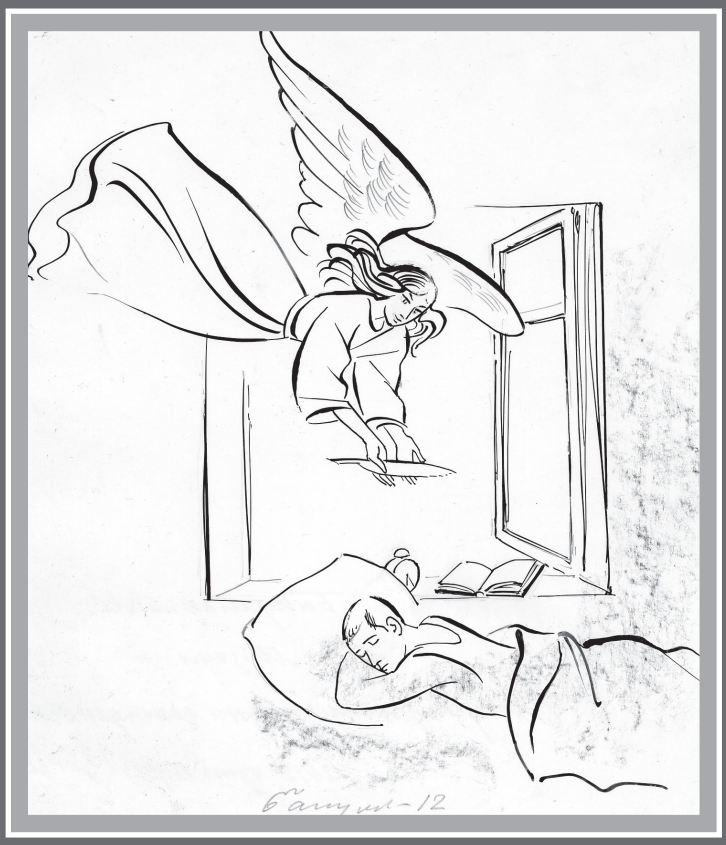
Эти строчки Мизгулина взяла как руководство к действию.

А.В. Стрункина,
директор обособленного подразделения
Торгово-Промышленной Палаты Тюменской области
в г. Тобольске и Тобольском районе

Хочу выразить слова благодарности, глубокоуважаемому Аркадию Григорьевичу, за подаренную возможность познакомиться с творчеством Дмитрия Мизгулина, художников Александра Шибанова и Ивана Лукьянова!

Признаюсь, в последнее время не часто держу в руках книгу со стихами. Но сейчас передо мной, небольшая по объёму, но поражающая глубиной содержания с оригинальным оформлением книга, которую хочется читать и перечитывать. Потрясающе то, что я хранила глубоко в душе, отражено автором в стихотворной форме. Стихи серьёзные, задумчивые, философские. Автор ёмко и эмоционально передаёт внутренние переживания. Очень просто, ничего лишнего. В книге невероятные иллюстрации, которые не оставляют читателя равнодушным.

Одним словом, книга станет достойным дополнением замечательной коллекции книжных шедевров Фонда!



СИНДРОМ ЛЮБИТЕЛЯ СЛОВЕСНОСТИ

Ольга САНТАЛОВА,
газета «Новости Югры»,
7 апреля 2015

Писатель – это ведь не профессия. А что? Возможно, диагноз. Как, впрочем, и у читателя. Разве может нормальный человек читать запойно? Слава богу, что такие ненормальные среди нас не перевелись. Как не перевелись те, чьи книги ждут, ищут их в библиотеках, книжных магазинах, в Интернете. В Год литературы мы жаждем именно её, литературы, которая бы оставила след в душе, заставила задуматься, как-то по-иному взглянуть на окружающих, на собственную жизнь.

С точки зрения банкира

В феврале в Государственной библиотеке Югры проходила торжественная церемония награждения лауреатов международной литературной премии «Югра» за 2014 год. Библиотека принимала у себя лауреатов премии в пятый раз. За время существования премии (с 2007 года) её лауреатами стали более 50 писателей, поэтов, критиков из России, Беларуси, Украины, Сербии, Болгарии, Македонии, Греции, Чехии.

За что дают премии писателям – понятно, за хорошие книги. С точки зрения жюри. Хотя к жюри некоторых литературных премий по поводу отдельных номинантов возникают вопросы. Как правило, риторические, поскольку кто платит, тот и «танцует девушек». Правда, к членам жюри литературной премии «Югра» вопросов пока не возникало. Станислав Куняев, Михаил Рябий, Валентин Распутин, Валерий Белобородов, Новомир Патрикеев, Маргарита Анисимкова, Мирослав Бакулин, Юрий Вэлла – творчество этих и других лауреатов уже не требует признания, оно – для прочтения и изучения. Кстати, президент литературного фонда «Дорога жизни», а по совместительству ещё и президент соучредителя премии «Югра» – Ханты-Мансийского банка Дмитрий Мизгулин считает, что «благополучие и престиж государства во многом зависит от того, какие книги мы читаем». Что ж, с банкиром, ведающим бюджетно-финансовым блоком повестки окружной Думы, в этом вопросе не поспоришь.

Три вечные подруги

Перед началом церемонии мы кулуарно обсуждали три вечные жизненные темы, без которых не может быть литературного сюжета – любовь, ревность и верность. Я поинтересовалась у своего соседа Геннадия Райшева, пока он ставил автограф на иллюстрированном им поэтическом сборнике Дмитрия Мизгулина, что, на его взгляд, важнее в этом тройственном союзе. Геннадий Степанович тихо произнес: «С возрастом ревность теряет актуальность». Разумеется, если с возрастом обретается мудрость... В это время художник отошёл от нас, а другая моя соседка заметила, что Райшев с годами не меняется – если бы не седина, в свои восемьдесят он выглядит студентом. По её наблюдению, так выглядят люди, в ком нет агрессии. А ревность ведь тоже ею питается.

Тем временем началась церемония награждения лауреатов. Владимир Андреев (Нижневартовск) получил премию «Югра» за составление уникального словаря малочисленного финно-угорского народа – каратаев, которые считают себя ветвью мордов-

ского древа, но говорят на тюркском языке. Как сказал Андреев, продолжение следует, работа над словарем продолжается.

Виктор Буланичев, главный редактор альманаха «Бийский вестник» (Бийск), поощрён за литературно-художественное просветительство. Будучи членом высшего творческого совета Союза писателей России, он от имени этого авторитетного писательского сообщества вручил медаль Василия Шукшина югорчанам – Марии Вагатовой, Князу Гочагу, Дмитрию Мизгулину и Сергею Козлову.

Как было сказано, за вклад в литературу, сохранение русского языка. Кстати, Шукшин получил признание ещё при жизни, в советское время, хотя его творчество не очень вписывалось в мажорную партийно-комсомольскую действительность тех лет. Интересно, каково бы пришлось Василию Макаровичу пробиваться к читателю в наши дни? Проблемы с изданием своих произведений становятся порой непреодолимой преградой для многих современных авторов, особенно молодых. И хотелось бы надеяться, что в Год литературы и творческое сообщество писателей, и власти, и наши состоятельные сограждане постараются найти механизм, позволяющий хорошей литературе дойти до читателя.

До канадцев ближе

Кибернетика, специалиста по внешней торговли Игоря Шумейко (Москва) жюри отметило за книги последних лет – «Ближний Дальний Восток. Предчувствие судьбы», «10 мифов об Украине», «Вторая мировая. Перезагрузка», «Апокалипсис в мировой истории. Календарь майя и судьба России». Названия книг интригуют. Автор предлагает субъективное прочтение отдельных исторических эпох и фактов, на что он имеет право, будучи также и преподавателем истории в вузе.

Игорь Изборцев из Пскова удостоен премии «Югра» за книгу «Всего лишь пепел». Как отметила ведущая церемонии Мария Мадьярова, это книга о чуде, ей присущ стиль мистического ре-

ализма. Автор уточнил, что с православной точки зрения, чудо, мистика реальны, поэтому стиль своих произведений он называет православным реализмом. Все его книги – о любви, которая, как сказано, «долго терпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине, всё покрывает, всему верит, всё переносит». Разве уживётся рядом с этим ревность? Она, по слову Райшева, перестанет быть актуальной. Рядом с любовью есть место только верности. Писатель признался, что всю жизнь пытается понять и найти такую любовь. Кстати, эту его книгу напечатали сначала в Канаде, а потом в Краматорске на Украине, и только после этого она пришла к российскому читателю. Для журналиста, писателя, чиновника, бывшего главой Радужного, Владимира Андреева труд над уникальным словарем малочисленного финно-угорского народа – каратаев – оказался самым интересным в его жизни делом. Вот как бывает!

Уроки литературы

По поводу книги «Моя Югра» ещё одного лауреата Николая Шамсутдинова даже у ведущей вопросов не возникло. С бывшим нефтеюганцем и сургутянином многие присутствовавшие знакомы не только по его книгам, по которым постигало искусство соединения слов в ямб и хорей целое поколение югорских и тюменских мастеров изящной словесности.

Ярослав Голоубек (Чехия), представляя свою книгу «Весёлое кладбище», заметил, что «литература – это сила, которая помогает всё делать хорошо». Его соотечественник Карел Сыс – поэт, прозаик, переводчик, автор эссе, сатирических книг, книг для детей, председатель Союза чешских писателей. В настоящее время – редактор литературного приложения газеты чешских писателей «Гало новины».

Владимира Скифа (Иркутск) однажды по ошибке представили публике вместо писателя – спасателем. С той поры он так и

представляется – членом Союза спасателей России. От чего же спасают писатели? В числе прочих бед – от беспамятства. В Югре В. Скифа отметили за поэтическое переложение «Слова о полку Игореве». «Слово» в своё время переводили Василий Жуковский, Аполлон Майков, Константин Бальмонт, Николай Заболоцкий, Евгений Евтушенко, Игорь Шкляревский, знаменитый учёный-филолог Дмитрий Лихачёв и другие. Поэтическое переложение Владимира Скифа уникально по близости к оригиналу, по стилистике, передающей душевное напряжение и авторскую боль за землю Русскую, что понятно во все времена, которые никогда у нас не были лёгкими.

Вячеслав Ар-Серги (Удмуртия) получил в Югре международную литературную премию за пропаганду и переводы финно-угорской литературы. Он имеет звание народного писателя Удмуртии, его произведения включены в школьные учебники регионального образовательного компонента. О чём и как нужно писать, чтобы тебя признали на родине народным писателем, а для школьников были поучительны твои строки, твоя биография? Признав В. Ар-Серги лауреатом, жюри премии «Югра» адресовало этот вопрос и нашим югорским писателям, особенно начинающим. Ведь имена лауреатов, их творчество – это не только подсказка читателю, что ему было бы небезынтересно почитать, о чём поразмышлять, но и некий ориентир для коллег по творческому союзу.

О чём нельзя молчать

По окончании торжественной церемонии читающей публике были представлены новые книги Дмитрия Мизгулина на русском и финно-угорских языках. Предварял разговор о книгах фильм «Жить легко» – диалог с Дмитрием Мизгулиным о жизни.

Жить легко? Судя по его творчеству, у него так жить не очень получается. Иначе зачем было бы задавать себе и заморачивать голову читателям вопросами, на которые автор, несмотря на его приличный житейский и политический опыт, не знает ответов. Он только знает, что уныние – это жизненный тупик, и потому ищет

ему всяческую альтернативу. С точки зрения творческого человека, что может быть зануднее банковского дела? Или депутатских слушаний по бюджету? Депутатская деятельность для него – своего рода хобби, на котором он оттачивает своё полемическое мастерство. И чем он более угоден Богу и ближним – вопрос пока открытый.

Переводивший его стихи на эстонский язык Арво Валтон, размышляя о югорской словесности, заметил, что «в Ханты-Мансийске живут хорошие поэты, пусть они даже и банкиры». И далее обратил внимание: «Есть темы, как, например, братоубийственная война, о которой никто из писателей молчать не должен». Этим утверждением Арво поставил точку в нашем разговоре о главных темах в литературе. Ведь война начинается тогда, когда исчезает любовь, и уже никто не может или не хочет терпеть, милосердствовать, но завидуем, но превозносимся, но гордимся, но бесчинствуем, но ищем своего, но раздражаемся, но мыслим зло, но радуемся неправде и не радуемся истине, ни во что и никому не верим. И об этом, по слову А. Валтона, писатель молчать не должен.

Читайте и будьте счастливы!

Эти слова были в тексте приглашения, адресованного сотрудниками окружной библиотеки гостям церемонии официального открытия Года литературы в Югре, которая состоялась 3 марта, во Всемирный день писателя. Уж библиотекари-то совершенно точно знают, что без Слова нет счастья в жизни.

Торжество в «Югра-Классик» началось с хореографического действа. Танцовщицы в белых одеяниях символизировали одновременно и муз – покровительниц изящных искусств, и муз, которые во все времена вдохновляют художников слова и кисти. Мы, женщины, конечно, пытаемся доказать себе и всему миру, что вправе претендовать на интеллектуальное равноправие с мужчинами, однако они в нас ценят совсем другое. Ну, представьте, если бы Пушкин искал в своих современницах интеллектуалок! Сколь-

ких бы его шедевров мы недосчитались! Может, Бог и дарует некоторым из нас красоту, чтобы гений оставил своё восхищение: «Я помню чудное мгновенье...»

Пушкинские времена принято называть золотым веком русской литературы. Потом, как известно, был серебряный. А открывавший в столице Югры литературные торжества заместитель губернатора Алексей Путин пожелал читателям и писателям, чтобы Год литературы стал началом бриллиантовой эпохи русской словесности. По его мнению, для этого надо заниматься воспитанием талантов, а также вернуть ту любовь к чтению, которая была нам присуща до нашествия телевидения и Интернета.

Одним из инструментов воспитания и поощрения местных талантов является премия губернатора Югры в области литературы, которая присуждается с 1998 года. На премию за 2014 год было представлено 14 работ. Лауреатами стали Владимир Волковец за книгу стихов «Река моя, память-транзит», Дмитрий Сергеев за поэтический сборник «Хвойный край с просветами берёз» и Владимир Енов за книгу «Сказы рода Правдивых людей: мифологические сказки по мотивам хантыйского народного фольклора».

Заместитель председателя окружной Думы писатель Еремей Айпин напомнил, что в связи с приближающимся юбилеем Победы следовало бы в этом году обратиться к творчеству местных писателей-фронтовиков – Григория Лазарева, Пантелея Чейметова (Евлина), Алексея Смольникова, художника Константина Панкова.

В завершение праздничного вечера Сургутский музыкально-драматический театр предложил ханты-мансийцам спектакль-эссе «Значит, нужные книги ты в детстве читал» по мотивам русской и зарубежной классики. Среди зрителей были учителя литературы, которым в наши дни приходится очень стараться, чтобы Гоголь и Ремарк, Ахматова и Чехов успешно конкурировали с «Одноклассниками» и прочими сетями.

Конечно, Год литературы – это время, чтобы и нам, читателям, поразмышлять над своими литературными и иными приоритетами. Может, вовсе не стоит читать и смотреть то, чему мы посвя-

щаем многие часы своего досуга? Жаль тратить его на сериалы и произведения типа «Пятьдесят оттенков серого» или опусы Улицкой, Донцовой.

Что хочется пожелать в Год литературы тем, кто её делает? Конечно, премии, признание читателей не помешают. Но ни одна премия не способна качественно изменить меру таланта. Классик же сказал, что муза должна быть равнодушной к славе, не принимать близко к сердцу критику, которая чаще всего оказывается ангажированной, но внимать единому на потребу. И тогда Слово будет тем глаголом, который способен проникать в душу, чтобы по необходимости прижигать язвы и врачевать раны. Ведь только такая литература достойна оставаться на скрижалях не только истории, но и читательских сердец.

О ПОЭТЕ-БАНКИРЕ ДМИТРИИ МИЗГУЛИНЕ

Александр ВЫЧУГЖАНИН,
TumenToday.ru
информационно-деловой портал,
8 декабря 2011

Финансы и поэзия – насколько совместимо такое сочетание в одном человеке, возможно ли быть успешным в том и другом?! Ответ на этот вопрос требует глубокого исследования. Пока же удобнее обратиться к фактам.

В российской истории имеются примеры, когда финансист высокого уровня, и при этом вполне успешный, получал признание как поэт. Достаточно вспомнить поэтов Григория Державина – государственного казначея, князя Петра Вяземского – директора Государственного заёмного банка, Владимира Бенедиктова – члена правления Государственного банка.

Граф Арсений Голенищев-Кутузов, на стихи которого и в наше время продолжают писать романсы, руководил фактически самым крупным банком в мире: он был управляющим Государственным Дворянским земельным банком, Государственным Крестьянским поземельным банком, занимался ликвидацией дел Общества взаимного поземельного кредита и финансовым оздоровлением Нижегородского дворянского Александровского банка и при этом успел ещё в двух первых банках провести реформу.

Иван Аксаков – известный поэт, один из основоположников славянофильства, на практике зарекомендовал себя как успеш-

ный банковский управленец. Он не только выступил одним из учредителей и организаторов Московского купеческого общества взаимного кредита, но и с 1876 года до своей кончины в 1885 году руководил этим кредитным учреждением, и хотя финансовые кризисы случались и в его бытность, при нём ОВК всегда зарабатывало прибыль.

Илья Чавчавадзе, которого грузины называют отцом нации, в настоящее время канонизированный как святой, не только был известным поэтом и публицистом, но и более двух десятков лет успешно руководил, созданным по его инициативе, Тифлисским Дворянским земельным банком. И ещё можно назвать ряд фамилий, как в нашем Отечестве, так и за его пределами, когда такие счастливые случаи имели место. К примеру, два лауреата Нобелевской премии по литературе – Уинстон Черчилль и испанец Хосе Эчегерай-и-Эйсагирре – возглавляли финансовое ведомство в своих странах.

Конечно, всё это исключения из правил, но тем они только дороже. Есть в этом нечто непостижимое, но одно очевидно – всё зависит от масштаба личности!

Дмитрий Мизгулин – известный банкир, который возглавляет ведущий кредитно-финансовый институт Югры, политик, депутат, общественный деятель, неравнодушный к судьбам людей человек, почётный консул Чешской Республики, руководитель нескольких спортивных федераций и ещё ряда общественных организаций... Но как поэта современники его знают меньше.

Мне повезло встречаться с Дмитрием Александровичем при разных обстоятельствах, и достаточно оказаться с ним хотя бы раз в одной компании, послушать, как он играет на фортепиано, поёт, перекинуться с ним несколькими фразами – и гарантированно попадёшь под обаяние его личности.

Что касается стихов Мизгулина... Их высоко оценили известные всей стране литературоведы Лев Аннинский и Валентин Курбатов. Моё восприятие таково: на каждой странице я всегда нахожу что-то для души!

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС АВТОРА И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЕГО ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

Ольга ПРОКОФЬЕВА,
на материале творчества Д. Мизгулина (Ханты-Мансийск) и В. Чучелина (Нягань) сборник «Литература Урала: история и современность», вып.№6, 2011, Екатеринбург

Биография Дмитрия Мизгулина позволяет назвать его человеком успешным: он – «депутат окружной думы, председатель комиссии по бюджету, финансам и экономической политике. Входит в советы крупнейших банковских ассоциаций, член экспертных советов при Государственной думе и Совете Федерации, полпреде президента РФ в УрФО. Неоднократный победитель конкурса «Банкир года», признан «Лучшим российским менеджером XXI века». Будучи кандидатом экономических наук, он заведует кафедрой «Банковское дело» в Югорском государственном университете.

Кроме того, Д. Мизгулин является лауреатом ряда литературных премий (им. Д.Н. Мамина-Сибиряка 2004, Всероссийской премии «Традиция» 2007, премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы 2007 и др.)

Персональная страница «В творческом мире Дмитрия Мизгулина» насыщена тщательно систематизированной информацией, значительную часть которой составили статьи о художественных произведениях хозяина этого электронного сборника материалов, интервью с ним. О масштабе личности и соответствующем внимании к ней говорит и монография А.Н. Семёнова «Всё вместила моя душа...», посвящённая лирике Д.А. Мизгулина. Количество и объём публикаций об этом человеке уже позволяют выделить доминанты его творчества и вызываемых читательских реакций: он воспринимается как поэт-государственник славянофильской направленности, с демократичным стилем письма.

Все работы о художественном творчестве этого автора характеризуются большим количеством развёрнутых цитат из его стихов; нередко приводятся и стихотворения целиком. Представляется возможным утверждать, что это результат такой образности, при которой описание и рассуждение (либо повествование и рассуждение) реализуются как две фазы одной поэтической мысли, одной метафоры. Развёрнутой метафорой становится большая часть стихотворения, или всё оно целиком.

Учитывая то, что данное качество проявляется уже в ранних стихах (в начале 80-х годов) и становится постоянным, можно видеть в этом особенность поэтического мышления автора. Рефлексия его лирического героя – это всегда процесс, в котором едины спонтанность, чувственная конкретность и запечатление причинно-следственной связи.

Ты расстроился – зима
Неожиданно и скоро.
Снежных хлопьев кутерьма
В красных фарах светофора.

Но, однако, посмотри –
Тополя не пожелтели,
Ярко светят фонари,
Хоть совсем обледенели.

Мало ли что выпал снег,
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег,
Посмотри в лицо надежде.

Когда городской пейзаж, включающий в себя неожиданно ранний неспокойный снегопад и красный сигнал светофора, заканчивается призывом не терять надежды, картина превращается в метафору преодоления драмы. Цвет ещё непожелтевших тополей (значит – зелёный) воспринимается как опровержение зимы и непропускающего светофора.

В стихотворении «Мы хороших не ждём новостей...», написанном 18 лет спустя, выражение «синеет сомнений печать на ещё не окрепшей надежде» принимает удостоверяющую силу документа через эпитет «синеет» (то есть, она поставлена штемпелем на бумаге), который опредмечивает и тем возводит в новую степень метафоричность словосочетания «печать сомнений».

Мы хороших не ждём новостей,
Катастроф стало больше, пожаров.
Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.
Пить, пожалуй, – побольше, чем прежде.

И синеет сомнений печать
На ещё неокрепшей надежде.

Демократизм мизгулинского образа – в наличии узнаваемых чувственно конкретных подробностей, ассоциативность кото-

рых многослойна. Они делают образ достоверным при любой степени погружения читателя в ассоциативные связи. Метафоричность постоянна и глубока, но в большой степени подспудна, и потому может вызывать впечатление простоты слога.

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаём и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну кто, скажи, подумает о нас
И от кого мы нынче ждём ответа?

Лежат снега. И в царствие тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

Зимний пейзаж «в царствие тайги» – характерная подробность того края, где нефть и газ, где сейчас живёт поэт. Картина написана по правилам реализма (жизнеподобна). В то же время, зима с её атрибутами – снегом и льдом, а также река – это образы-знаки в мировой художественной культуре, реализующие представление о трудностях и суровости, которые сопровождают течение наших дней. В контексте всего художественного мира Д. Мизгулина образ *«...движение реки, / что подо льдом течёт, изнемогая»*, сложившийся у поэта в сравнительно поздний период творчества, часть симфонического изображения родной страны, переживающей драматическую часть своего исторического пути.

Лирический герой Мизгулина – созерцатель, достигающий равновесия путём большой внутренней работы. Его внешняя деятельность изображается обобщёнными характеристиками или

в тех её моментах, которые объединяют лирического героя с множеством других соотечественников (трудиться, думать, рубить дрова для бани или сажать картошку, ехать в поезде и т. д.). При этом деятельность, в которой себя являет лирический герой, чаще всего созидательна. Критикой уже отмечен союз «Я» и «Мы» в лирике Д. Мизгулина. «…Затуманились сильно смятённые наши умы», – пишет он и наделяет своего лирического героя упорством поиска аргументов для жизнеутверждения.

«…Без Бога и веры громоздили чертог», – размышляет лирический герой Мизгулина и перечисляет потери (так же обобщённо): *«…Орды стального прогресса / Армадою танковой прут. / Без страха, без злости, без воли / Сдаём города не спеша…»* Верность надежде трансформируется в художественном мире Д. Мизгулина, но не исчезает: *«Уходит в глухое подполье, / Со злом не смирившись, душа. / Услышана будет молитва, / Господь не отмеривал срок, / Ещё не окончена битва / И не предсказуем итог».*

Между биографией Д. Мизгулина – благополучного делового человека, преуспевающего на поприще экономики, и биографией его лирического героя, уязвлённого несовершенствами социальной реальности, нет прямых соответствий. Не единожды, отвечая на вопросы о возможности совмещать деловой успех (значит – практичность) с поэтическим восприятием мира, которое всегда в большой степени альтруистично и созерцательно, Мизгулин апеллировал к немалому количеству судеб. Так, в интервью с А. Казинцевым он напоминает: «Денис Давыдов был генералом, Фёдор Тютчев – дипломатом, Пётр Вяземский вообще товарищем, то есть заместителем министра, народного просвещения. Финансисты? Были и финансисты – Владимир Григорьевич Бенедиктов служил в Министерстве финансов…»; «Лев Толстой не нищенствовал. Был помещиком довольно крупным. Как и Афанасий Фет. Между прочим, деньги очень хорошо считали. Почитайте записки Фета: сколько посеял, сколько продал.

А славянофилы – Хомяков, Самарин? Практические люди были, разбирались в хозяйстве, использовали в своих поместьях

последние достижения техники, сами занимались усовершенствованиями»; «Если писатель в творчестве выражает общие заботы и тревоги, это не значит, что он должен не пить, не есть, не иметь гроша в кармане».

В стихах Д. Мизгулина много знаковых деталей, отсылающих к многослойности культуры. На этом пути он, восходя к христианству, находит основания для сохранения внутреннего равновесия. Лирический герой, испытывая драматический прессинг социальными обстоятельствами, находит выход в доверии к божьему промыслу и в том, чтобы внести в процессы бытия вклад, который личности посилен. Это (вместе с пониманием конкретных причинно-следственных связей) и делает достижимым её внутреннее равновесие.

У Владимира Чучелина это равновесие отсутствует. Характерный для него образ – «вспышка», яркая суггестивность воплощает состояние человека, который «заблудился в лабиринтах бытия», балансирует между отчаянием тонущего и счастьем восходящего. Самоирония, самозащита и самоутверждение переплетаются, и это образует один из лейтмотивов лирики В. Чучелина. В 2009 году он выпустил книгу стихов. В краткой биографической справке, открывающей этот сборник, написано: «В 1975 г. окончил среднюю школу, а в 1978 г. Тюменский лесотехнический техникум и сразу пошёл работать в леспромхоз. Работал рабочим на пилораме, станочником в шпалоцехе. В 2004 г. ушёл на пенсию по состоянию здоровья. Публиковался в альманахе «Няганские родники», в местных и областных СМИ...» Издание книги состоялось при участии общественной организации «С верой, надеждой, любовью» в ходе реализации проекта «Маленькие родники большой России».

Нягань – молодой город, и ещё живо в нём то поколение, которое пришло в эти места, чтобы совершить самую физически тяжёлую работу – расчистить место в тайге. Лесозаготовка и нефтеразработки были положены в основу экономики разрастающегося населённого пункта. Помимо романтиков либо прагматиков, приехавших сюда для испытания себя и на заработки, в

составе населяющих посёлок, превращающийся в город, были и представители местных народов. Возникшее строительство явилось для них ещё одним промыслом, добавившимся к традиционным занятиям, шагом к цивилизации. Отец В. Чучелина – ханты по национальности, со средним педагогическим образованием, мама – русская, сибирячка с 17-ти лет, рабочая. Профессиональный путь их сына – часть биографии семьи, принадлежащей большому слою тружеников северо-западного Зауралья, сохранявших стабильность своего образа жизни в надежде на улучшение общей судьбы.

У В. Чучелина не много строк, отражающих социальную конкретику, в том числе – профессиональные действия. Одно из стихотворений называется «Пилорама» и подчёркивает постоянство некоторых качеств: *«Пилим, пилим, нет просвета, / Денег тоже ни гроша, / А в глазах темно от света, / И сигает вон душа»; «Зубы пил грызут и крошат / древесину, пыль столбом. / Здесь и сдохну я, быть может, / Ткнувшись в рельсы мокрым лбом»*. Тема нереализованного потенциала объединяет многие стихи. Они могут быть о старом селении, где ещё есть дома и столбы, но жизнь ушла. Порванные провода автор сравнивает с лопнувшими струнами гитары; и это рождает ассоциацию с недавними звуками человеческого присутствия. На то же настраивает метафора, сообщающая, что если раньше «внутри столба гудело сердце», то теперь он стоит, «слепой баюкая фонарь». Неологизм в словосочетании «окрапивленная глушь» становится отрицанием человеческих действий (которые могут быть связанны с понятием «окропить»). В один ряд с образами покинутых реалий поставлена судьба бывшего хозяина этих мест: *«Вот и меня так позабудут, / Как будто вовсе и не жил»*.

Жизнь лирического героя предстаёт в ряде стихотворений короткой дистанцией, с которой приходится сойти раньше времени (*«Инфаркт меня, как киллер, подстерёг / И опрокинул обухом на спину»; «Съедает время наш кредит, / Который нам неведом»; «Мой кукловод устал от представлений, / И я лежу, как тряпка в сундучке»*). Это рождает, с одной стороны, раскаяние

в выбранной тактике распоряжаться своими днями и силами: *«Эх, не так я жил...»*, *«А теперь, когда за сорок, / Видит глаз, да нечем грызть, / И катится под пригорок / Мне отмеренная жизнь»*; *«О Господи! Я был не прав... / И я очнулся ото сна, / И мне сокрытое открылось, / Но жизнь, как капелька вина, / Уже с усов моих скатилась»*.

С другой стороны, возникает догадка о несовершенстве внешних, не зависящих от личности обстоятельств: *«Жизнь треснула моя посередине, / Я, как зайчонок, съёжился на льдине. / Несёт обломки льдин реки теченье...»* Они обозначаются метафорически («кукловод», «реки теченье») или масштабными бытийными категориями: *«...человек в своих грехах не виноват, / Завистлив он и алчен от природы, / Не тычут в храп верблюду, что горбат. / Всевышний сам когда-то принял роды»*.

Вопрос «Кто виноват?» остаётся у Чучелина открытым, ибо суждения его лирического героя противоречивы: поочерёдно, то ошибка Создателя, то заблуждения человека названы в качестве причины неустроенности жизни.

Мы в ад все пойдём,
И Рай оттого обезлюдеет,
Дичком зарастёт,
Затянет поля сорняком.

И всё, что ты создал,
Тщеславье людское погубит,
Недолго ходил по земле,
Знать, Господь, босиком.

В результате, например, – такое пессимистическое представление: *«За миг сгораем, как угли? / И остаются пепла кучки / На удобрение земли, / Где снова вырастут колючки»*. Но есть место в стихах Чучелина и очарованию (*«Вспыхнуло окошко, как цветок, / Распустилось лепестками шторок...»*), и чувственной полноте впечатлений («...Жизни сок течёт, как пот из пор»). Са-

моопределение его лирического героя полно контрастов; внутренний мир наполнен то гулом, то трепетом: *«Опустошённая душа рождает звук, / Как медный колокол в проёме ног и рук»*, *«Треплюсь, как простынка на жалящих ветрах»*. Этот автор создаёт и стихи о людях, намеренно выбирающих путь риска и преодоления – каскадёрах, альпинистах.

Просторечность в соединении с плотной метафоричностью, исповедальность как знак доверия, и в то же время – склонность к эпатажу (*«Пусть недобрит я и чуть пьян,.. / Не лезьте в жизнь мою»*) рождают то напряжение поэтического мира В. Чучелина, которое делает его книгу запоминающейся в качестве явления народной жизни. Аналитичность в ней уступает яркости чувственного опыта. Стилистические шероховатости, окупаются непосредственностью, правдивостью и самоиронией.

Самоидентификация лирического героя В. Чучелина включает в себя и отношение к творчеству. *«Да, поэт, – говорит он о себе, – Это чувствуешь, как опухоль под мышкой. / Иногда так защемит, / Что душа моя дымит / И куда-то отлетает / С яркой вспышкой. / Нет, я славы не ищу, / Я стихами гать мощу, / Жизнь моя, она похожа / На болото»*. Творчество, в его представлении, нелёгкий, но желанный путь познания и форма переживания. Будучи не только создателем текстов, но и бардом, он говорит о том, что, на его взгляд, «умеют струны трепетной гитары»: *«Поманят слёзы, изломают брови / И тоньше всё научат понимать»*. Его лирический герой далёк от любования результатами своих усилий: *«В мозгу кружат идеи, как орлы / И зорко стерегут свою добычу. / Но раскатились буквы, как шары, / И по листу я слепо ручкой тычу»*. Тем не менее, творчество он переживает как высшую форму жизни, причастность к которой влияет на статус личности. От лица своих горожан он пишет, что Нягань – любимый ими город. От своего поколения он заверяет в ответственности за свободу страны: обращаясь к ветеранам Великой Отечественной, говорит: *«Нашу силу считайте / По сердцам тех, кто Родину любит... / Мы ведь тоже не дрогнем / Если вдруг да придёт наш черёд»*. Его личная судьба

открывается в координатах космоса, вечности, собеседования со множеством людей (*«Горит в ночи звезда, как божье око, / И катится без шороха луна. / Мне так сегодня, люди, одиноко / Здесь, на краю бездонного окна»*). Лирический герой В. Чучелина утверждает союз свободы и чуткости как животворящие формы связи с миром (*«Душа моя – пристанище надежд, / Ты стала вновь раскованной и чуткой»*).

Самоидентификацией поэтического «Я» Д. Мизгулин и В. Чучелин соизмеримы, несмотря на разницу их биографий. Возводя себя в статус поэта, личность предстаёт носителем особой степени свободы и ответственности; это обостряет философичность и гражданские чувства независимо от принадлежности к той или иной социальной группе. Северные регионы Урала – экстремальная среда. Пребывание в согласии с ней возвышает личность, и это по-особому поддерживает право на самовыражение. Опираясь на рассмотренный материал, можно предположить, что природная среда обитания и художественная культура объединяют людей в проявлении патриотизма и гражданской чуткости.

ПОЭЗИЯ СОЛОНОК

Сергей ПРОКОПЬЕВ,
Омск

Когда-то при чтении чеховского «Острова Сахалин» меня оторопь взяла от одного абзаца. Смею напомнить: во время путешествия Чехова на Сахалин, там жили в основном каторжники и переселенцы. Делая по собственной воле перепись населения острова, Антон Павлович побывал практически в каждом посёлке, в каждом доме. Вот как он описывает характерное жильё островитянина: «В избе одна комната, с русскою печкой. Полы деревянные. Стол, два-три табурета, скамья, кровать с постелью или же постлано прямо на полу. Или так, что нет никакой мебели, и только среди комнаты лежит на полу перина, и видно, что на ней только что спали; на окне чашка с объедками. По обстановке это не изба, не комната, а скорее камера для одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но всё же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостаёт прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампады и без украшений, – нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живёт не у себя дома, а на квартире, или будто она только что приехала и ещё не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка... а главное, нет родины».

Солонка, Россия, Москва, 1822, серебро,
штамп, чеканка,
мастер М. Лавров.

Вы ничего не узнаёте? Вы не бывали в подобных домах в двадцатом веке? Думаю, приходилось. И не два раза. Сколько их было и есть – «наш адрес не дом и не улица, наш адрес Советский Союз…» К чему я это? Как много составляющих у понятия «родина». Чехов назвал добрую часть. Традиции поколений, связь с прошлым, обычаи, то, что греет душу (сверчок с кошкой), что необходимо духу – красный угол с иконами. Каждая играет свою неповторимую роль. Вот образа, под ними молилась за твоих родителей, за тебя твоя бабушка, а, возможно, и прабабушка. Вот табуретка, сделанная твоим отцом, вот солонка, доставшаяся тебе от мамы по наследству, вот картина, тобой приобретённая, вот детский рисунок под стеклом…

В доме, если в нём живёт не временщик, должен быть стол. Прочный, удобный, вместительный. Что поставим в его центр? Да там уже стоит – солонка. Совсем немного занимает полезной площади столешницы, но по праву ей самое почётное место. А как же без неё. Кто-то оспорит мои слова, скажет: главное на столе хлеб. Не буду возражать. Даже соглашусь. Но почему-то мы, встречая дорогого гостя, оказывая ему особое внимание, демонстрируя своё радушие и сердечность, преподносим не только каравай хлеба, но и соль. Нет, солонка – это солнышко за столом… Чехов, описывая дом временщика, не упоминает о солонке. Не трудно догадаться – ей служила какая-нибудь подвернувшаяся под руку посудина, негодная на другое использование, лишь бы соль не просыпалась. К примеру, треснувшая глиняная чашка… Совсем другое в Доме, именно с большой буквы, где есть традиции, есть сердечность, есть хозяйка, есть родина. Где каждый предмет несёт своё тепло. Здесь и солонка не абы какая. Обязательно или точёная деревянная, под палех расписанная, или облитая глазурью глиняная, или хрустальная с тонким металлическим ободком, или замысловатая из цветного стекла, или с тонким узором серебряная…

Когда я узнал, что поэт Дмитрий Мизгулин коллекционирует солонки, первая реакция была: зачем ему это? Отличный поэт. На подъёме. Активно работает, издаёт книги, а значит, жизнь души напряжена… Что за блажь собирать солонки? Пусть даже серебряные. И тут

же вспомнил себя в детстве. И позавидовал: какое это счастье сохранить мальчишеский азарт коллекционера. Как я радовался когда-то каждому своему приобретению. Однажды выменял значок с Московского всемирного фестиваля молодёжи. Не передать, как я, житель маленького далёкого от Москвы сибирского городка под названием Ачинск, гордился этим приобретением. Давно бесследно утратил коллекцию, а этот значок в форме цветка с разноцветными лепестками по сей день перед глазами. Думаю, Мизгулину присущ мальчишеский азарт коллекционера и, безусловно, есть в нём то, чем отличались русские коллекционеры Третьяковы, Щукины, Морозов – стремление сконцентрировать в одном собрании лучшее, сберечь его для потомков. Дать возможность дилетанту от искусства (а таковых нас, зрителей, большинство) полюбоваться красотой, искусство-веду – проанализировать творчество великих мастеров, студенту-художнику – поучиться у них или поспорить с ними, поэту – вдруг воспламенится искрой вдохновения. Мы с гордостью говорим, что Третьяковская галерея – достояние народа, один из мировых музеев-шедевров, и помним, в основе галереи коллекция братьев Третьяковых. Когда-то школьником-старшеклассником, будучи в Москве, открыл для себя импрессионистов, постимпрессионистов в Государственном музее изобразительного искусств им. А.С. Пушкина. Они поразили праздником красок, света, радости, солнечным восприятием мира. И потом многие годы, попадая в Москву, обязательно шёл на Волхонку, чтобы снова и снова постоять у полотен Клода Моне, Эдуарда Мане, Ренуара, Матисса, Поль Гогена, Тулуз Лотрека, Ван Гога… И эта удивительная коллекция плод «мальчишеской страсти» – собрана братьями Щукиными, точнее Сергеем Ивановичем Щукиным. Пётр Иванович Щукин тоже много что «наколлекционировал» и передал государству, но Сергею Ивановичу мы обязаны уникальной коллекций импрессионистов и постимпрессионистов. Её в советское время «раздербанили», и добрую часть широким жестом (отбирать и делить хорошо научились) отдали в Эрмитаж, а теперь последний слышать не хочет о восстановлении справедливости и восстановлении собрания Щукина в первозданном виде. Тогда как Сергей Иванович ничего Питеру не дарил.

Насколько знаю, коллекция Мизгулина уникальна сама по себе. Такого «форума» серебряных солонок нет ни в России, ни за её пределами. Сервировка русского стола всегда тяготела к наличию такого предмета как солонка, поэтому к ней в России издавна трепетное отношение, тогда как запад пиетета к солонкам не испытывает, посему интереса к их коллекционированию музеи, частные коллекционеры не проявляют.

Листаю альбом-каталог «Солонки» (Коллекция Дмитрия Мизгулина) и удивляюсь. Удивляюсь коллекционеру, удивляюсь предмету коллекции. Как же это интересно! Уверен, у Дмитрия Мизгулина с каждой солонкой связана своя история. Я же, перелистывая каталог, не могу не пофантазировать. Вот солонка в форме чугунка. Этакий маленький (всего в три с небольшим сантиметра высотой) серебряный чугунок, внутри золочённый. Никаких украшений на корпусе, никакого орнамента. Скромно на первый взгляд, но как изящно. Какая хозяйка выберет его? Вполне возможно, та, для которой само понятие «чугунок» теплом отзывается в душе. Другая солонка – в виде короба. Кто ей отдаст предпочтение? Предлагаю себе такую версию: лет этак 130 назад зашла в магазин, торгующий серебряными изделиями, молодая хозяйка. И вдруг что-то ёкнуло в сердце… В её родительском доме стояла на столе берестяная солонка, а тут взгляд остановился на серебряной, стилизованной по форме под берестяную… А вот эту «выбираю» на свой стол. И не потому, что в виде русского трона и сплошь золочёная, и не потому, что петух на крышке изображён искусным мастером в фигурном картуше из растительных мотивов, «беру» из соображений пресловутой функциональности – имеется крышка. Открыл, посолил щи или, скажем, окрошку, или украинский борщ, который так искусно готовит моя замечательная жена (и, скажу по секрету, вечно не досаливает), снова закрыл. Гигиенично (никакая пыль не примешается к соли) и практично. Идём дальше по «вернисажу»: вот эту солонку, не без вычурности в форме крупного полураспустившегося цветка с вензелем на бутоне, пожалуй, выбрала бы жеманная барынька… Тогда как высокую, объёмную, щедро золочёную – кустодиевская купчиха… И ещё одна солонка, мимо кото-

Солонка, Россия, Москва, после 1879, серебро,
токарно-давильные работы, штамп, гравировка, золочение,
клейма фирмы И. Хлебникова.

рой не смог пройти. Её тоже «выбираю» для себя, махнув рукой на обозначенную выше непрактичность. Никаких крышек, наоборот, в форме открытой любым пылинкам вазы на тонкой ножке. Кажется, от неё исходят воздушные волны, как от летящей птицы. Это чудо следует ставить на стол летом, когда ветер треплет занавески открытого окна, а в вазе стоят полевые цветы…

Как тут не поклониться коллекционеру! Не сказать ему слова благодарности! Сколько, оказывается, поэзии в «элементарных» солонках. Чеховское «в человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» ещё совсем недавно употребляли, где надо и не надо. Правда, особо не вдумываясь в смысл слов и, что самое обидное, слабо претворяя прекрасное в человека. В последние годы формула, надо понимать за ненадобностью, вовсе вышла из употребления телеведущих, журналистов, да и руководителей культуры. Дмитрий Мизгулин коллекцией солонок вслед за чеховским дядей Ваней красноречиво нас убеждает: всё должно быть прекрасно в человеке, в его доме, на его родине… Мелочей нет…

Хотел сказать: стоит ли говорить, что альбом-каталог (как это традиционно принято у благотворительно фонда «Возрождение Тобольска») издан великолепно. И оборвал себя: обязательно нужно говорить! Замечательная книга. Спасибо дизайнерам В. Ахмеджанову и В. Валериусу (главный художник издания «библиотека альманаха Тобольск и вся Сибирь»). Дизайн продуман до десятой доли миллиметра. Имеет место гармоничное сочетание красоты, информативности, наглядности, компактности и ещё чего-то неуловимо-притягательного. Каждый разворот посвящён одной солонке, и первое, что бросается в глаза (а как иначе?) – сама солонка. Она как на ладони. Видишь каждый штрих рисунка. Мне, человеку с техническим образованием, очень поглянулись линейки по вертикали и горизонтали – гадать не надо, какого размера предмет. Всё ясно-понятно! И показался высшим пилотажем приём – многократно увеличенное (так, что в границы листа вмещается лишь фрагмент предмета) «отражение» солонки на втором плане. Вижу в этом сразу несколько плюсов: максимально-рациональное использование площади листа, так как есть

возможность увидеть часть рисунка и в таком ракурсе; создаётся эффект зеркальной глубины и объёмности за счёт ненавязчивого введения второго плана, который в свою очередь оттеняет первый и является вкусной добавкой к нему. А какое попадание (да простят меня, дилетанта, дизайнеры за ненаучные термины) в цвет! На тёмно-синем, сочном фоне серебро солонки горит…

Второй лист разворота (левый) – анкета предмета. Есть паспортные данные: год рождения (к примеру, 1844), место рождения (к примеру, Москва), материал и технология изготовления (к примеру, серебро; штамп, чеканка, золочение). Кроме этого имеется фото и описание клейма мастера, изготовившего данную солонку. Само собой, приводится фамилия мастера. Дано краткое, в трёх-четырёх предложениях, но ёмкое описание предмета.

Безусловно, огромную работу при составлении каталога провели искусствоведы Н.В. Яковлева и А.С. Виноградова. В коллекции Мизгулина свыше 200 предметов, охватывающих более 150 лет (с 1809 г. до 1972 г.). Есть работы общеизвестных фирм и фабрик, а есть замечательные мастера, над расшифровкой инициалов которых пришлось покорпеть.

Вступительная статья А.Г. Елфимова представляет собой даже не эссе, а оду в прозе, пропетую соли и солонке, их значении на обеденном столе русского человека.

В сумме альбом-каталог получился ничем иным, как уникальным экспонатом. Завидую тем, кто попадёт на выставку солонок с альбомом-каталогом в руках, последний даёт возможность полнее войти в мир коллекции Мизгулина, почувствовать её атмосферу. На какие-то детали скорее обратишь внимание на фото, чем на самом предмете. На выставке нет возможности взять солонку, поднести к глазам…

Было бы страшно обидно, если такая великолепная коллекция имела бледненький альбом-каталог. Позволю себе портняжную аналогию: и костюм отличный, и на пуговицах не стали выгадывать. С чем и поздравляю благотворительный фонд «Возрождение Тобольска».

ЧУДЕСА В СЕРЕБРЕ

Нина НИКОНОРОВА,
«Тобольское серебро.
Из коллекции Д. Мизгулина»,
2015, Челябинск

И в бытовой повседневности, и в высоком священнодействе люди всегда использовали множество предметов из этого необычного металла. Его мягкий, белый, словно бы солнечно-зимний блеск таит в себе праздник, лёгкую радость, особую красоту. Серебро – один из значимых и, пожалуй, самых загадочных металлов. Изделия из него ценны сами по себе, а если это ещё и произведения искусства со своей историей и со своей тайной… Может быть, поэтому от сибирских мастеров осталось нам в наследство множество серебряных вещей и вещиц – как в крупнейших музеях России, так и в частных коллекциях.

Уникальный альбом «Тобольское серебро», который рассказывает об истории русского серебряного дела и «серебряной» коллекции поэта и подвижника Дмитрия Мизгулина, вышел десятой книгой в серии «Сибирский художественный музей». Сама эта серия, рассказывающая о художниках-творцах Сибирского края, уже давно пользуется популярностью у искушённых коллекционеров-читателей. Новое издание, повествующее о сибирском серебряном деле, выделяется и особым дизайном (поскольку и пред-

Солонка, Россия, Москва, 1899–1908, серебро,
токарно-давильные работы, штамп, вальцовка, гравировка,
клейма фабрики Г. Клингерта.

мет, представляемый на его страницах, особенный) и подробными рассказами об истории тобольского серебра, об уникальной коллекции и подвижнической деятельности её нынешнего владельца.

Сибирское, тобольское серебро по праву вошло в коллекции ведущих русских музеев и сокровищниц России. Даже беглый взгляд на вполне, казалось бы, бытовые предметы – чарки, чайники, ларцы, щипцы для сахара, блюдца – может обнаружить столько тончайшей красоты, призванной служить изысканным украшением обычной повседневности! А серебряные оклады икон своим цветочным орнаментом, тончайшей прорисовкой драпировок, выразительностью пластики фигур приближают нас, созерцающих это чудо, к космосу русского духа.

«В России великое кроется и в малом: в самой небольшой деревеньке, в самом невеликом городке таится порой такой созидательный дар и с такой силой раскрывается творческий гений русского человека, что впору удивиться самому взыскательному европейцу» – пишет о русских художественных ремёслах автор одной из статей книги писатель Игорь Изборцев.

Нам нельзя забывать о том, что красота – одна из верных спутниц истины. Уже несколько десятилетий в условиях жёсткой культурной войны, неостановимой западной экспансии насаждается и нагнетается в России комплекс неполноценности: и история-то у нас не та, какая нужно, и сами-то мы не такие, как весь цивилизованный свет – дикари, разбойники, лодыри, и искусство хорошо бы выравнивать по западному образцу… А на русскую провинцию этот гнёт, в общем, приходится вдвойне и более: дескать, в столицах ещё туда-сюда, хоть криво, но подстроились, но уж за МКАДом и жизни-то вроде как нет…

Было бы пошлейшей неблагодарностью по отношению к нашим славным предкам и героической нашей истории признать эти измышления за истину, а ведь – будем честны – многие же и принимают это, и повторяют, и мучаются собственным несоответствием чужим обманным меркам… Но спутница истины – красота – не покидает нас, не растрачивается, пройдя сквозь века и века, она по-прежнему очаровывает взоры и сердца, рассказывает всем о

том, как гармоничен русский мир, как чиста его душа и как верна его память.

Книга о тобольском серебре – рассказ о судьбе русской красоты в истории и в наши дни. Все разносторонние материалы книги объединены в цельный сюжет – не литературный, но прежде всего общественно-исторический – двумя уникальными личностями, сибирскими подвижниками культуры: Дмитрием Мизгулиным, владельцем и хранителем коллекции, и Аркадием Елфимовым, в своё время положившим начало серебряному сибирскому «собранию», а сейчас выступившим в роли издателя уникального альбома.

Говоря об издании, нельзя не сказать об этих людях, благодаря которым огромные пласты сибирской культуры становятся сегодня общенациональным достоянием и укрепляют русский дух, а в конечном итоге и саму русскую государственность. Укрепляют, потому что утверждают: народ, создавший такую высокую красоту, может не оглядываться на чужие высокомерные суждения, и уж тем более не должен испытывать комплекс неполноценности ни перед Западом, ни перед Востоком – ни перед кем. Русская красота самобытна, многогранна, самодостаточна, её нужно только хранить, открывая для чистых взоров, но сберегая от поругания.

Альбом даёт пищу для ума читателям самой разной направленности: для тех, кто интересуется историей серебряного дела в Сибири, есть подробная вступительная статья Игоря Изборцева «Рукотворное русское чудо, или История одной коллекции». По его словам, «изделия тобольских серебряников позволяют сделать вывод о том, насколько самобытно и талантливо на протяжении столетий развивалось художественное делание серебряных дел мастеров в Тобольске, ставшем в ту пору столицей огромной территории, где сливались воедино западные и восточные стили, рождались новые формы работы с серебром...»

Эти мысли дополняет ярко эмоциональная и в то же время строго научная статья известного российского искусствоведа Инны Костиной «О коллекции тобольского серебра Дмитрия Мизгулина». Здесь можно прочесть много интересного о законах

удивительной «серебряной красоты». Вот как Костина описывает один из предметов коллекции: «Эту тарелочку можно рассматривать бесконечно, так она хороша. Два охотника в национальной одежде, готовые спустить тетиву лука со стрелой, очаровательные олени с опущенными мордами в поисках травы, которая перед ними, прелестная собака с поднятыми ушками и дугообразным хвостом, пейзаж с горками, хвойными и лиственными деревьями, летящими птицами. И ещё простенький орнамент по краю борта. А ширина борта всего 2 см...»

Для ценителей поэзии познавательными в книге будут работы о личности и творчестве поэта – владельца коллекции. Особый интерес вызывает статья поэта о поэте – Юрий Перминов назвал её «Духоподъёмное поле Дмитрия Мизгулина». Он пишет: «...Безусловно то, что жизнь – это постоянное движение, изменение, что нельзя оставаться неподвижно на одном месте, жить только наследием прошлого столетия. Но мы – люди, вступившие в новый век, – не должны терять связи со своими корнями, разрушать и забывать многовековые традиции, перечёркивать тысячи лет истории, на ошибках которой следовало бы учиться, а не совершать свои, иногда непоправимые. С изменением образа жизни изменились нравы, а с изменением нравов – всё тревожнее за человека...»

И в качестве примера гражданской позиции поэта Дмитрия Мизгулина Перминов приводит его активную деятельность по сохранению истории и культуры, развитию современной литера-туры: «Во всяком случае, он один из немногих, кто противостоит наползающей катастрофе Духа, и поэт говорит нам, не утаивая и личной правды: *«Жизнь прожил, переживая, / И чужую нёс вину; / Бился, устали не зная, / За друзей и за страну. / Хорошо ли жил ли, плохо – / На виду у всех людей. / Пережил свою эпоху, / Пережил её вождей. / Продавали, предавали, / Улетали в никуда... / Только я в такие дали / Не стремился никогда. / Наливаю жизнь до края / И, захлебываясь, пью, / И, за всё переживая, / Проживаю жизнь свою...»*

Писатель и философ Игорь Изборцев в статье «Взыскующий града Небесного, или Духовные горизонты поэта Дмитрия Миз-

Солонка, Россия, Москва, 1908–1917, серебро,
токарно-давильные работы, гравировка,
мастер Н. Зверев.

гулина» рассказывает о бытийных и философских основаниях его творчества, приводит многочисленные высказывания самого поэта, его размышления о времени и культуре: «В Евангелии написано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). Поэтому на писателе лежит большая ответственность за то, как он использует свой талант. Очень значима и важна нравственная составляющая творчества. Стране нужны нравственные авторитеты, которым можно и нужно подражать. Народ должен иметь мифы, верить в них и иметь героев. Если это изымается из жизни, то и жизнь обедняется, теряет полноценность. Так в Церкви между Богом и нами лежит святое предание, жития святых, то есть высокие образцы жизни по-божески. Убери их – и как тогда жить? На кого равняться? В советское время литература создавала высокие образы человека труда, человека воинского долга, молодёжь росла на примерах их подвигов. И государство всячески способствовало укреплению в умах этих положительных образов человека. За трудовые заслуги награждали Орденом Трудового Красного Знамени, за боевые – Орденом Боевого Красного Знамени. А сегодня за воинский подвиг и за исполнение песни на эстраде дают одну и ту же награду. Не унижает ли это защитников Отечества, рискующих жизнью на войне? Да что там говорить! В героях у нас сегодня ходят артисты, менты и бандиты, других героев нет…»

Так на страницах книги соседствуют и дополняют друг друга рассказы о красоте и вечные поиски истины – нравственных оснований бытия. Это ли не свидетельство полноты существования, устойчивости русской культуры, проявляющей себя и в серебряном деле, и в поэзии, и в общественном подвижничестве?

А для тех, кто интересуется историей серебра и сакральным смыслом его в культуре, в финале книги размещена статья редактора издания Нины Ягодинцевой «Серебро: красота и тайна»: «Серебро – один из самых загадочных металлов, тайны которого разгадывают не только поэты, романтики и мистики – но и учёные. Из глубины веков к нам пришли поверья, что серебро не просто украшает быт человека – оно оберегает, очищает, оздоравливает.

В древности этот драгоценный металл считали священным и способным освящать всё, к чему он прикасается. Свидетельствовали, что серебро способно излечивать болезни и раны, и приписывали ему свойство изгонять всё «нечистое», омолаживать тело и облагораживать душу человека. В культурных традициях всех народов серебро играло важную роль, и практически у всех названий этого металла на разных языках есть общий смысл: серебряный – значит «белый», «чистый», «лунный». И если за «солнечным» золотом, при всей его драгоценности, так или иначе всё равно встаёт тень тёмных человеческих страстей, стяжательства, накопительства, которые его сопровождают, то серебро во всех исторических перипетиях остаётся светлым, лёгким, дарящим красоту, свободную от страстей…»

И, конечно, заворожат всех читателей – и художников, и поэтов, и философов – удивительные иллюстрации, на которых искусство русских мастеров серебряного дела можно рассмотреть в тончайших деталях.

Дизайнеры книги Геннадий и Елена Метченко – отец и дочь – признанные мастера книжного дела. Каждый предмет серебряной коллекции они сумели подать так, что мы видим его как бы в объёме. Изображения детальные, увеличение и уменьшение масштаба, размещение в определённом контексте и на особенном фоне – все эти приёмы создают возможность наиболее полного восприятия сибирских серебряных сокровищ.

Эта книга займёт достойное место на полках ведущих библиотек. Главное – чтобы её почаще брали в руки, раскрывали – и погружались в мир удивительной русской красоты быта и духа те, кому нести дальше в истории эстафету красоты, добра и истины русского сибирского мира.

СЕРЕБРО И СОЛЬ КОЛЛЕКЦИИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ,
Солонки. Коллекция Д. Мизгулина. Альбом-каталог, июнь 2013

Филателисты, нумизматы, бонисты, фалеристы, филокартисты, филофонисты… У большинства коллекционеров, специализирующихся на собирании конкретных предметов и материалов, есть свой «профессиональный» термин, по которому сразу же можно определить круг их пристрастий и интересов. Даже те, кто собирает колокольчики, объединены в особую группу – кампанофилисты! Вот только для тех, кто среди множества любопытных вещей отдал предпочтение солонкам – да-да, обычным ёмкостям, в которые насыпают соль, чтобы поставить её на стол! – особого определения пока не нашлось. Однако это не мешает им заниматься не только пополнением «реестра» солонок, но и систематизацией коллекций, которые могут поведать немало интересного о событиях давно минувших лет, временах и нравах. Разумеется, при условии, что их коллекции не спрятаны за семью печатями и могут быть представлены публике – в музейных экспозициях, каталогах, на фотогалереях или видео-презентациях Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» издал великолепный альбом-каталог «Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина». Это уникальное – и по содержанию, и по полиграфическому исполнению – издание адресовано не только исто-

рикам, научным работникам, ювелирам и солонконистам (назовём их так, коли это «коллекционное направление» покуда безымянно), но и всем тем, кто интересуется историей России, развитием русского серебряного дела.

О КАТАЛОГЕ

Каталог коллекции Мизгулина, насчитывающей свыше 200 произведений европейского, российского и советского ювелирного искусства XIX и XX веков, конечно же, требовал особого оформления, особой эстетики, созвучными благородным, изящным, оригинальным изделиям из серебра, фотографии которых и составили альбом. И, надо отдать должное издателям, – они прекрасно справились с этой непростой задачей. Фолиант «Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина», отпечатанный в Италии, получился настоящим полиграфическим шедевром, достойным стать наравне с серебряными раритетами музейным экспонатом. Почти квадратный по размерам и с толщиной форзаца более 4 см – 545 страниц! – он обрамлён в тёмно-синюю бархатную обшивку с выдавленным орнаментом. На обложке, в тонкой серебряной рамке, вокруг изображения круглой солонки с затейливым узором по краю, легко прочитывается тиснёные серебром название коллекции и имя её собирателя.

Строго, элегантно, со вкусом.

Приятно взять в руки, провести ладонью по бархату и с трепетом открыть первую страницу... Потом вторую, третью... Пролистать иллюстрации. Но вот неожиданность: плотные глянцевые страницы с изображением солонок...чёрного цвета! Впрочем, секундное замешательство тотчас же сменяется восторгом: а на каком же ещё фоне, как не цвета ночи, можно оттенить и подчеркнуть благородную красоту и блеск старинных серебряных изделий?

На каждое из них отведён разворот. На правой странице с изображением солонки для наглядности «пропечатаны» горизонтальная и вертикальная линейки, по которым можно без труда опреде-

лить «габариты» коллекционного экземпляра. На левой странице даны краткие характеристики: дата и место изготовления солонки, имя мастера, изображение и описание авторского клейма, материал и способ изготовления, форма и художественные особенности изделия.

Право слово, вёрстка и дизайн «иллюстративной» части каталога – безупречны. После беглого просмотра издания его уже не хочется выпускать из рук. Не терпится, удобно усевшись в кресло, «уйти» в него с головой. Просмотреть и прочитать всё, с самого начала…

Открывает каталог эссе известного книгоиздателя, фотохудожника и литератора-публициста, президента Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Елфимова.

«Символ верности и носитель святости», в котором он знакомит читателей с историей появления соли и солеварения на Руси, рассказывает о крупных соляных промыслах и известных российских солеварах.

Большой знаток истории Сибири, автор с особым пиететом описывает, как зарождалось солеварение за Уралом, как выросло рядом с соляным источником в Предбайкалье село Усолье (с 1940 года – город Усолье-Сибирское). Это местечко и по сей день считается «сибирской солонкой», обеспечивающей солью не одну Сибирь-матушку, но и Дальний Восток вкупе с Монголией.

Очень подробно Аркадий Елфимов объясняет, какое значение имела эта приправа к еде в жизни наших предков. Соль играла многогранную роль: и практическую, и обрядовую, символическую и даже философскую. В старину соль почиталась наравне с хлебом, была символом богатства, изобилия и гостеприимства, а также верности и дружбы. Не отсюда ли примета: рассыпать соль – к ссоре? Немало примет и житейских правил были связаны, помимо конкретно соли, и с солонками. Например, чем выше был статус человека в обществе, тем ближе к солонке ему разрешалось сесть.

Солонка, Западная Европа, начало XIX века, серебро,
штамп, клейма неустановленного предприятия.

О КОЛЛЕКЦИИ

У выдающегося русского поэта Виктора Бокова есть стихотворение «Соль»:

Помню, что соль
Мы всегда берегли,
Свято хранили
В красивой солонке.
Мы без неё
Даже дня не могли, –
Соль же
Так скромно
Стояла в сторонке!

В стародавние времена русские солонки изготавливались из различных материалов – бересты, дерева, глины, фарфора, стекла, металла… Это были красивые и удобные сосуды с ручками, крышечками и – фигурные, круглые, «угловатые». Резные, расписные, литые, чеканные…

Как пишет Аркадий Елфимов, очень часто солонки делались в форме утицы или лебедя, которые считались в народе символами счастья и семейного благополучия.

Их многообразие вряд ли поддаётся учёту, но на особом счету, конечно же, были серебряные – такая посуда для соли дорогого стоила! В прямом и переносном смыслах, поскольку это были штучные ювелирные изделия из драгоценного металла, настоящие произведения искусства, которые ставились на погляденье всем в центре стола во время трапезы царственных особ и великих князей.

Обычным ремесленникам заниматься такой дорогой утварью было не с руки, только признанные мастера, имеющие собственные клейма, имели право браться за изготовление серебряных солонок. Эти предметы ювелиры в обязательном порядке предъявляли в пробирные учреждения, удостоверяющие меру (пробу) драгоценности металла.

О тонкостях клеймения, о том, какую информацию можно «прочитать» по клейму мастера или артели, а также об известных русских мастерах серебряного дела, их «почерках», классических стилях и «новых фасонах», характерных формах и украшениях солонок, поведала в альбоме-каталоге искусствовед Наталья Яковлева. Для неискушенных читателей и неспециалистов её научно-исследовательская работа «Солонки коллекции Дмитрия Мизгулина» – путеводитель по историческим местам и достопримечательностям. Она посвящает в такие «секреты», без которых вряд ли можно осознать истинную ценность и значимость коллекции солонок, собранных Дмитрием Мизгулиным. Из этой статьи можно, к примеру, узнать, что для русских серебряных изделий XIX века была характерна 84-я проба серебра, соответствующая современной – 875-й.

На клейме рядом с инициалами пробирного мастера был обязателен (до 1899 года) герб города: в Москве – Георгий Победоносец, поражающий копьём дракона, в Санкт-Петербурге – два скрещённых якоря и скипетр… Примечательно, что в конце каталога читатели смогут найти уникальный справочный материал – «указатель пробирных клейм Российской империи, советских пробирных клейм, именников мастеров, клейм фабрик и фирм», по которым можно идентифицировать ювелирные изделия или, как выражаются специалисты, атрибутировать.

Серебряные солонки, созданные замечательными русскими ювелирами, не редко использовались в качестве подарка или сувенира, поэтому помимо клейма и традиционных надписей «Хлѣбсоль», «Безъ соли безъ хлѣба / половина объда», на них гравировали инициалы владельцев, подписи дарителей, памятные даты, а ещё букву S – первую в слове «соль» в европейских языках: salt – английское, и salz – немецкое.

Коллекция солонок Дмитрия Мизгулина охватывает исторический период «длинною» более 150 лет – с начала XIX века до 1970-х годов недавно минувшего. Иллюстрации в каталоге (фотограф Евгений Лыкин) расположены в хронологическом порядке и распределены по трём разделам: Россия 1800–1917, Европа 1825–

1900, СССР 1927–1972 годы. Первой открывает альбом самая почтенная по возрасту солонка – работа московского мастера 1809 года с монограммой IC, изготовленная в форме широкой лоханки с витой ручкой. Солонки с «московской пропиской», как отмечает Наталья Яковлева, составляют наиболее солидную часть коллекции Дмитрия Мизгулина.

О СОЛОНКАХ

В каталоге представлены солонки, выполненные в различных стилях. Есть среди солонок, собранных Мизгулиным, работы мастеров в стиле неорокко. Например, солонка петербургского мастера К. Экквиста – овальная, с фигурными бортами, на высоком основании, выполненная в 1837 году. Немало в коллекции и предметов, которые относятся к так называемому «русскому стилю» с присущими ему «народными» формами – традиционным плетёным орнаментом и крупными цветами. Кстати, одной из таких форм для солонок была форма… чугунка.

В коллекции Мизгулина больше десятка солонок-чугунков, и каких! Скажем, есть среди них солонки фирмы И. Хлебникова – известнейшего московского купца 1-й гильдии, поставщика Высочайшего двора. Простые, казалось бы, по форме, они поражают своим богатым гравированным орнаментом. Как, например, солонка 1891 года, корпус которой украшает широкий «пояс» сложного геометрического плетения. Хотя чаще всего, судя по представленным в альбоме фотографиям, русские мастера выбирали для украшения рельефные и чернёные «растительные» узоры – в виде виноградной лозы, завитков, плетёнок, крупных цветов, «прорисованных с ботанической точностью».

Когда в начале 1900-х годов на смену русскому стилю пришёл модерн, поверхность серебряных солонок стала изобиловать вьющимися стеблями с бутонами и длинными волнистыми листьями. Как наглядные примеры такого пышного украшения – солонки фабрики Василия Сикачёва, мастеров С. Шапошникова, К. Князева и других.

Помимо солонок, изготовленных в форме широких чаш, горшочков, чугунков, бокалов, в коллекции Мизгулина есть редкостные, восхитительные по исполнению сосуды в виде резного трона со спинкой и сиденьем-крышкой на шарнире, а также солонки в виде изумительных ваз с тонкими ручками. Эффектно смотрятся серебряные солонки, края которых украшают пояски «жемчужника» – маленькие шарики, которые мастера «рисовали», используя фигурные вальцы. Стоит отметить, что в ювелирных артелях и на фабриках для изготовления высокохудожественной серебряной утвари применялись самые различные технические приёмы и способы обработки драгоценного металла: штампование, выдавливание, чеканка, золочение (при этом цвет золота мог быть красным, жёлтым, зелёным), гравирование, нанесение цветной эмали…

Богатейшая коллекция солонок Дмитрия Мизгулина даёт возможность увидеть, оценить, сравнить разные техники и качество изделий, виртуозность и художественный вкус мастеров серебряного дела, сопоставить лучшие образцы российских серебряников с западноевропейскими. К слову, самая ранняя зарубежная солонка в коллекции Мизгулина – это работа мюнхенского мастера Л. Волленвебера (1825 год) – солонка прямоугольной формы на узкой длинной ножке с выгравированной на корпусе буквой S с завитками. Честно говоря, каждый коллекционный экземпляр, представленный в каталоге, – это, как говорится, отдельная песня. О любой из солонок можно рассказать занимательную историю. И не только о том, когда и где она была сделана, кому «обязана» своим появлением на свет и кому предназначалась. Но и о том, как она попала к нынешнему владельцу. Коллекционирование, как ни крути, занятие не из простых. И не сиюминутное. И собрание (без кавычек) солонок Дмитрия Мизгулина, безусловно, – явление неординарное, может быть, даже единственное на этом поприще. Как верно заметил автор вступительной статьи к каталогу Аркадий Елфимов, «об этой коллекции должны знать все, в них наша история, наше, если хотите, русское мировоззрение, многовековой опыт народа». Эта коллекция, по его мнению, уже давно заслуживает быть введённой в научный оборот. И с Арка-

дием Григорьевичем нельзя не согласиться. И хочется верить, что издание альбома-каталога «Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина» позволит приблизить этот момент «узнавания» и повышенного интереса к «серебряному» собранию сосудов для соли.

Чтобы не растерять «осколки» прошлого. И чтобы не забыть о «приметах минувшего быта», как написал об авоське в «Балладе о хозяйственной сетке» один, прежде всего, из самых заметных современных русских поэтов и коллекционеров, а уж потом, полагаю, известный банкир и меценат, член Союза писателей России Дмитрий Мизгулин. И не случайно, думается мне, особое предпочтение в своей страсти к коллекционированию он отдаёт именно солонкам. Очень уж поэтическое его творчество близко по духу творчеству тоже сибиряка – великого русского поэта Павла Васильева. Вспомните хотя бы его поэму «Соляной бунт».

ДИАЛОГИ С ПОЭТОМ

БЕНЕДИКТОВ ТОЖЕ БЫЛ БАНКИРОМ

Беседу вёл Александр КАЗИНЦЕВ

А. КАЗИНЦЕВ: Дмитрий Александрович, Вы поэт и банкир. Причудливое, невозможное сочетание! Разные темпераменты, разные склады характера, разные миры. Да и на социальной лестнице поэт и банкир стоят едва ли не на противоположных концах. Как Вам удаётся совмещать несовместимое?

Д. МИЗГУЛИН: А вспомните XIX век – классический для нашей литературы. Все служили. Денис Давыдов был генералом, Фёдор Тютчев – дипломатом, Пётр Вяземский вообще товарищем, то есть заместителем министра народного просвещения. Финансисты? Были и финансисты – Владимир Григорьевич Бенедиктов служил в Министерстве финансов. Выдающийся поэт-романтик занимал должность столоначальника, затем старшего секретаря Общей канцелярии министерства. Был назначен директором правления Экспедиции заготовления государственных кредитных билетов, а закончил карьеру членом правления Государственного заёмного банка в чине действительного статского советника.

Основной профессией литература становится в годы серебряного века. А мы привыкли к этому и не смотрим на послужные списки русских классиков. Это я не к тому, чтобы себя записать в классики. Просто не следует творчество жёстко увязывать с биографией. Если писатель в творчестве выражает общие заботы и тревоги, это не значит, что он должен не пить, не есть, не иметь

гроша в кармане. Лев Толстой не нищенствовал. Был помещиком довольно крупным. Как и Афанасий Фет. Между прочим, деньги очень хорошо считали. Почитайте записки Фета: сколько посеял, сколько продал.

А славянофилы – Хомяков, Самарин? Практические люди были, разбирались в хозяйстве, использовали в своих поместьях последние достижения техники, сами занимались усовершенствованиями. В отличие, кстати, от западников, которые умели только языком работать.

Так что на ваш вопрос я отвечу: есть значительно более крутые примеры «совместительства» – как в плане творческом, так и в плане подъёма по служебной лестнице. Что до меня, то главная часть жизни, как ни крути, всё равно творчество. А банк – что же, это достойная профессия.

А. КАЗИНЦЕВ: Среди наших авторов почти нет финансистов. Есть видные политики, дипломаты, академики. А вот людей, преуспевших на денежной стезе, немного. Тем интересней узнать у Вас, какие качества отличают богатых, тех, кого сейчас называют «новыми русскими»? Их достоинства, их недостатки, интересы, круг чтения.

Д. МИЗГУЛИН: Смотря кого считать богатым. Для кого-то и тысяча долларов – богатство, а кому-то и миллиона мало. Если Вы спросите – миллионер ли я, отвечу – нет. Я ж не собственник. У нас класс собственников невелик. Я на службе. Банк – акционерное общество, я наёмный работник. Это не моя частная контора.

К тому же понятие богатства изменчиво. Помните «Сказку о рыбаке и рыбке»? Потребности человека постоянно растут. Хотя всё равно всё закончится могилой. А там повезут – то ли в ад, то ли в рай.

А. КАЗИНЦЕВ: Конец – общий, но жизнь-то разная. Какая она у «новых русских»?

Д. МИЗГУЛИН: Да такие же люди, такими же интересами и живут. Нет резкого отличия. Все что-то читают. Хотя, конечно, уже нет той ситуации, которая была в конце восьмидесятых, когда всё общество жило литературой, а у журналов были миллионные тиражи. Наверное, такая жизнь была не совсем естественной. Так же, как и в шестидесятые годы, когда Евтушенко выходил прочесть стихотворение, и собирались стадионы.

Между нами говоря, полная ерунда! Почему это событие должно волновать тысячи людей? В нормальных условиях хорошая литература не будет массовой. Она никогда массовой не была. Это Некрасов мечтал: «Белинского и Гоголя с базара понесут». Те, кто ходит на базар, Гоголя уж точно не купят...

Другое дело, в России в силу особенностей нашего мышления, в силу сложившихся традиций художественная литература занимает особое место. Чего-то нельзя было говорить, что-то запрещали делать, а литература говорила об этом иносказательно. А теперь включил телевизор – тебе Жириновский всё скажет: тот козёл, тот жулик. И никакой иносказательности.

С литературы слетело всё наносное. И любопытные вещи обнаружились. Купил я книгу Евтушенко. Никогда раньше не читал. Говорили: как? А вот так как-то – не читал. А тут поглядел: многие вещи читать невозможно. Они настолько идут за временем... Мне недавно подарили газету «Правда» 1945 года, её читать интереснее – подлинные новости, а не стихи, в которых они отражены.

Поджалась аудитория у литературы, и это объективный процесс. Но вот что волнует – преподавание словесности в школе. Сын показал мне хрестоматию для 1-го класса, там Агния Барто – верх совершенства, остальное – дребедень, так написано, что язык сломаешь.

Есть у нас гениальная книга – «Слово о полку Игореве». А читать – не знаю, как вы, – я не могу. На другом языке написано!

Так вот боюсь – как бы при нынешней системе преподавания лет этак через тридцать люди не стали говорить на новом языке. Откроют Бунина и не смогут читать. Живое русское сло-

во превратится в «не лепо ли ны бяшетъ»... Это действительно опасность.

А. КАЗИНЦЕВ: Уж если мы заговорили об опасности... Меня мучают, сводят с ума три цифры. Как три карты в «Пиковой даме». 2, 14 и 30 процентов. Это доля России в населении, территории и природных ресурсах Земли. Не кажется ли Вам, что в эпоху войн за природные ресурсы это больше чем цифры – приговор. С таким небольшим населением, находящимся к тому же в психологическом надломе, размазанным на такой огромной площади, буквально нашпигованной сокровищами, нас просто порвут сильные соседи.

Д. МИЗГУЛИН: Как экономист, скажу: первый и самый главный вопрос – народонаселение. Не раз приходилось слышать: главное, чтобы реформы не остановились. А зачем реформы-то? Чтобы человеку лучше жить стало.

Богатство любой страны – люди. Всё остальное нарастёт, если люди будут! А не будет – для кого всё это? Что сказал Господь: «Плодитесь и размножайтесь». Там ничего о ВВП не было – ни в Ветхом завете, ни в Новом.

Если это пространство не будут заселять люди – не станет государства. Первичны люди, а не экономика. Первична идеология, а не экономика. Прежде чем решать экономические задачи, надо объяснить, что связывает 140 с лишним миллионов, которые живут на этом пространстве, в единую страну. Что связывает учителя из Санкт-Петербурга и нефтяника из Ханты-Мансийска, банкира из Москвы и оленевода из Анадыря? У них должны быть одно, два, три, четыре понятия, которые их объединяют!

А. КАЗИНЦЕВ: Традиционно Россию объединяют вера, культура. Насколько я понимаю, Ваш банк немало делает для их поддержки. Приёмная увешана грамотами и благодарностями за помощь в осуществлении важных проектов. Далеко не все банки столь активны в деле благотворительности.

Д. МИЗГУЛИН (смеясь): Да это мы, наверное, такие нескромные: взяли и всё повесили... На самом деле спонсорская помощь – это составная часть взаимодействия с обществом. Живёшь на территории – помогай! Конечно, можно и по-другому: «Заплатил налоги – и спи спокойно». Но, к сожалению, сегодня не всё благополучно, бюджетных денег не хватает, так что, обращаясь к нам за помощью, люди не с жиру бесятся – им бы насущные потребности удовлетворить.

В Писании сказано: десятину (10 % дохода) отдай. Вот и надо отдавать... Зачем придумывать что-то новое, когда на этих устоях мир держится несколько тысяч лет?

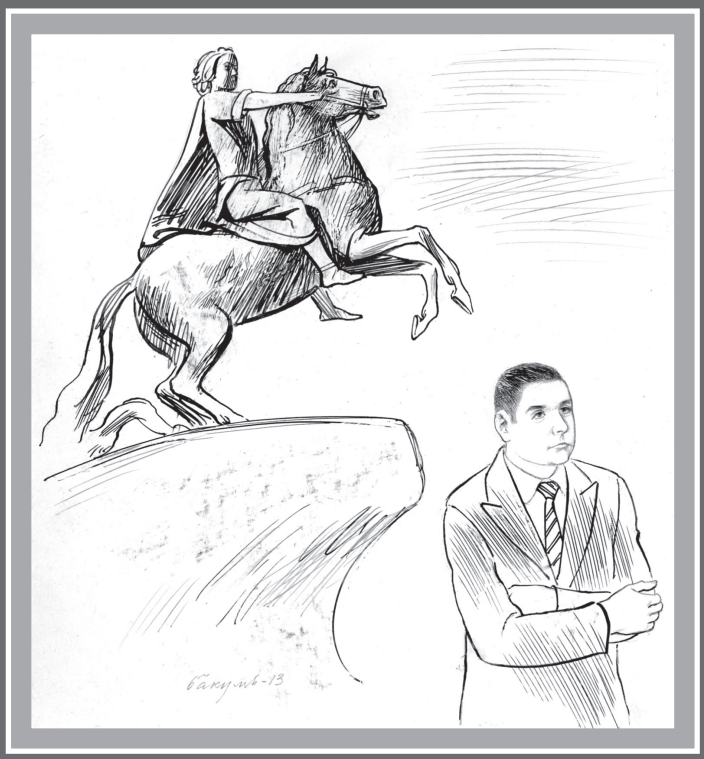
Если говорить о направлениях нашей благотворительной деятельности, то это – образование, здравоохранение, культура, помощь православной церкви. Общая сумма в прошлом году превысила 15 миллионов рублей.

А. КАЗИНЦЕВ: Серьёзно! Значит, Ваш банк – из числа крупных?

Д. МИЗГУЛИН: Мы входим в тридцатку ведущих банков страны. Открыты филиалы и отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Новосибирске, в большинстве городов Ханты-Мансийского округа. Мы позиционируем себя как банк муниципальный. Основная цель – не только зарабатывание прибыли, но, как записано в нашем Уставе, аккумулирование финансовых потоков предприятий и организаций округа для оптимального планирования и решения актуальных производственных и социальных задач. Мы обслуживаем правительство округа, предприятия муниципального хозяйства.

А. КАЗИНЦЕВ: Что же, удачи Вам и в Ваших финансовых трудах, и в творчестве.

Д. МИЗГУЛИН: Спасибо.



УРОКИ СЛОВЕСНОСТИ

Беседу вёл Александр СУРИКОВ

А. СУРИКОВ: Дмитрий Александрович, Ваша жизнь связана с российским Северо-Западом. Вы родом из этих краев? Уж не питерский ли Вы?

Д. МИЗГУЛИН: Сейчас модно причислять себя к таковым, мамины корни действительно в Ленинграде. Мама родилась в 1928 году, окончила медицинский институт и была направлена на работу в Мурманск. Там и познакомилась с отцом. К сожалению, родители уже умерли.

Я родился в 1961 году в Мурманске, но Питер для меня как вторая родина.

Отец матери был рабочим в Питере. Семья жила за Невской заставой, в самом, что называется, пролетарском районе. Грамоты дед не знал, зато хорошо, надо понимать, знал своё дело. Когда издали книгу об истории его завода, в ней очень уважительно о нём писали как о передовом рабочем. И бабушка была в своей округе человеком известным, востребованным – акушеркой.

Вся наша семья пережила ленинградскую блокаду. Поэтому к маме вполне можно отнести поэтические строки: «Нам в 43-м выдали медали, и только в 45-м – паспорта». То есть она получила медаль за оборону Ленинграда еще 15-летней девчушкой.

По отцовской линии дед был из Саратовской губернии. Всю свою недолгую жизнь он проработал на партийно-хозяйственных должностях районного масштаба. Бабушка по отцу тоже поволжская, из семьи священника. Отец родился в 1930 году в городе Аткарске, неподалёку от Саратова. Дед был в этом городе вторым

секретарём райкома партии, а его жена – внучкой служившего там же протоиерея и благочинного. Вот какие парадоксы были тогда возможны. Жили тоже очень скромно. И в послевоенные годы первому секретарю райкома полагалась «Победа», а второму – телега с лошадью.

А. СУРИКОВ: Что же связывает Вас с Петербургом?

Д. МИЗГУЛИН: Я переехал в Ленинград в 78-м году по окончании средней школы – продолжать учиться. Так как занимался лыжными гонками, биатлоном, поступил сначала в Ленинградский Электротехнический институт связи – там были сильные спортивные традиции. Отучился два года и перевёлся в Финансово-экономический институт имени Н.А. Вознесенского, который и окончил в 1984 году. Я искал нечто среднее между техникой и гуманитарными дисциплинами. Так и пришёл в экономику.

А. СУРИКОВ: Как же складывалась карьера дипломированного экономиста?

Д. МИЗГУЛИН: После окончания института – армия. Служил в Азербайджане, в Краснознамённом Закавказском военном округе, был начальником финансовой службы ракетного дивизиона, а затем артиллерийского полка. Демобилизовавшись в 86-м, вернулся в Питер, где до 1991-го работал на оборонном комплексе.

Потом перешёл в банковскую систему – в филиал «АвтоВАЗ-банка». Возглавлял в Санкт-Петербурге «Морской торговый промышленный банк» и «Инкасбанк». А в 2001 году губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Васильевич Филипенко пригласил меня на работу сюда, в столицу Югры. В общем, обыкновенная биография в необыкновенное время.

А. СУРИКОВ: Что сделано за эти годы в Югре?

Д. МИЗГУЛИН: За это время нам удалось превратить банк, который обслуживал исключительно бюджетные потоки, в универсальную кредитную организацию с хорошими рыночными позициями. Только на территории округа создано 12 филиалов, открыто более 70 точек продаж. Выпустили порядка 450 тысяч пластиковых карт.

Поверьте, я бы мог часами перечислять экономические показатели, свидетельствующие о нашем динамичном развитии. Банк имеет филиалы в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, представительства в Екатеринбурге и Праге. Так что наша деятельность выходит за пределы Ханты-Мансийского автономного округа, который, кстати, занимает в России первое место по объёму промышленного производства, добыче нефти, производству электроэнергии. Вторым местом мы пока довольствуемся по добыче газа, объёму инвестиций в основной капитал, поступлению налогов в бюджетную систему.

По данным международных рейтинговых агентств, Ханты-Мансийский банк уверенно входит в тридцатку крупнейших российских банков, а по ряду показателей – и в топ-двадцатку.

Столицу нашего округа сегодня буквально не узнать, столько в последние годы построено объектов социального назначения и жилья. А ведь ещё десять-пятнадцать лет назад в Ханты-Мансийске были деревянные, сооружённые из брёвен тротуары, как в позапрошлом веке.

А. СУРИКОВ: Каковы, на Ваш взгляд, перспективы развития банковской системы России?

Д. МИЗГУЛИН: Наша банковская система видится мне довольно слабой. Государство обязано принять меры для того, чтобы она задышала. Если этого не произойдёт, боюсь, что банковскому сегменту российской экономики уготована та же судьба, которая постигла банковские системы Восточной Европы. Кредитование крупных производств уйдёт в западные банки, а нам останутся малый и средний бизнес плюс физические лица. Наша банковская

система может полностью попасть под западный контроль. А ведь это вопрос сохранения государственного суверенитета...

А. СУРИКОВ: Банковская деятельность – не единственная сфера, где Вы преуспели?

Д. МИЗГУЛИН: Да, как говорится, не цифрой единой... Я всю жизнь, сколько себя помню, писал, в 87-м году поступил на заочное отделение Литературного института имени М. Горького. (Творческий конкурс был очень приличный – около 80 человек на место). Учился у Александра Петровича Межирова, фигуры знаковой в русской поэзии второй половины XX века. Сейчас я член Союза писателей, у меня вышло девять книг стихов и прозы.

А. СУРИКОВ: Есть ли место литературе в современной жизни?

Д. МИЗГУЛИН: Жизнь изменилась, и литература не имеет сейчас того звучания, какое было у неё в советские времена. Тогда, в условиях жёсткой цензуры, какие-то громкие события внутри страны и за рубежом толковались через художественное творчество – намёками, иносказаниями, аллюзиями. Люди всё время искали подтекст. Литература в советские времена несла на себе функцию некоей оппозиционности, которая сейчас от неё никому не нужна.

К слову, ведь и Чехова современная ему критика считала безыдейным, «холодным» писателем. И Толстого тоже. Это потом о них и о других стали говорить, что они кого-то «обличали», «бичевали». На самом деле всё было не так.

Сейчас пиши, что хочешь. Возникла, правда, другая проблема. Если раньше автор писал «в стол», то сегодня он зачастую издаётся «в стол». И в значительной степени утрачена система обратной связи с читателем. Литература стала дробиться на разные тусовки, группировки, враждующие между собой «товарищества». Попадание в одну из таких группировок гарантирует тебе и премии, и хвалебную критику. А взгляните между тем на тиражи. Сегодня у

«Нового мира» четыре тысячи экземпляров, а раньше был миллион... Впрочем, творчество всегда оставалось творчеством. Как ни крути, оно всегда было уделом думающих, читающих людей.

А. СУРИКОВ: Как Вам удаётся совмещать, казалось бы, несовместимое – быть поэтом и банкиром?

Д. МИЗГУЛИН: Я в этом плане отнюдь не первый и далеко не единственный. Вот посмотрите довольно объёмистый сборник стихов работников Московского Главного территориального управления ЦБ РФ. Называется «Поэтический Балчуг». Обратите внимание, выпуск номер шесть.

Теперь заглянем в прошлое. Раньше творческие люди всегда состояли на службе, до революции творческим людям надо было на что-то жить. Гаврила Романович Державин, яркий представитель русского классицизма, тот самый, о котором юный лицеист Пушкин сказал: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил», – был крупным государственным деятелем. В его послужном списке – посты Олонецкого и Тамбовского губернаторов, президента Коммерц-коллегии, министра юстиции. На этой должности его сменил Иван Иванович Дмитриев, известный баснописец, сенатор, член Государственного совета. Как поэт он был в своё время не менее известен, чем Иван Андреевич Крылов.

Кто-то занимался издательской деятельностью, как Пушкин, Некрасов, Достоевский…

Вспомним и Фёдора Ивановича Тютчева, служившего по дипломатическому ведомству, крупного государственного мужа. Одно время он возглавлял комитет по государственной цензуре. Большое ему спасибо за то, что, занимая этот пост, он не допустил публикации в России «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Самых же больших высот в банковской сфере добился испанец Хосе Эчегарей (в некоторых изданиях даётся иная транскрипция фамилии), живший в 1832–1916 годах. Он не один год был мини-

стром финансов, возглавлял банк Испании, а на склоне лет – в 1904 году – был удостоен Нобелевской премии в области литературы. Его портрет есть на купюре в 1000 песо, выпущенной в 1971 году.

Правда, сейчас мы живём в обществе, в котором образованность стала какой-то диковинкой, странностью. Встречаешь людей, которые занимают высокие государственные посты, а последнюю книжку, как видно, прочитали в десятом классе – дремучесть из таких так, простите, и прёт.

А. СУРИКОВ: Что Вам представляется более увлекательным – бизнес или литература?

Д. МИЗГУЛИН: И то и другое. Занятие бизнесом – это тоже творческий процесс. А творчество – это желание человека что-то улучшить. Как можно без души заниматься какой-либо работой – даже в саду или огороде? Труд нам Господь посылает, чтобы мы не расслаблялись. Работа для меня – это творчество.

А. СУРИКОВ: А вера в Бога какую роль играет в Вашей жизни?

Д. МИЗГУЛИН: Человеку дано знание о Боге, даже если он атеист. Сейчас все стали «верующими». Но важно не то, что человек приходит в храм, а то, каким он оттуда выходит. Убеждён, что без веры в Бога невозможно что-то путное построить. Ибо сказано Господом: «Без меня не можете творите ничесоже».

А. СУРИКОВ: Что делаете в свободное время?

Д. МИЗГУЛИН: Если бы у меня было достаточно свободного времени, я бы читал, читал и читал. Для меня – это самое приятное времяпрепровождение. Если говорить где, то, бесспорно, на даче, под Питером, в районе Новой Ладоги. Отпуск я всё время там и провожу. Если выбирать между дачей и каким-нибудь экзотическим путешествием, я без колебаний выберу первое. Ведь,

глядя на мир, всякий раз убеждаешься, что ничего лучшего, чем Россия, Господь не создал.

Грустно смотреть, как сам процесс чтения уходит из жизни нашего современника. Считаю, что книга играет огромную, ни с чем несравнимую роль в воспитании человека.

С утратой книги мы, как это ни прискорбно, постепенно теряем способность мыслить. Когда вы смотрите телевизор, то воспринимаете образ в том виде, в каком он вам преподносится. А когда вы читаете книгу, наш мозг работает, вы постигаете текст в соответствии с вашим воображением, то есть думаете. Только книга даёт человеку умение образно мыслить. Её ничем не заменить. Увы, есть страны, где всё меньше читают. Если в Италии, Франции, Англии, к счастью, пока книжные магазины существуют, то в Америке их не найдёшь.

А. СУРИКОВ: Есть ли среди исторических личностей люди, которых Вы могли бы назвать своими кумирами?

Д. МИЗГУЛИН: Я бы назвал тех, при ком Россия благоденствовала. Например, императора Александра III, в период правления которого Россия не вела никаких войн. Наша историография до сих пор полна придуманными кем-то легендами. Взять, к примеру, Александра Меншикова. Какое мнение существует сейчас в общественном сознании об этом сподвижнике Петра? Торговец пирожками на базаре, вор из воров, читать-писать не умел. Окончил жизнь свою в ссылке у нас, на нынешней территории округа, в Берёзове. С моей точки зрения, это типичный пример создания негативного мифа о крупной личности. И миф этот возник ещё при жизни светлейшего князя, был создан завистниками. А потом был утверждён Алексеем Толстым в знаменитом романе, а потом «подтверждён» в фильме «Пётр I», в котором роль Александра Меншикова была блестяще сыграна Михаилом Жаровым. Насколько миф соответствовал действительности, судите сами. Следствие, которое тогда проводилось, не нашло в деятельности Меншикова ни следа криминала. Далее, оказывается, что «неграмотный» Алек-

сашка был первым в России членом иностранной академии. И не какой-нибудь – Королевской британской. Купил диплом? Тогда это не приветствовалось, во всяком случае, за Ла-Маншем. Да и диплом подписан лично не кем иным, как Исааком Ньютоном.

Петра-то в академию не взяли. Он в Лондоне хулиганил, стекла бил... Кстати, о Петре. Сейчас заходишь в чиновничий кабинет и видишь очень часто портрет или статуэтку реформатора. Между тем его роль не так уж и однозначна. Пётр не меньше сотрясений в России создал, чем Владимир Ильич Ленин. Словом, не сотвори себе кумира.

С другой стороны, общество не может существовать без кумиров, без положительных героев. А они у нас сейчас практически отсутствуют. С 90-х годов у нас ушёл настоящий герой из книг, с телеэкранов. Как можно положительно воспринимать героев телефильма «Бригада»? На экране воспроизведены отъявленные преступники, но с приятными человеческими лицами. Это беда.

Стране нужны новые – настоящие герои.

ПЕРЕКРЁСТОК ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Беседу вела Людмила КОВАЛЕНКО

Становится обидно, что,
Выходя на перекрёсток,
Приходится выбирать одну дорогу,
Когда хотелось бы пройти тремя...
Д. Мизгулин

Л. КОВАЛЕНКО: Дмитрий Александрович, думаю, Вам часто приходится отвечать на вопрос: почему банкир – и вдруг пишет стихи? Меня же интересует другое: как это поэт – и вдруг подался в финансисты?

Д. МИЗГУЛИН: Я вообще-то сначала подался совсем в другую область и два года учился в Ленинградском электротехническом институте связи. Хотя, в принципе, хотел стать гуманитарием, историком, например. Но вы же знаете, как в семнадцать лет бывает: куда друзья – туда и я... К тому же я занимался лыжными гонками, а в институте была хорошая команда. Ну а к концу второго курса опомнился: технические науки – это всё-таки не моё. И перевод в Финансово-экономический стал уже сознательным выбором, потому что экономика находится на стыке точных и гуманитарных наук. А, кроме того... там тоже хорошо относились к спортсменам.

Л. КОВАЛЕНКО: С точки зрения профессиональной, Ваш выбор оказался явно удачным – об этом свидетельствует вся Ваша банковская карьера. Словом, Вы можете смело сказать о себе, что «жизнь удалась»... Тогда откуда в Ваших стихах столько боли? Или Ваш лирический герой живёт своей, отдельной жизнью?

Д. МИЗГУЛИН: Я думаю, лирического героя нельзя отождествлять с личностью автора. Это, скорее, – время, которое проходит сквозь человека. А точнее – видение, которое Господь тебе даёт. Возможно, в жизни я более оптимистичен, нежели порой в своих стихах, более реалистичен и – менее лиричен...

Что касается «отдельной жизни», то нет... Ну хорошо, у меня лично всё сложилось, удалось – это разве основание для того, чтобы закрыть глаза на то, что делается вокруг? Я же не на облаке живу, не в скиту. Вокруг меня – люди. Только в банке работает две с половиной тысячи человек, и я должен понимать, как они живут, чем дышат, какие у них проблемы. А как депутат каждый день получаю пять-шесть писем от избирателей, и за каждым – чья-то драма, даже трагедия. Надо быть идиотом, чтобы не видеть всего этого и оставаться безразличным.

Л. КОВАЛЕНКО: Послушать Вас, Дмитрий Александрович, так подобная жизненная позиция – правило. Почему же в реальности она выглядит как исключение? Вы же не можете не видеть, как углубляется пропасть между теми, у кого «жизнь удалась», и теми, кто пытается выжить?

Д. МИЗГУЛИН: Потому что люди, и, прежде всего, благополучные, не хотят думать. И не умеют. Разучились, привыкли получать объём разжеванной и «упакованной» информации. Это самая тяжёлая проблема сегодняшнего времени – нежелание и неумение думать. А корни её в том, что перестали читать. Тут связь прямая: когда человек читает, он воспринимает жизнь образно, включается воображение. А дальше – начинаешь обдумывать, осмысливать, делать выводы. Да, выводы, к которым приходишь, порой не

слишком радостные, но ведь если их не делать, не предпринимать какие-то шаги, то никуда и не сдвинешься.

Наверное, кому-то все эти раздумья ни к чему. Но, если ты живёшь в России, растишь детей, как не думать о будущем? Как не видеть того, что демографическая проблема оборачивается катастрофой? Ведь пройдёт 10–15 лет, и начнут сказываться последствия конца 80-х-начала 90-х годов, когда детей в стране практически не рожали. Есть этническая проблема, о которой долго предпочитали не говорить.

Очень сложная ситуация в здравоохранении, падает качество образования...

Правда, в последнее время про все эти проблемы стали во всяком случае говорить вслух, причём на государственном уровне. И даже что-то начинает решаться, хотя и со скрипом.

Но, конечно, проблема пропасти между так называемой «элитой» и народом остаётся... Только вот по-настоящему элитарность определяется не суммой на банковском счёте, не престижным особняком или автомобилем, а наличием совести, – есть такое понятие.

Л. КОВАЛЕНКО: Но ведь, как человек реальный, практикующий банкир, Вы прекрасно понимаете, что в бизнесе почти всегда приходится принимать жёсткие решения. Скажем, для дела Вы должны уволить человека, не справляющегося с работой, а у него трое детей, жена больная и податься ему некуда... Как тут разобраться с совестью? И кто окажется прав: Мизгулин-банкир или Мизгулин-поэт?

Д. МИЗГУЛИН: Если сотрудник не справляется с делом, его нужно увольнять, и литература здесь не причём. А если он нуждается в помощи, нужно ему помогать – и тоже не из любви к поэзии. Здесь ничего несовместимого нет, если видишь жизнь реально.

Вообще непонятно, откуда эта демонизация банкиров. Банковская профессия – самая обычная, довольно трудоёмкая, по-

рой монотонная, со стороны даже скучной может показаться. И для того чтобы успешно заниматься этим делом, совсем не обязательно идти против своей совести и общественной морали...

Кстати, вы встречали образ злодея-банкира в русской литературе? Я вот что-то не припомню, хотя у классиков попадаются и купцы-обманщики, и чиновники-казнокрады, и дворяне-моты – такие знаковые образы. Банкир же знаковой фигурой никогда не был, вплоть до 90-х годов прошлого века, когда начались скандалы вокруг приватизации, заказные убийства и появились экзотические персонажи в малиновых пиджаках, тоже называвшие себя банкирами. Ну и, конечно, масла в огонь добавили банкротства и кризисы – то есть объективная подоплёка подобного представления о банкире, да и в целом о российском бизнесмене, наверное, есть.

Но в большинстве своём – мы такие же нормальные люди, как и представители других профессий: работаем, женимся, растим детей, болеем и радуемся отпуску. Одним словом, живём. И не от профессии зависит, есть ли у человека совесть.

Л. КОВАЛЕНКО: Иными словами, раздваиваться Вам не приходится? Однако экономистом Вы стали в двадцать с лишним, а писать начали, насколько понимаю, много раньше. Литература для Вас – хобби, вроде рыбалки, или всё-таки нечто большее?

Д. МИЗГУЛИН: А, собственно, что такое хобби? По-русски – увлечение. Один увлекается рыбалкой, другой картины «для себя» пишет, а кто-то, к примеру, вышивает крестиком – кому какой дар Бог послал... Стихи для меня – часть жизни, и как определить: главная или не главная? Ведь меня никто не заставляет садиться к письменному столу.

Ну а писать, действительно, начал очень рано – сколько себя помню, столько и пишу. Причём не только стихи, но и рассказы, пьесы, даже исторические романы. Честно говоря, в душе я себя прозаиком считаю, хотя прозы уже лет десять не пишу. И к поэзии обратился в своё время за недостатком времени – вот,

думал, буду выражать себя между «большими полотнами». Но до крупных форм так и не добрался, всё по той же причине вечного цейтнота.

Л. КОВАЛЕНКО: На самом деле трудно понять, как Вам удаётся примирить в себе реалиста, практика, социально активного человека и лирика, порой очень тонкого, ранимого, страдающего... Как-то не слишком сопоставимо.

Д. МИЗГУЛИН: Я очень люблю Фёдора Ивановича Тютчева – он для меня знаковый поэт. И, наверное, особенно близким мне делает его как раз та самая «несопоставимость», о которой вы сказали. Ведь Тютчев был весьма светским человеком, весёлым, ярким, остроумным, что называется, «душой компании».

И, обратите внимание, нигде он не осуждает это «пустое общество», как можно было бы ожидать. Нет, он органично в него вписывался. Более того, следил за своим престижем, «выбивал» для себя ордена, на изготовление которых у него вечно не хватало денег. Служил по дипломатическому ведомству, имел генеральский чин, долгое время даже руководил комитетом иностранной цензуры... А теперь попробуйте сопоставить всю эту мишуру с глубиной его поэзии и философских воззрений! Вообще говоря, в русской литературе подобных примеров немало. Например, князь Пётр Андреевич Вяземский, поэт, друг Пушкина, возглавлял Государственный заёмный банк, которым до него руководил Владимир Бенедиктов, тоже известный в ту пору литератор. Гаврила Романович Державин одно время был министром юстиции.

Л. КОВАЛЕНКО: Пожалуй, пора говорить о некоей «банковской традиции» в русской литературе или, может, наоборот – о влиянии литературы на банковское дело в России. Неплохая тема для диссертации... Но вообще-то в публике деловая респектабельность как-то не вяжется с творческой богемностью, столь свойственной, скажем, Серебряному веку.

Д. МИЗГУЛИН: Из этой поры я по-настоящему люблю только Блока, хотя, конечно, тогда было много прекрасных поэтов: и тот же Максимилиан Волошин, и поздний Игорь Северянин. Но особого упоения эстетикой модерна и Серебряного века я не испытывал. Слишком много эпатажа... И потом, многое зависит от того, когда читаешь. Ведь поэзия – впечатление. Впечатление конкретного человека в конкретный период времени. Ветер подул – листва зашумела... Это относится равным образом и к поэту, и к тому, кто читает его стихи. И, кстати, не только стихи. Сербский писатель Милорад Павич сказал, что читать книгу нужно, как минимум, дважды: первый раз, когда ты моложе героя, а второй – когда старше. И действительно, можно ли понять Каренина или Левина в шестнадцать лет?

Л. КОВАЛЕНКО: Вы много можете назвать книг, которые Вам хотелось бы перечитывать?

Д. МИЗГУЛИН: Много, даже перечислять не стану. В основном, конечно, классика. Мне в этом смысле повезло, потому что, кроме обязательного школьного чтения, была ещё учеба в Литинституте, куда я пришёл уже зрелым человеком, и многое просто «по программе» пришлось перечитать. Да что учёба, я не так давно читал в очередной раз «Евгения Онегина» и подумал, что вот мы говорим: «Пушкин – наше всё», а много ли людей хоть раз открыли пушкинский томик со школьных времён?..

Пытаюсь, конечно, следить и за современной литературой, однако выделить, как открытие, для себя никого не могу.

О вкусах не спорят, но так называемая ассоциативная проза мне не близка – из неё ушёл сюжет, а с ним и образ... Иной раз крамольная мысль в голову приходит: русская литература настолько богата, что можно бы уже ничего нового не писать – переиздавать классику и жить, как рантье, на проценты. Это, конечно, шутка, литературный процесс прерываться не должен, тем не менее, эксперимент должен быть освящён мыслью, чувством. Только тогда будет движение вперёд. И надо владеть, как говорят, ремеслом.

Возьмите того же Сальвадора Дали со всем его сюрреалистическим эпатажем. Он был, прежде всего, превосходным художником, блистательно владевшим техникой и рисунка, и живописи. И его картины – нравятся они или нет – не оставляют сомнений в его таланте и профессионализме. А когда неумелую и бездарную мазню выдают за нечто концептуальное, это мне просто неинтересно. И ведь это не только в живописи, а и в литературе, кино, музыке – вываливают на публику «мусорную кучу», мол, разбирайтесь... Начинаешь разбираться, и что-то нет в этой куче алмазного зерна.

Л. КОВАЛЕНКО: Дмитрий Александрович, даже не зная Вашего «послужного списка», в Вас легко распознать питерца – есть на тех, кто хотя бы несколько лет прожил в этом городе, особый отпечаток. И особенно ощущается он в Ваших стихах. Только об этом городе можно было написать: «недовольно гаснут фонари»...

Наверное, лишне спрашивать, любите ли Вы Петербург. И как Вам живётся вдали от него, в таком небольшом городке, как Ханты-Мансийск?

Д. МИЗГУЛИН: Даже и скрывать не стану – Петербург – любимый город. Хотя приехал я семнадцати лет отроду, а до того жил в Мурманске, где и родился, и учился. Но ностальгии, страданий каких-то от разлуки с Питером не испытываю. Потому что люблю и тот город, где сейчас живу. Начиная уже с того, что большую часть жизни мы отдаём работе – в столице ты живёшь или в глубинке. А работать мне очень интересно, и результаты радуют. В бытовом смысле Ханты-Мансийск – город очень комфортный, приятный. Чистый воздух, красивая природа, немножко экзотики... А трассу нашу видели биатлонную? Но самое главное – здесь есть то, чего во многих других местах сегодня, к сожалению, не сыщешь, – динамика. И производственная, и жизненная.

Город-то у нас молодой во всех смыслах, средний возраст населения в округе – около тридцати лет. И демографическую проблему мы здесь решаем успешно, занимая в стране третье место

по рождаемости. Словом, очень динамичный край, с большими возможностями, с хорошими перспективами. Здесь можно многое сделать, работать в полную силу. Так что скучать некогда.

Л. КОВАЛЕНКО: Хочу вернуться к началу нашей беседы и к Вашему давнему стихотворению, озаглавленному «Сожаление». Тогда Вы сетовали на то, что «приходится выбирать одну дорогу, когда бы хотелось пройти тремя». Но получилось так, что Вы и идёте, по сути, тремя дорогами, слив их в одну. Бизнес, власть, поэзия – всё это как-то умещается в Вашей жизни, а главное – в душе. Можно ли сделать из этого вывод, что юношеские сожаления Вас больше не посещают?

Д. МИЗГУЛИН: Я просто живу... Что такое творчество? Дал тебе Господь голос – говори. Так же и со всем остальным. Если я могу что-то для этой жизни делать – во власти ли, в бизнесе ли, значит, должен делать. Что касается моей депутатской работы, то она – естественное продолжение банковской, потому что в моём ведении комиссия по бюджету. И, думаю, мне, профессионалу, проще, нежели кому-то другому, разбираться в этих проблемах.

Насчёт сожалений – трудно сказать. Наверное, иногда хочется иметь чуть больше свободного времени. Ведь любому человеку нужны минуты, когда он остаётся наедине с собой. Посиди, помолись, подумай, зачем и как ты живёшь... Но, вообще, я люблю жить в ладу с собой. Пока это удаётся.

ДНЕВНИКИ ЕГО ДУШИ И СЕРДЦА

Беседу вела Ирина ТАРАБАЕВА

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Д. Мизгулин

И. ТАРАБАЕВА: Человек, обладающий таким набором дарований в разных областях (занимается ли он резьбой по дереву или сочиняет музыку, являясь высококлассным хирургом или чемпионом мира по бодибилдингу), неизменно вызывает удивление. Как Вы думаете, существует ли вообще деление на технарей, людей, склонных к точным наукам, и гуманитариев? Может, это не более чем стереотип?

Д. МИЗГУЛИН: У каждого человека есть склонности к занятию тем или иным видом деятельности. Какие Господь вложил в человека таланты, такие в нём и развиваются. Деление, о котором вы говорите, всегда условно. Бывают технари, рисующие картины. И есть гуманитарии, занимающиеся ядерной физикой.

И. ТАРАБАЕВА: Дмитрий Александрович, с какого возраста Вы начали писать?

Д. МИЗГУЛИН: Всё начинается в детстве. И писательские наклонности, как правило, проявляются в юном возрасте. Спросите у любого литератора...

И. ТАРАБАЕВА: Ну почему же? Думаю, можно найти немало примеров, когда человек брал в руки перо уже будучи зрелым...

Д. МИЗГУЛИН: Неправда. Тот, кто в этом уверяет, лукавит. Не бывает так, чтобы человек очнулся вдруг в 40 или 50 лет и понял, что в нём проснулся талант писателя. Склонности заложены в нас с рождения. Условия жизни, в которые мы попадаем, способствуют их развитию в том или ином направлении.

И. ТАРАБАЕВА: Неужели уже в детстве Вы мечтали стать писателем?

Д. МИЗГУЛИН: В разные периоды времени ребёнок мечтает о разном. В 9–10 классе, когда пришла пора задуматься о выборе профессии, я начал размышлять всерьёз. В Мурманске многие связывали свою жизнь с морем. У меня к этому склонности не было. Я выбирал профессию между точными науками и гуманитарными, поэтому остановился на экономике. Но... успел ещё два года проучиться в Электротехническом институте связи. Правда, тяжело мне было с физикой и линейной алгеброй, а потому я и перевёлся в Финансово-экономический институт имени Н.А. Вознесенского.

И. ТАРАБАЕВА: А потом всё-таки пошли в Литературный. Это было Ваше решение или чей-то совет?

Д. МИЗГУЛИН: Безусловно, моё. В Литературном институте на заочном отделении учились люди со всей страны. Большой творческий конкурс был: человек 80 на место.

И. ТАРАБАЕВА: И что Вам дал этот институт?

Д. МИЗГУЛИН: Во-первых, общение с народом и преподавателями, которые все были яркими личностями. Во-вторых, образование. Там же дают базовые вещи. Практически я получил филологическое образование.

И. ТАРАБАЕВА: Дмитрий Александрович, Вы помните свой первый поэтический опыт?

Д. МИЗГУЛИН: Конечно, нет. Но могу точно сказать, когда начал публиковаться, – в 1980 году. Печатался в газете «Комсомолец Заполярья». Когда уехал учиться в Ленинград, мои стихи стали появляться в ленинградской прессе. А первая книга вышла в 1993 году. Я вошёл в литературу в то время, когда она уже перестала быть тем, чем была раньше. В 60–70-е годы книги занимали достаточно важное место в жизни каждого человека. И сама жизнь характеризовалась более высоким культурным уровнем. Чего нельзя сказать о дне сегодняшнем. Сейчас литература оказалась на втором плане. На первый вышли телевидение, массовая культура.

И. ТАРАБАЕВА: На Ваш взгляд, изменить ситуацию возможно?

Д. МИЗГУЛИН: А как?.. Задумайтесь: до чего довела человека теория прогресса? До животного уровня. По сути, мы вернулись в каменный век. Зачем и кому сегодня нужен думающий человек? Всё упрощается до грубых физиологических потребностей.

И. ТАРАБАЕВА: Какой мрачный взгляд...

Д. МИЗГУЛИН: Справедливый. Где вы теперь найдёте толстые литературные журналы, работы серьёзных современных авторов? Посмотрите на тиражи, которыми выходят книги в 140-миллионной стране! Три тысячи экземпляров – это уже очень много! Раньше таким тиражом выходила многотиражка на каком-нибудь заводе. На 10 тысяч экземпляров сегодня могут рассчитывать популярные детективы. А в советское время таким тиражом издавалась книжка какого-нибудь тюменского поэта. Люди сейчас не читают. А когда человек утрачивает необходимость читать, он утрачивает и возможность мыслить.

И. ТАРАБАЕВА: Может, потому не читают, что и читать-то нечего?

Д. МИЗГУЛИН: Почему это нечего? Что, у нас под запретом находятся Библия, Лев Толстой, Чехов? Бери и читай, если ты такой большой любитель. Вы давно последнюю книгу читали?

И. ТАРАБАЕВА: Всегда с книгой...

Д. МИЗГУЛИН: Ну вот, редкое исключение... Однако вопрос ещё в том, что читать и как читать. Читательский круг, который интересуется серьёзной литературой, постепенно сужается. Многие уверены, что к одиннадцатому классу всю нужную литературу перечитали. Они уже умные и могут руководить крупными государственными проектами. А читать – это же сложно. Голова начинает болеть. То, что люди стали меньше обращаться к книгам, – факт неоспоримый.

И. ТАРАБАЕВА: Дмитрий Александрович, а Вы что сейчас читаете?

Д. МИЗГУЛИН: Читаю книгу Натальи Бехтеревой, известной исследовательницы человеческого сознания. Недавно прочёл книгу Евгения Примакова, его воспоминания о том, как он жил и работал в большой политике. Обычно я читаю сразу несколько книг – пять-шесть. Сейчас с любопытством изучаю автобиографию бывшего генерального директора «Дженерал Электрик» Джека Чэлча. Читаю книгу избранных английских поэтов XIX–XX веков «И в одиночестве, и вместе», справочник туриста по Санкт-Петербургу. Детективы читаю с удовольствием, например Д. Френсиса и Ф. Джейс.

И. ТАРАБАЕВА: Мы говорили о современных тиражах. Скажите, а Ваши книги в каком количестве экземпляров выходят?

Д. МИЗГУЛИН: По-разному случается. Самый большой тираж был три тысячи экземпляров.

И. ТАРАБАЕВА: И куда потом уходят эти тысячи?

Д. МИЗГУЛИН: В библиотеки. Друзьям и знакомым раздаю бесплатно. Вопрос распространения книг в настоящее время стоит очень остро. Если автор издал сборник, то его распространением должен заниматься он сам. Конечно, классическая литература, детективы и бестселлеры типа «Как быть здоровым человеком и при этом выпивать по литру водки в день?» распространяются по договорённости между издателями и книжными лавками. А книги современных авторов, которые неизвестны широкому кругу и не эпатируют публику, где вы найдёте? В магазинах их нет. У нас в округе работают прекрасные писатели – Николай Коняев, Сергей Козлов, Сергей Луцкий, но их книг нет на прилавках. Стоит классика, иностранная литература, пелевины, сорокины... макулатура всякая. А где наши современники-земляки? Получается, их творчество никому не нужно?

И. ТАРАБАЕВА: А Вы для кого тогда пишете?

Д. МИЗГУЛИН: Как для кого? Для читателя! Если Господь тебе дал талант, ты не должен задумываться, для кого ты пишешь, и какое это произведёт впечатление. Читатель в любом случае найдётся. Есть вещи, которыми человек жил и будет жить всегда, пока не потеряет человеческий облик. Так что дело писателя – писать, а читателя – читать.

И. ТАРАБАЕВА: Ваша карьера бизнесмена складывается успешно...

Д. МИЗГУЛИН: Смотря что считать успехом. Я никогда не задумывался над тем, как складывается моя карьера, успешно или неуспешно. Идёт жизнь и идёт.

И. ТАРАБАЕВА: Вы довольны ею?

Д. МИЗГУЛИН: Конечно. Господь даровал мне эту жизнь. То, что жив, доволен. То, что здоров, доволен. Хотя действительность окружающая могла бы быть получше.

И. ТАРАБАЕВА: В Ваших стихах много печали, тревоги за судьбы людей, России...

Д. МИЗГУЛИН: Ну... я ж не писатель-юморист...

И. ТАРАБАЕВА: Я не об этом. Откуда такое настроение у человека, довольного жизнью?

Д. МИЗГУЛИН: Что тут скажешь? Слово идёт из сердца, из души. А литература – это серьёзный творческий акт, в котором участвуют два человека: писатель и читатель. Подумайте над этим! Писатель пишет то, что видит и чувствует. А читатель воспринимает написанное, но в разном возрасте по-разному. Прочитали Льва Толстого в 18 лет, попробуйте перечитать в 40. Совсем иначе воспримете произведение.

И. ТАРАБАЕВА: В Ваших стихотворных строках нередки упоминания о душе. Как Вы считаете, есть душа?

Д. МИЗГУЛИН: Душа – духовное наполнение человека. Господь вдохнул в нас душу. И это то, что отличает нас от животных. Мы знаем о существовании высших сил. Нет ни одного народа на земле, который не возносил бы молитву небу. У всех Бог живёт там. А у животных этого нет. Даже у обезьян, от которых якобы произошли люди.

И. ТАРАБАЕВА: В одном из интервью Вы говорили о совести как о главном признаке настоящего человека. Что такое совесть в Вашем понимании? И не мешает ли она делу?

Д. МИЗГУЛИН: А как может совесть мешать? Если совесть есть, то она есть. А если её нет, то она и не мешает. Что такое совесть? Это способность человека сопереживать, его стремление устранить замеченную несправедливость. Просто сейчас много людей, которым всё до лампочки. Они считают: если сами в жизни устроились, то и вся жизнь в целом изменилась к лучшему.

И. ТАРАБАЕВА: Дмитрий Александрович, Вы являетесь членом Сообщества писательских союзов. На Ваш взгляд, насколько необходима принадлежность писателя к каким-либо союзам?

Д. МИЗГУЛИН: Ну как сказать? Раньше творческая организация давала что-то литератору. Например, пенсию или государственные льготы. У Союза писателей были свои дома отдыха, поликлиники. Сейчас ничего этого нет. И структура потеряла смысл. Осталась только организационная польза – издание журналов, газет. Не могу сказать, что в таком виде союз необходим. Думаю, как минимум, пенсионное обеспечение надо восстановить. Необходим закон о творческих союзах, который бы регламентировал деятельность людей, занимающихся творчеством.

И. ТАРАБАЕВА: В Вашем послужном списке множество побед на профессиональных конкурсах в банковской сфере. В копилку наград легла и литературная премия имени Мамина-Сибиряка за книгу стихотворений «Две реки». Чем стала для Вас эта победа?

Д. МИЗГУЛИН: Любая премия – это признание. Главное что? То, что книгу прочитали. Она нашла читателя и была отмечена коллегами по цеху. Мне очень важно, как и для любого литератора, что расширился круг людей, на которых книга произвела впечатление.

И. ТАРАБАЕВА: Раньше издание книги было достаточно серьёзной проблемой. Писатели не один год ждали своей очереди. Сейчас всё проще: есть деньги – издавай. Полагаю, для Вас не су-

ществует денежных затруднений. Как Вы решаете для себя, когда книга созрела?

Д. МИЗГУЛИН: Когда написалась, тогда и созрела. Объём книги – прожитое время. Какая-то веха. Моё восприятие мира в определённый период жизни. Это дневник сердца и души. Я же не сажусь и не говорю: сейчас напишу книгу стихов. Да и не встречал таких поэтов, которые бы ставили перед собой задачу написать за три месяца (условно) поэтический сборник.

И. ТАРАБАЕВА: Сколько у Вас уже таких дневников сердца и души?

Д. МИЗГУЛИН: Много. Вышло 13 книг. Некоторые переиздавались. А если брать по вехам жизни, то четыре... Четыре литературных этапа.

И. ТАРАБАЕВА: Судя по стихам, Вы верующий человек. Ваше детство, как и у многих, пришлось на советское безбожное время. Как Вы пришли к вере?

Д. МИЗГУЛИН: А как можно не прийти к ней? Для меня удивительно, когда люди не доходят до этого. Как можно пройти мимо? Человека создал Господь, и рано или поздно человек это начинает понимать.

КАК ЧУВСТВУЮ, ТАК И ОПРЕДЕЛЯЮ...

Беседу вела Ирина РЯБИЙ

И. РЯБИЙ: Дмитрий Александрович, с Вами я, как и многие читатели, была знакома заочно – по Вашим произведениям, однако по большей части в нашем округе Вас знают как депутата окружной думы, как главу Ханты-Мансийского банка. Кем больше Вы сами себя ощущаете, что в Вас самом одерживает верх – гармония или алгебра?

Д. МИЗГУЛИН: Банковское дело после поэзии – моя вторая профессия. После службы в армии в должности начальника финансов воинской части Краснознамённого Закавказского военного округа в 1984–1986 годах я продолжил трудиться на предприятиях оборонного комплекса. Это были режимные, засекреченные объекты, так называемые номерные «почтовые ящики». Проработал я там до 1991 года и прошёл путь от экономиста до начальника отдела крупнейшего научно-производственного объединения в стране, занимавшегося изготовлением средств спецсвязи. А ушёл я оттуда, когда в стране началось разрушение военно-промышленного комплекса – и конверсия перешла в конвульсию. Однако я через некоторое время вновь вернулся к банковской деятельности. Поначалу трудился в государственной банковской сфере, затем в «Инкасбанке». Часто приходилось ездить в командировки в филиалы, которые были разбросаны по всей России – от Балтики до Тихого океана. Бывал по делам службы и в Югре. И поэтому,

когда Александр Васильевич Филипенко, губернатор Ханты-Мансийского автономного округа, предложил возглавить региональный банк, я согласился. И вот с сентября 2001 года руковожу ОАО «Ханты-Мансийский банк». Но всё это не означает того, что финансовая деятельность мешает моему литературному труду. Ведь я писал всегда, при любых обстоятельствах.

У меня был друг – Пётр Кириченко, талантливый русский писатель. К сожалению, его уже нет с нами. Познакомились мы с ним зимой 1982-го. Пётр Васильевич был пятнадцатью годами старше меня. У него уже к тому времени издано было две книги, а у меня всего-то несколько публикаций. Но он, настраивая меня на творческий лад, часто говорил: «Пиши. Наступит время, к тебе придут и скажут: «Дай стихи!» – а у тебя ничего не будет». И я по его совету стараюсь писать. Не всегда, правда, получается...

И. РЯБИЙ: Вспоминаю Вашу публицистику – слово о друге «Как провожают самолёты». Там Пётр Кириченко – Ваш герой, кстати, советовал ещё себя беречь...

Д. МИЗГУЛИН: Спортом увлекался ещё школьником. Студентом выступал на всесоюзных соревнованиях. Поэтому если понимать в физическом смысле – себя беречь, то стараюсь регулярно ходить в бассейн, бывать в тренажёрном зале... Бывает, что и во время этих спортивных занятий или на улице мне приходят в голову поэтические образы, я записываю строчки – и через неделю возвращаюсь к ним, шлифую: так появляются на свет у меня стихи. Поэзия, как составная часть творчества, – беспокойное дело. Всё никак не получается осторожно жить...

И. РЯБИЙ: Да уж. Поэты болезненно воспринимают и собственное несовершенство, и несовершенство мира. Не потому ли в поэзии 2000-х годов появилось так много иронии.

Д. МИЗГУЛИН: Меня возмущает в современном обществе утрата нравственности. Всё делается для того, чтобы народ мо-

рально и духовно погибал. Передо мной постоянно возникает образ человека в клетке зоопарка, которого кормят искусственной жвачкой, лишив настоящей пищи и свободы, а потом – придёт время – и выкинут в природу, где он, неподготовленный, просто сгинет. Вот чего я очень боюсь в нашей жизни, о чём тревожусь!

На мой взгляд, определённый элемент катастрофичности мышления у каждого здравомыслящего человека сегодня присутствует, поскольку при внешнем благополучии продолжается разрушение нашего государства изнутри. Поэтому нельзя нормальному человеку оставаться равнодушным, когда, при внешней благопристойности и благовидности, при помощи высокой риторики по телевидению и в печати этот процесс, начатый в 1990-е годы, продолжается. Телевидение немало здесь «потрудилось»: ощущение такое, что под его регулярным воздействием люди становятся всё тупее и тупее. Раньше были передачи, где ведущие задавали вопросы без всяких подсказок, ценя наш интеллект. Но тогда мы были самой читающей страной в мире! Знали «Слово о полку Игореве». Замечательные книги Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого, Достоевского и Чехова действительно читали и ценили. Во многом благодаря им мы пришли в жизнь подготовленными. Теперь иное дело. Возьмите нынешнее шоу «Как заработать миллион».

И. РЯБИЙ: У меня лично складывается ощущение того, что передачи подобного типа – просто западная экспертиза нынешнего состояния российского интеллекта!

Д. МИЗГУЛИН: Да! Теперь уже из нескольких вариантов ответа надо выбрать один правильный. Люди старшего поколения с этим заданием ещё справляются. И сразу видно, что была основательная учебная подготовка. Тогда идеологически было заложено уважительное отношение к знаниям, учителю. Да и нашему поколению школьные годы дали много полезного. Культура действительно впитывалась с детства... А как быть нынешнему молодому человеку в данной ситуации, который вообще ничего хорошего в этом смысле не видел?

И. РЯБИЙ: Только одно – угадывать правильный ответ... Ведь для него теперь духовным светом стало всё, что на телеэкране.

Д. МИЗГУЛИН: Тут-то и надвигается настоящая духовная катастрофа... Раньше мы все смотрели на Запад, видя там только яркое и блестящее. Свои этикетки на товарах нам не нравились, казались блеклыми, некрасивыми. Если образно говорить, например, об отечественных напитках, из-за этой бледности оформления бутылок и содержимое казалось нам некачественным. А теперь из-за заграницы к нам привозят продукцию с красочными наклейками, а содержимое – отрава.

И. РЯБИЙ: Это касается, прежде всего, западной идеологии, которая правдами и неправдами проникает в нашу официальную...

Д. МИЗГУЛИН: Да! И эту идеологию, к сожалению, нам проталкивают как идею государственного строительства.

И. РЯБИЙ: Однако не всё так просто. Поэтому не могу не поинтересоваться следующим. У Вас, с промежутком в четыре года, ещё в 1980-ые, когда Вам не исполнилось и тридцати, появляются два стихотворения о встречах. Сначала – Петра Вяземского с Жоржем Дантесом, а затем Ивана Бунина с Фёдором Раскольниковым. Почему именно их местом был Париж, не спрашиваю: таковы исторические обстоятельства. Но почему Вы, придерживаясь правил христианской морали, осуждаете Вяземского за то, что тот подал руку Дантесу, и радуетесь тому, что Бунин не ответил рукопожатием на протянутую руку бывшего комиссара?

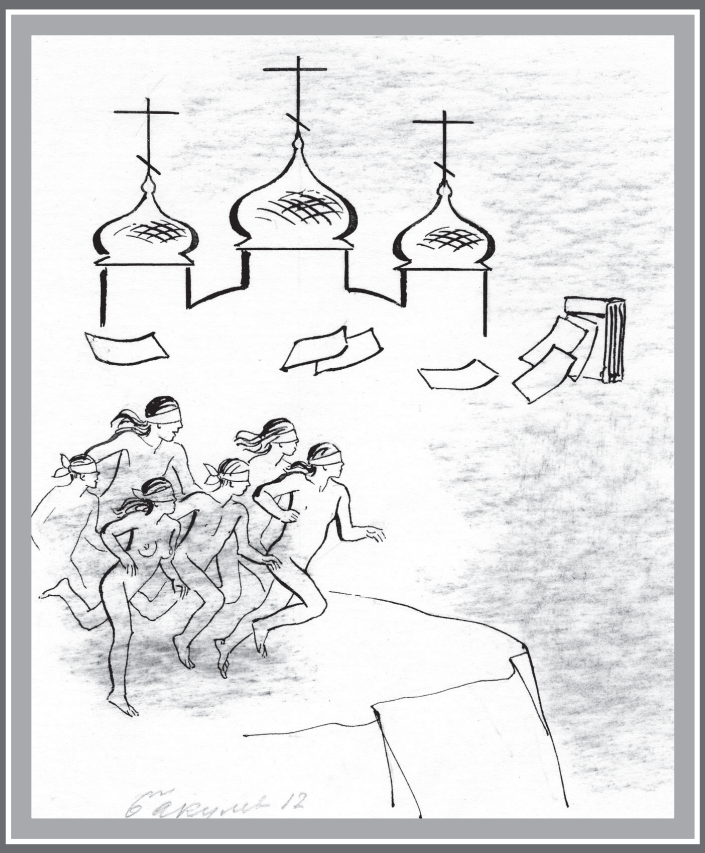
Д. МИЗГУЛИН: В основе стихотворений «Встреча» и «Фёдор Раскольников в Париже» положены реальные факты. Я считаю, что такие поступки просто нельзя прощать. Дантес убил человека – гордость страны, его приютившей... Как можно было потом убийце спокойно ходить по земле? Это даже непостижимо: кому пожимает руку Вяземский? – Убийце его лучшего друга Пушкина!

Пушкина, которого не уберегли. Не уберегли – наше всё... В итоге эта непринципиальность и нас сгубила, породила раскольниковых с их братишками. Отсюда начиналось наше моральное вырождение. Бунин – последний писатель – хранитель высокой дворянской культуры – хорошо понимал, к чему привели потом Россию наводнившие её легионы раскольниковых и пришлых дантесов. Поэтому для меня неприятие поступка Вяземского имеет принципиальное значение.

И. РЯБИЙ: Но ведь были у нас замечательные личности. На них держалась Россия – и сейчас ещё держится.

Д. МИЗГУЛИН: Да, например, Вадим Козин – популярнейший певец нашей страны! На эстраду пришёл ещё в двадцатые годы... Исполнял цыганские песни и романсы, произведения русских композиторов, свои сочинения. В сталинские времена его посадили, отправили в Магадан. Потом реабилитировали: свобода, катись на все четыре стороны, а он решил там остаться. Остался и жил... Занимался творчеством. Ездил, давая концерты вплоть до Якутии, в том числе и юбилейные, когда исполнилось шестьдесят, семьдесят, семьдесят пять... восемьдесят лет! Его ценили на Севере.

Я там был, когда открывал магаданский филиал «Инкасбанка». Посетил его музей-квартиру – крохотную хрущёвку. В ней он жил долгие годы ещё до знакомства с последней женой. Я разговаривал с ней, она приехала из Казахстана. Бывают же люди в хорошем смысле слова сумасшедшие... Так и она была помешана на его творчестве: разыскивала пластинки с записями, ставшие раритетными. Огорчилась, когда прочла в музыкальной энциклопедии, что Вадим Козин такого-то года рождения, выдающийся советский певец, замечательный исполнитель романсов, погиб, замученный в застенках сталинских лагерей. А тут, по-моему, за несколько лет до его восьмидесятипятилетия газета «Комсомольская правда» поместила статью о певце. И вот эта горячая поклонница замечательного тенора России едет в Магадан и обнаруживает его в каморке: он не просто существует все эти годы – творит! – пишет музыку...



Жил он тогда как раз напротив магаданского драматического театра. Так эта женщина его откопала, добилась для него более достойного жилья с холлом и местом для фортепиано, которое в старой квартире занимало всю площадь. Был он уже в преклонном возрасте, нуждался в помощи.

И вот наступил 1993 год – эстрадная мафия, что у нас всегда на плаву, решила отметить его девяностолетие. Чего я ненавижу в западнической манере, так это делание собственного «промоушена» на беде другого человека! На сцене магаданского театра, ещё сталинской постройки, с массивными колоннами, в стиле советского классицизма, «где толстозадые фигуры украсили лепной фасад», поставили огромный трон, развесили звёзды, приготовились созерцать фейерверки и с нетерпением ожидали юбиляра. Его уже помыли, побрили перед выходом, а он остановился на пороге своего дома, потом вернулся, сел за стол, выпил стакан водки, пошамкал да и говорит: «А ну их – не пойду... Не хочу!!!» К нему прибегали эстрадные знаменитости, уговаривали, убеждали, молили: зал собран – зал! А он – ни в какую! И всем понаехавшим эстрадникам, вместо ожидаемого пиара за чужой счёт, пришлось отдуваться перед зрителями за Вадима Александровича Козина. Вот, масштабнейший был человек! И он жил! Жил! В нашей литературе, в нашей культуре есть люди, которые легко уходят в затвор, потому что им интереснее оставаться наедине с собой. Они знают себе цену и цену этому шуму, что называют успехом, славой... Ведь мог же Козин вернуться в московскую тусовку ещё лет за тридцать пять до этого?

И. РЯБИЙ: Мог.

Д. МИЗГУЛИН: Но не вернулся! Меня поразил этот случай в Магадане...

И. РЯБИЙ: Ну а Вы-то сами, Дмитрий Александрович, смогли бы так поступить?

Д. МИЗГУЛИН: Да, наверное... Я скажу вам честно: никогда не любил участвовать в литературных тусовках: отнимают много времени и сил. Хватает различных других общественных обязанностей кроме основной работы. Считаю, что если есть у нас ещё время, то надо писать... Ведь после останется только то, что написал – и даже не то, что рассказал или подумал. Всегда нужно помнить: когда Господь призовёт тебя, Он в первую очередь спросит: «Я дал тебе талант, а что ты сделал?» Поэтому надо хоть рассказом, хоть стихотворением, хоть строчкой перед Ним оправдаться. Фёдор Иванович Тютчев правильно сказал: нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся...

И. РЯБИЙ: Многие живущие здесь поэты пишут о родном крае, Югре... Дмитрий Александрович, Вас греет эта тема?

Д. МИЗГУЛИН: Конечно, этот суровый край меня согревает. Но хочу сразу заметить, что надо стараться не воспевать внешний мир, а чётко следить за движениями собственной души, прислушиваться к самому себе. И тогда, если внимательно слушаешь, пропускаешь эту тему через себя, то и получишь в итоге то искреннее, свойственное только тебе как писателю. Это ничего, что твоё произведение кому-то непонятно. У художника должна быть всегда какая-то недосказанность, своя тайна...

Здесь в Ханты-Мансийске появилась у меня одна из главных поэтических книг – «Две реки». Две реки – ведь это образ слияния, в том числе и наших сибирских рек – Иртыша и Оби. В одном из стихотворений 2004 года «Вагончики. Сарайчики. Балки...» в финале тоже возникает образ-символ могучей сибирской реки, «что подо льдом течёт, изнемогая». Ханты-Мансийску посвящено стихотворение 2002 года «С зимой, похоже, всё в порядке...», оно тоже о наших российских проблемах.

И. РЯБИЙ: Дмитрий Александрович, перед нашей беседой я просмотрела большинство литературно-критических отзывов о Ваших произведениях. Практически все критики отмечают, что

Ваше художественное слово – публицистическое и поэтическое – обращено к отечественной традиции и не принимает ни модных форм, ни западных идей. Так, в предисловии к «Избранным сочинениям» 2006 года поэт и критик, член Союза писателей России Наталья Стручкова, в частности, отмечает: «Дмитрий Мизгулин продолжает лучшие традиции русской литературы – классическую линию. Это не означает упрощённого подхода к языку, но подразумевает природную языковую глубину». Кто стал Вашим учителем по большому счёту?

Д. МИЗГУЛИН: Считаю, что западники, в отличие от славянофилов, кроме пустых разговоров, не дали ничего, поэтому я люблю поэтов и публицистов-государственников, личностей славянофильской направленности в нашей словесности – Фёдора Тютчева, Юрия Самарина, Алексея Хомякова. Они знали в совершенстве русский язык, отечественную историю, которую нельзя отделить от православия.

И. РЯБИЙ: Не от этой ли увлечённости проснулся интерес к литературе?

Д. МИЗГУЛИН: Вы правы. Прозу стал писать с детства. Начал с самого серьёзного жанра – исторических романов. Первый из них – о французской революции – был написан на двенадцати общих тетрадях в клетку, по 48 листов, в мягкой обложке. О восстании Болотникова я уже писал в трёхкопеечных тетрадках. Но, к сожалению, всё сгорело дотла. Меня всё время тянуло к истории, её философскому осмыслению, и публицистике.

И. РЯБИЙ: А что подвигло писать Вас об Алексее Хомякове, заниматься славянофилами?

Д. МИЗГУЛИН: Литературный институт и подвигнул. Надо было читать много, знать русскую историю, культуру. А славянофилов я уважаю за их государственные интересы. Когда я учился

в другом вузе в советское время, на очном отделении мы проходили такую науку, как кибернетика. На лекциях тогда нам говорили о том, что существуют интересы личности, существуют интересы коллектива, существуют интересы государства. Вот славянофилы, с точки зрения сегодняшнего менеджмента, были людьми, которые мыслили категориями личности, коллектива и государства – широко и масштабно, соображали, другими словами, где мы живём. Западные интересы – интересы личности, а не общества, и во многом зациклены только на обогащении. Там думают цифрами, например, отдайте какую-то сумму, скажем, на вспоможение рождаемости детей – и сразу же положение в стране изменится в лучшую сторону. Но только одними деньгами проблему рождаемости не решить.

Когда мне было под тридцать лет, я прочитал философские статьи Тютчева, затем, обучаясь заочно в литературном институте, прочитал Хомякова, изучил биографию Юрия Самарина. Они жили и действовали органично. А что касается их противников – западников, мысливших категориями отдельной личности, категориями свобод, категориями равенства, то они много думали, как сделать так, чтобы все жили счастливо, и додумались: нужно уничтожить всех инакомыслящих! Ведь все западники бредили идеями французской революции.

И. РЯБИЙ: А как же Вы пришли к православию? Ведь начинали-то своё творчество с романа о Великой французской революции?

Д. МИЗГУЛИН: Наверное, гены прежних поколений. У меня не было в семье верующих. Отца я потерял рано. Его детство было тяжёлым. Когда началась война, моего деда призвали в армию, и отец в то грозовое время (жил он тогда с матерью в Поволжье) начал работать в колхозе с двенадцати лет. Получается, что, кроме работы, он ничего не видел.

Моя мама, я не сказал бы, что она была набожной, что воспитывалась в религиозных традициях. Нет, она выросла в семье рабочих. Время её рождения – 1928 год – год наступления во-

инствующего безбожия в нашей стране. Но вот мать моего отца, моя бабушка, была из потомственной семьи священников. И мой прадед, и мой прапрадед, и мой прапрапрадед были священниками. Последний из нашего рода священник – это двоюродный брат моей прабабушки. Он закончил своё служение Богу за границей в середине 90-х годов прошлого века, в должности протодьякона в православной русской зарубежной церкви, что располагалась в пригороде Сиднея. В 2004 году я побывал в ней.

И. РЯБИЙ: Да, гены, но можно сказать, что Вы восприняли духовность нашей отечественной классики?

Д. МИЗГУЛИН: У нас великолепная литература – и проза, и поэзия, и публицистика. Считаю, что русская словесность внесла вклад, равный по духовной ценности древнегреческой философии. Я был в разных странах, заходил в книжные магазины и везде видел переведённые на другие языки книги Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Антона Чехова. Русская литература по сравнению с любой другой, конечно, поучительна. У нас она – школа нравственности.

И. РЯБИЙ: А Пушкин?

Д. МИЗГУЛИН: Здесь разговор особый... Читая Пушкина, вырабатываешь в себе человека... Как можно быть воспитанным на его произведениях – и не быть христианином? Поэтому-то он – «наше всё»!

Когда большевики пришли к власти и отняли у народа Бога, то взамен выдали по тому сочинений Пушкина. До трагической даты – столетия со времени гибели на дуэли Александра Сергеевича – было недалеко... Желая привязать классика к своей идеологии, государство готовилось отметить эту скорбную дату большими изданиями пушкинских произведений. Наш мудрый народ их прочёл – и вновь стал обретать в себе Господа. Ведь православные взгляды художника можно обнаружить везде – в лирике, эпосе, прозе, драматургии, публицистике...

И. РЯБИЙ: А Вы сами к какому роду литературы больше тяготеете? Только ли к одной поэзии?

Д. МИЗГУЛИН: Стихи осознанно начал писать с 1978 года, но всегда себя считал прозаиком. Проза просто довлеет надо мной. Поэзию всегда воспринимал как временное прибежище. Я всегда думал: вот сейчас побегаю на лыжах, времени мало, отзанимаюсь спортом и сяду за прозу... А затем – вот сейчас закончу институт, вот сейчас отслужу в армии... Ведь написать рассказ – это проблема времени: нужен день, два, три... Всерьёз за прозу принялся тогда, когда понял, что никогда не соберусь, если не начну писать прямо сейчас. Это были 1988–1989 годы.

И. РЯБИЙ: Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» сказал примерно следующее: зорко только сердце, самого главного глазами не увидишь... А у Вас, кроме сердца, это главное воспринимают и зрение, и слух, оттого-то он и скорбный.

Д. МИЗГУЛИН: Так названа одна из моих книг. Вроде бы и строчка случайная... Почему скорбный слух? Да потому, что не слышим слова молитв, не обращаемся сами к себе... Есть (преимущественно в среде нашей интеллигенции) ещё худшая беда: на православие смотрят как на модную тему для разговора. Получается в результате ещё больший грех: подтаскиваем к себе молитву, а не поднимаемся к ней... А ведь каждый из нас – сосуд избранный Господа! А мы забыли и про это, и про заветы предков. Зато смотрим телевизор... А ведь есть икона, предохраняющая от искушения телевидением...

Не слышим мы, не понимаем главного... Отсюда – и скорбный слух.

И. РЯБИЙ: Дмитрий Александрович, получается, что скорбите Вы по всей нашей России?

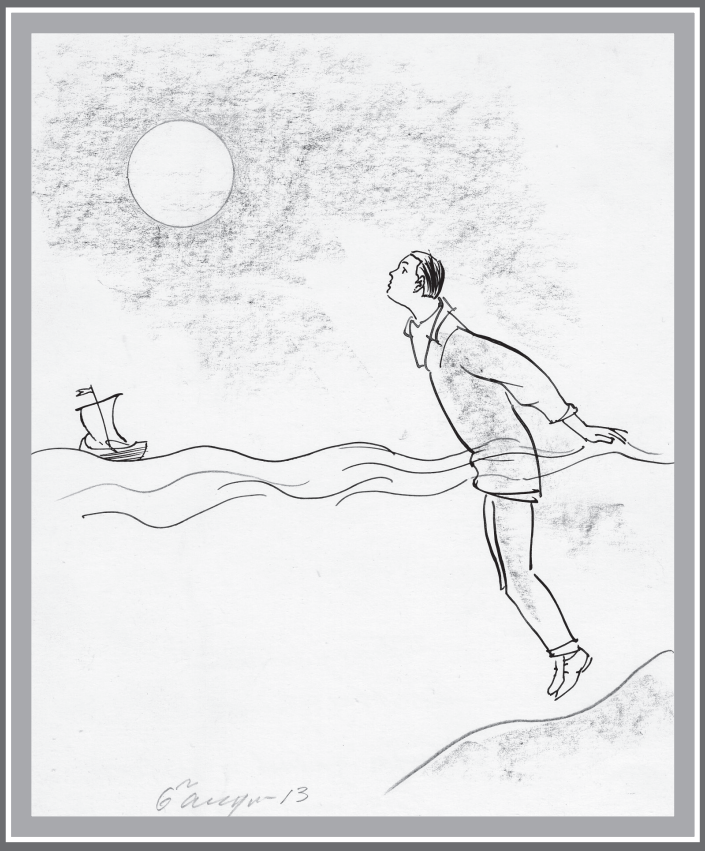
Д. МИЗГУЛИН: Вопрос сложный. Любовь к Родине – эта целая наука: традиция, язык, религия, генетика – совокупность духовного и материального... всего не перечислишь, да этого и не надо. Разве можно объяснить логически, чем является для нас Россия? Главное, что Отчизна у каждого из нас в душе и сердце. Русский человек всегда славился своей отзывчивостью на чужое горе, будь это соседняя деревня или далёкий Гондурас.

Стоит только вспомнить нашу братскую помощь социалистическим и развивающимся странам или вклад в победу на той войне, что стала для нас народной.

Что такое Россия значит для нас – наверное, не стоит задумываться. Вот учёные-католики стали с помощью науки доказывать существование Иисуса Христа. А тут не доказывать надо, а верить! Это мне напоминает случай с сельским батюшкой, который произошёл тогда, когда полетел первый человек в космос. Пригласили священника в соответствующие органы и напутствовали: «Скажи на проповеди, что Гагарин летал, а Бога не видел». Батюшка исполнил всё, как велели, а от себя лишь добавил: «...а Господь видел Гагарина и благословил его!» Не скажу, как я определяю Отечество, какими понятиями. КАК ЧУВСТВУЮ, ТАК И ОПРЕДЕЛЯЮ. Читайте – и узнаете.

И. РЯБИЙ: Удачи Вам, Дмитрий Александрович, во всех Ваших добрых начинаниях!

Д. МИЗГУЛИН: Спасибо!



БАНКИР. ПИСАТЕЛЬ. МЫСЛИТЕЛЬ

Беседу вёл Алексей ПРОСКУРИН

А. ПРОСКУРИН: Дмитрий Александрович, Ваш банк является одним из крупнейших региональных банков страны. А Вы, как мне кажется, единственный в России банкир, активно занимающийся поэтическим творчеством…

Д. МИЗГУЛИН: Давайте сразу внесём ясность. Я не являюсь владельцем банка, и наш банк – это не частная организация. Ханты-Мансийский банк – акционерное общество, основной собственник которого – государство. Порядка 92-х процентов принадлежит автономному округу в лице Департамента по управлению госимуществом ХМАО. Поэтому я просто наёмный менеджер…

А. ПРОСКУРИН: Но, может, это и к счастью…

Д. МИЗГУЛИН: Может, и так. Тут уж, что кому Бог на роду написал: кому-то быть собственником, кому-то – управляющим. Поэтому я не могу называть себя крупным бизнесменом. Управляющий – это будет точнее.

Пригласили на работу меня в 2001 году. За это время банк прошёл путь от организации, которая обслуживает финансовые потоки бюджета, до нормального универсального рыночного кредитного учреждения. Шесть лет назад у нас было активов около

8 миллиардов, сейчас более 70-ти, практически рост в 10 раз. Но самое главное – произошло замещение бюджетных средств: если в 2001 году они у нас составляли свыше половины активов, то на сегодняшний день сведены к нулю.

Если говорить о банке, то он насчитывает более 100 отделений в округе и за его пределами, порядка 300 банкоматов, около двух миллионов человек ежегодно пользуются нашими услугами.

Вкладчиков более 600 тысяч, в банке открыто около 30 000 расчётных счетов юридических лиц. В организации работает 2500 человек.

В ближайших планах – усилить позиции за пределами Ханты-Мансийского автономного округа, прежде всего в тех городах, где у нас уже имеются филиалы – Новосибирске, Тюмени, Санкт-Петербурге. В других регионах будем также активизировать свою работу по созданию новых подразделений, в том числе и за счёт приобретения готового бизнеса.

А. ПРОСКУРИН: Согласно рейтингам, Ваш банк занимает 2-е место в стране…

Д. МИЗГУЛИН: Это в целом, но если говорить о региональных банках… Сейчас у нас и «Внешторгбанк» стал крупнейшим региональным банком, в том смысле, что он теперь зарегистрирован в Санкт-Петербурге, на втором месте, наверное, «УралСиб», третий – «Ак Барс» из Казани, мы – следующие. Достаточно хорошая, устойчивая позиция.

А. ПРОСКУРИН: А как Вы стали писателем?

Д. МИЗГУЛИН: А я всё время занимался литературой. Сколько себя помню – всегда что-то писал. И когда жил в Питере, посещал литературные объединения, постоянно находился в творческой среде. Первая публикация состоялась в 1980 году, 27 лет назад, то есть я уже ветеран литературного движения.

А первая публикация в литературном журнале «Молодая гвардия» была в 1984 году.

Правда, первая книга вышла сравнительно поздно, в 1993 году, уже после того как заочно окончил Литературный институт. Руководителем творческого семинара был Александр Петрович Межиров.

Но, однако, я вовсе не единственный представитель писательского сообщества, ставший банкиром. Если посмотреть на русскую литературу, то это вовсе не есть нечто уникальное.

Выйду на пенсию – обязательно соберу сборник, в котором авторами выступают банкиры или люди, так или иначе причастные к управлению финансами. Их очень много на самом деле.

А. ПРОСКУРИН: Лично я знаю только министра финансов при Александре II Александра Агеевича Абазу.

Д. МИЗГУЛИН: Начать можно и пораньше. К примеру, с Гаврила Романовича Державина, потому что он был министром юстиции и президентом коммерц-коллегии. Иван Иванович Дмитриев, известный баснописец, был прокурором.А возьмём такого известного поэта, как Бенедиктов. Он дослужился до директора поста Заёмного банка. Пётр Андреевич Вяземский проработал какое-то время замминистра просвещения, а потом несколько лет трудился в должности, аналогичной нынешней должности директора Государственного банка. Фёдор Иванович Тютчев – известнейший государственный чиновник, правда, по линии МИДа. А уж такой классический случай, как вице-губернатор Салтыков-Щедрин, не упоминаю даже. Лев Николаевич Толстой был одним из крупнейших русских землевладельцев, Писемский имел несколько доходных домов в Петербурге...

В русской традиции многие писатели являлись весьма успешными деловыми людьми. Просто мы в СССР никогда не обращали внимания на биографические данные, почему-то было принято эти факты не замечать. Писатель нами воспринимался преимущественно как литературный факт. Пушкин, Достоевский, Бунин...

То есть я хочу сказать, что соединение в моём лице литератора и банкира – это не какая-то удивительная сенсация.

Конечно, в советское время у писателей была возможность, – пускай не у всех, а у некоторых, – зарабатывать на жизнь гонорарами. Многие служили в писательских организациях, в журналах работали, в издательствах...

А. ПРОСКУРИН: Понятно, но, тем не менее, в нашей нынешней современности мы других примеров банкира, вышедшего из писательского цеха, пока не знаем.

Д. МИЗГУЛИН: Может, не раскрываются просто люди. К тому же значение литературы сейчас резко упало. Раньше литература являлась, может быть, основным фактором общественного звучания, Евтушенко мог собирать стадионы слушателей.

А. ПРОСКУРИН: Мне кажется иногда, что причина – в изменении привычной модели русской жизни, русского космоса, в котором всемогущей власти противостояла интеллигенция, прежде всего литература и публицистика. Власть управляла, угнетала и карала, литература указывала на ошибки, защищала и призывала к милости, иногда, когда дозволялось, почти открыто, иногда с помощью разнообразных Эзоповых средств.

Что же произошло сейчас? Сейчас часть функций русских профессиональных оппозиционеров-писателей перешла в руки политической оппозиции. Надежды и чаяния народа в поисках альтернативных ответов теперь связаны прежде всего с нею. Возможно, именно поэтому произошло падение интереса к литературе и, следовательно, к писателям.

Д. МИЗГУЛИН: Безусловно, вы правы. Кроме этого, существует более или менее свободная публицистика, появился, в конце концов, Интернет.

И литература в её прежнем понимании вообще перестала существовать... Может быть, это и правильно. Наверное, литература не должна подменять собой прессу или политическую оппозицию.

С другой стороны, литература перестала быть насущной потребностью, что очень печально, ведь данный путь мы проделали всего за каких-нибудь двадцать лет. Мне кажется, это самое трагичное веяние эпохи. Как только люди перестают читать, они перестают думать... А к примеру, сидит человек у телевизора – просто тупо смотрит. В это время в него впихивают заранее подготовленные блоки, и думать уже не надо ни о чём…

А. ПРОСКУРИН: Мне кажется, что наша нынешняя власть совершает знаковую ошибку. Ведь творческая единица большого масштаба по своей мощности эквивалентна оружию массового поражения. Один Солженицын чего стоил в своё время. А пока идёт процесс деградации, теряется школа. Да, телевидение, зависит от текста, для любого фильма должен быть написан сценарий…

Где же сейчас русский человек? В космосе? На экранах российского ТВ или в кинотеатрах? Пусть не на эпическом полотне, но хотя бы в жанре научной фантастики? Почему в стране, в которой вот уже много лет о своей любви к России и патриотизме не кричат разве только из водопроводных кранов, мы вынуждены лицезреть, вместо Ивана и Марьи, подвиги Джона и Бекки на какой-нибудь затерянной во вселенной планете? Теряется школа, всё-таки ведь были большие мастера…

Д. МИЗГУЛИН: Литература, хорошая литература, она поливариантна, непредсказуема, сюжет нельзя разгадать до последней страницы, в отличие от опусов нынешних «телелитераторов». Именно поэтому люди учатся думать, мыслить нестандартно. А сейчас только фильм начался – уже можно предсказать, кто умрёт, а кто останется победителем.

А школа… что ж, школа теряется не только в литературе. Возьмём, к примеру, производство. Хороший завод – это три поколения... Три поколения рабочих, не говоря уже о научно-техническом персонале. Недавно в одном проекте понадобились сварщики, так по всей России не смогли набрать двухсот специалистов необходимой квалификации.

Я говорю не о семейственности и наследственности, а о таком факторе, как преемственность. Вот эта вот преемственность прервалась и на производстве, и в правоохранительных органах. Прервалась она и в литературе.

А. ПРОСКУРИН: А удаётся Вам сейчас следить за литературным процессом? Ведь раньше, помимо того, о чём Вы уже сказали, страна всегда знала, кто у неё писатель. В обществе существовала иерархия ценностей, и люди знали, кто является хорошим писателем... Другая часть общества, правда, официальных хороших писателей не признавала, но зато почитала писателей запрещённых, то есть и в этой части так или иначе существовала иерархия восприятия.

Условно говоря, люди знали, что Петров – великий писатель, Иванов – выдающийся, а Сидоров – просто хороший. Сейчас даже следа такого знания в обществе нет. Существовали раньше какие-то литературные лагери, борьба между которыми реально определяла нерв жизни общества…

Д. МИЗГУЛИН: А вы знаете, мне кажется, что пока лагери бились друг с другом, постепенно побеждала масскультура. Борьба лагерей просто перестала интересовать общество.

А. ПРОСКУРИН: Я бы даже сказал шире: общество перестало интересоваться борьбой идей.

Д. МИЗГУЛИН: Совершенно верно, и это как раз связано с тем, о чём мы говорили выше, люди перестают думать, перестают интересоваться отвлечёнными идеями и образами. Человек сидит и смотрит на популярных ведущих TV, которые то суп варят, то анекдоты травят…

А. ПРОСКУРИН: «Менты», «агенты национальной безопасности», «волкодавы», разнообразные «жмурки» – всё это, безусловно, нужно. Можно даже с удовлетворением констатировать, что в этом жанре мы Америку догнали и, возможно, даже перегнали…

Д. МИЗГУЛИН: Безусловно, нельзя сказать, что всё умерло. У нас читают же люди – детективные, например, романы. Но ведь этого катастрофически недостаточно. Большая литература, к слову сказать, как раз и отличается от массовой культуры тем, что в ней присутствовал Герой... Просто если мы говорим о литературе, в которой должна быть реальная жизнь, реальный современник, то где эта жизнь и где этот человек?

А. ПРОСКУРИН: Вот есть передача «Дом»…

Д. МИЗГУЛИН: Да, «Дом» и есть прекраснейшая иллюстрация состояния нынешней российской прозы – сидят люди и бессюжетно о чём-то говорят. Что-то делают, что-то едят, умываются, в туалет ходят… И смотрят ведь, смотрят…..

Вот Некрасов писал, что он мечтает о времечке, «когда мужик не Блюхера и не милорда глупого – Белинского и Гоголя с базара понесёт». Да не понесёт он их…

Ведь советская власть, она чем была сильна? С одной стороны, разрушала храмы, но, с другой, строила Дома культуры. И самое главное – культура насаждалась. Считалось престижным быть начитанным, иметь книги, выписывать журналы, быть в курсе новостей культуры, обсуждать эти события.

А. ПРОСКУРИН: Согласен, быть культурным – одна из вершин советской системы мотивации… Вроде как сейчас иметь «шестисотого мерина» или посещать закрытые VIP-клубы.

Д. МИЗГУЛИН: Совершенно верно. Статус человека во многом определялся уровнем его культуры. И после вопроса, например: «Вы читали имярека?» – и соответствующего ответа или не ответа отношение к собеседнику могло серьёзно измениться…

Словом, как бы мы ни говорили, как бы ни рассуждали, хорошее надо вбивать, вколачивать в умы и сердца. Плохое – оно и само привьётся.

А. ПРОСКУРИН: А профессия банкира или, скажем так, менеджера банка, она как-то меняет личность?

Д. МИЗГУЛИН: А как изменить личность? Мне кажется, это вообще невозможно. Я работаю в банковской системе с 1991 года.

А. ПРОСКУРИН: Но всё-таки Вы пришли в эту профессию уже сложившимся человеком. И что, никаких изменений? Ничего не поменялось в этике? Всё-таки профессия и должность достаточно конфликтные, в российском менталитете банкир-это…

Д. МИЗГУЛИН: Почему, собственно, должны быть конфликты? Мы же не занимаемся чем-то противозаконным. Не обираем вдов, стариков и детей. Просто в советское время профессия банкира воспринималась достаточно своеобразно. Как у нас карикатуры всегда на банкиров рисовали? – С большим животом, в цилиндре… С сигарой… И обязательно его красноармеец – в пузо штыком. Почему-то считалось, что именно банкиры – это самое исчадие ада.

А. ПРОСКУРИН: Да и сейчас, я сужу по собственным беседам и интервью, в среде профессиональных менеджеров-производственников это мнение широко распространено. Существует даже термин такой – «отечественный производитель», который как бы подчёркивает, что есть отдельные сегменты в классе собственников или управленцев, которые отличаются друг от друга по степени своей паразитичности…

Д. МИЗГУЛИН: Ну да, то есть банкиры – это конченые люди. Можно быть капиталистом, но банкир – это же крайняя степень одичания… В реальной жизни это, конечно, не так.

На самом деле банковская система России была фактически производственной. Это такая же сфера услуг, как и все остальные, как торговля или автосервис. Только мы работаем с деньгами. К нам ведь кто приходит? Обычные люди. Большинство банков

работает с чистыми деньгами, а не собирает их из сферы наркобизнеса.

Приходят люди, кладут средства, получают процент. Другие люди в виде кредитов эти деньги берут. Фактически банки занимаются перераспределением финансовых ресурсов. То есть осуществляют ту же работу, что и Минфин, когда работает с бюджетом. И во многом это инвестиционная, то бишь производственная, деятельность.

А. ПРОСКУРИН: Но Минфин не взимает проценты…

Д. МИЗГУЛИН: А служащие коммерческих банков не оплачиваются из бюджета…..

Кстати, тут никто особенно не наживается. Если сейчас посмотреть на банковский бизнес, то рентабельность активов – полтора-два процента.

Это просто у нас так в России сложилось, что некоторые банки раньше работали с огромными объёмами финансовых ресурсов на фондовых площадках, то есть в известном смысле вели деятельность в спекулятивном ключе, на рынке «коротких» денег.

А. ПРОСКУРИН: Но всё-таки это же реальность, факт, как говорится…..

Д. МИЗГУЛИН: Это во многом происходило и происходит потому, что нет государственной программы, которая позволяла бы работать с размещением средств на длительный период. Банки в основном сейчас проводят операции с деньгами обычных людей. А ведь человек, как правило, не кладёт их надолго. Существует в то же время целый ряд финансовых инструментов, которые рассчитаны как раз на большой срок. Например, средства инвестиционного фонда или те деньги, которые мы в Америку отправили…

А. ПРОСКУРИН: Вы имеете в виду так называемый Стабилизационный фонд?

Д. МИЗГУЛИН: И его тоже. Фактически это именно те самые «длинные» деньги, которые сегодня изъяты из нашей экономики.

А. ПРОСКУРИН: Кстати, «Экономическая и философская газета» одной из первых предложила разместить средства Стабилизационного фонда у нас в стране...

Д. МИЗГУЛИН: Конечно, и эти средства должны работать на российскую экономику. Ну где же логика, когда весь Стабилизационный фонд мы держим в Америке, а наши госкорпорации имеют долг под 400 миллиардов долларов, в том числе перед зарубежными инвесторами. А они, то есть фактически государство, занимают средства под значительно больший процент, чем тот, под который мы размещаем Стабфонд за рубежом.

Вот и получается, что банки и, как следствие, реальный сектор экономики лишены «длинных», инвестиционных денег. Отсюда и политика большинства кредитных организаций. Если тебе дали деньги, скажем, на год – куда ты их денешь? Предположим, захочешь прийти с этими ресурсами на предприятие. Но кто возьмёт кредит на один год? Такой вариант подойдёт для организаций торговли, строительства. Производственники же, с их длительным циклом, в лучшем случае могут пустить данный заём на оборотные средства. А уже на контракт, связанный с покупкой оборудования, требуются другие сроки и соответственно должны быть другие деньги.

В то же время продолжаются полномасштабные заимствования за рубежом. Это же неправильно.

В итоге у нас поток инвестиций идёт из-за границы, естественно, в соответствующие отрасли. Ведь зарубежный капитал не станет поддерживать наукоёмкие сферы, а будет вкладываться в сырьевой сектор, в фондовый спекулятивный рынок, чтобы быстро обернуть деньги. Вот такая политика.

Потому, возвращаясь к теме банков, – они в данном случае в глазах общества просто являются мальчиками для битья. Сложилось мнение, что именно кредитные организации – наиболее па-

разитирующий сегмент экономики. На самом деле они заложники ситуации и проводимой политики.

Ведь смысл существования банковской системы, как я его понимаю, состоит в решении триединой задачи: во-первых, это перераспределение финансовых ресурсов в экономике, поддержка инвестиционной деятельности, во-вторых, и обеспечение качественными банковскими услугами населения – в-третьих.

А. ПРОСКУРИН: И всё-таки Ханты-Мансийский банк, несмотря на сказанное, продолжает активно работать с клиентами, в том числе в рамках различных инвестиционных проектов.

Д. МИЗГУЛИН: Работаем мы в основном с промышленными организациями, среди которых есть окружные, а есть предприятия, находящиеся за пределами Югры. Мы не обслуживаем нефтяные корпорации. Наша ниша – это структуры жилищно-коммунальной сферы, транспортные и строительные предприятия, организации сферы услуг. Вот базовая клиентура банка, плюс физические лица.

Могу сказать, что только за последние пять лет Ханты-Мансийский банк инвестировал в экономику региона свыше 80 млрд. рублей. Практически половина кредитного портфеля финансовой организации, который сегодня составляет более 35 млрд. рублей, приходится именно на вложения в реальный сектор.

Ханты-Мансийский банк по структуре капитала государственный, поэтому наша работа направлена на проекты, способствующие росту экономики округа, который влечёт за собой создание новых рабочих мест, повышение уровня благосостояния населения, улучшение жизни граждан. Давно прошли те времена, когда банки считались исключительно институтом по зарабатыванию денег, получения прибыли. Во всём мире кредитно-финансовые учреждения – это мощный двигатель для дальнейшего экономического роста. Как я уже сказал, далеко не все предприятия имеют достаточно оборотных средств для модернизации производства.

На сегодняшний день с нами на постоянной основе сотрудничают крупнейшие предприятия региона и страны: ЗАО «Нижневартовскстройдеталь», Югорский лесопромышленный холдинг, АК ЮТэйр, ОАО «Хантымансийскдорстрой», ЗАО ВНСС, Югорская территориальная энергетическая компания, ГП «Севералтодор», ООО «Севералтотранс», ОАО «Балтийский завод», страховая компания «Югория», «Северная верфь», РКК «Энергия», киностудия «Ленфильм», ФГУП «Почта России» и многие другие.

А. ПРОСКУРИН: А насколько активно банк участвует в решении проблем населения, в том числе одной из главных – жилищной?

Д. МИЗГУЛИН: На сегодняшний день это один из приоритетов нашей деятельности. Ханты-Мансийский банк активно работает в рамках окружного закона «Улучшение жилищных условий населения ХМАО на 2005–2015 годы», в рамках реализации которого организацией выдано кредитов более чем на 11 млрд. рублей. Кроме того, предлагаем собственные ипотечные программы.

До конца года мы сформируем данный портфель объёмом в 13 млрд. рублей, что позволит банку удержать лидирующее положение как в регионе, так и в УрФО. Считаю, что развитие ипотечных проектов имеет стратегически важное значение. Их реализация связана с привлечением профессиональных трудовых ресурсов, развитием территорий за счёт расширения производственных мощностей, внедрением новых технологий, созданием рабочих мест для молодёжи. Но при этом наш банк не ограничивается только лишь кредитованием населения.

Мы создаём технологическую цепочку, включающую все этапы подготовки, строительства и эксплуатации жилья. Банк кредитует застройщиков, создаёт специальные комбинированные продукты, стимулирующие производство жилья и позволяющие концентрировать денежные средства населения для конкретных проектов, участвует в инвестиционных программах по возведению новых и модернизации существующих объектов жилищно-коммунального хозяйства.

А. ПРОСКУРИН: То есть всё-таки получается, что Вы активно участвуете в производственной деятельности…

Д. МИЗГУЛИН: А все банки участвуют. Большинство банков – трудовые. Особенно региональные, потому что не работают с «бешеными» и грязными деньгами. Может быть, в Москве есть какие-то особенные кредитные структуры, которые работают с «левыми» финансовыми потоками и мутными схемами, у которых постоянно отзывают лицензии, в провинции их практически нет.

Кроме того, банковская сфера – это наиболее прозрачная сейчас часть экономики. Банки, наверное, единственные из хозяйствующих субъектов, которые уже сегодня работают по международным стандартам отчётности. В этом смысле кредитно-финансовая сфера стоит на шаг впереди всей экономики с точки зрения открытости и транспарентности.

А. ПРОСКУРИН: Бывая в провинции, ощущаю, что энергия есть, её намного больше, чем в Москве, и качество её намного выше. Но в то же время провинция к принятию решений фактически не допущена, особенно после реформы Совета Федерации. И получается, что, за исключением Питера, который, конечно, никакая не провинция, русская энергия мало востребована в нынешней России.

Д. МИЗГУЛИН: Согласен, в провинции накоплен огромный потенциал, его, безусловно, следует привлекать к постановке и решению общефедеральных проблем.

Я хоть сам отчасти и питерский (учился и начинал там работать), но верю в Россию за пределами Садового кольца и Невского проспекта. Раз мы сумели преодолеть 90-е, преодолеем и следующее десятилетие.

ИНТЕРВЬЮ

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН: «В ОСНОВЕ ЛЮБОЙ ЭКОНОМИКИ – ЧЕЛОВЕК!»

Журнал «Большая медведица», февраль 2012

Каково состояние современной литературы и книгоиздания, находят ли сегодня отечественные авторы своего читателя, нужны ли поэтам, прозаикам и критикам профессиональные конкурсы, должны ли власть и бизнес активно взаимодействовать в решении одной из главных национальных проблем – возрождении российской культуры, грамотности и словесности? На эти и другие вопросы отвечает Дмитрий Мизгулин – поэт, президент Ханты-Мансийского банка, депутат Думы ХМАО-Югры, общественный и государственный деятель.

– Дмитрий Александрович, Вы выступили одним из главных инициаторов и организаторов проведения литературной премии Уральского Федерального округа, каковы, на Ваш взгляд, главные цели таких мероприятий?

– Сразу отмечу, что не стоит воспринимать литературные конкурсы, как всего лишь попытку материального поощрения талантливых писателей и поэтов. Прежде всего, это механизм моральной мотивации творческих людей, это признание профессиональным сообществом их заслуг, это, наконец, стимул для покорения новых вершин. Уже на протяжении нескольких лет мы выступаем организаторами целого ряда различных по масштабам и территориальному охвату конкурсов. Наиболее значимыми и авторитетными на сегодняшний день являются международные литературные премии «Югра» и «На встречу дня!» имени Бориса Корнилова. Без

сомнения свой конкурс должен быть и у писателей федерального округа. Поэтому, когда с такой инициативой к нам обратилось Уральское представительство главы государства, мы откликнулись и поддержали данный проект.

– В обществе бытует мнение, что современная отечественная литература в упадке. Ваша позиция, как писателя, это действительно так?

– Это не совсем верно. И сегодня есть достойные продолжатели традиции русской культуры, есть те, кто развивает их, другое дело – нет единой государственной политики, нацеленной на поддержку чтения и книгоиздания. Коммерциализация этого процесса наносит огромный вред настоящей художественной литературе, оставляет за порогом книжных магазинов тех, кого в будущем могли бы назвать классиками, снижает интеллектуальный уровень тех, кто ещё берёт в руки книгу. И потом мы удивляемся поступкам и жестокосердию современной молодёжи? Глупо ждать прогресса от непросвещённых людей, лишённых культуры. Просвещённого человека не надо учить уважению и любви к другим людям, не надо учить той самой пресловутой толерантности, ему не надо талдычить, что нельзя разрушать исторические и культурные памятники. Но, глядя на сегодняшний мир, возникает чувство, что тьма наступает повсеместно. А мы тут энергосбережением увлеклись. Света надо больше. Просвещённости…

К счастью, пока ещё не всё так безнадёжно. К примеру, как поэт я часто изучаю творчество коллег на специализированном интернет-портале «Стихи.ру». На сегодняшний день там опубликовано свыше 13 миллионов произведений! Там более 360 тысяч авторов. Конечно, не всякий, из тех, кто разместил на сайте свои опусы, является поэтом, но можно утверждать точно, что каждый из них любит поэзию или, во всяком случае, тянется к ней. Парадокс: стране нужны станки, а люди пишут стихи. И так было всегда в России. Вот хорошо это или плохо? Видимо любовь к слову мощная составляющая той самой загадочной русской души!

– А как Вы сами пришли в литературу?

– Сложно сказать, пишу с самого детства. Сколько себя помню, я всегда пытался что-то писать, даже исторические романы. Во мне временно молчит, можно так сказать, прозаик. Был период, когда я за два-три года написал цикл рассказов. Но проза требует больше времени. Работа, как это не прозвучит странно, оставила мне время только на поэзию. И я абсолютно убеждён, что всякий хороший прозаик – это, на начальном этапе, всегда поэт. Позволю себе такое сравнение: проза – это стайерская дистанция, а поэзия – это своего рода спринт. Но можно быть хорошим бегуном, как на стометровке, так и на марафонской дистанции. Однако чтобы пробежать стометровку тебе потребуется несколько секунд, а на марафонскую дистанцию – несколько часов. Теперь, что касается литературы и её влияния. Моё первое детское воспоминание – это книжный шкаф. Книжный шкаф, как огромный загадочный мир. И я с раннего возраста помню академические собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, Чехова, Жуковского… Книга была неотъемлемой частью жизни, культуры, мировосприятия. Именно книга развивала в человеке образное мышление. Телевизор такого не даёт. Человек, глядя в экран, поглощает готовые штампы. В результате – он деградирует. Сегодня, заходя в дом, в современную семью, мы видим полки, заставленные DVD-дисками, на которых может не быть ни одной книги. Человечество без чтения, без образного мышления обречено на смерть. Я это уже не раз говорил в различных интервью. И с моей точки зрения, развитие литературы определяет развитие нации.

– И всё-таки, Дмитрий Александрович, Вы известный экономист, возглавляете ведущую за Уралом кредитно-финансовую структуру, руководите бюджетным комитетом в парламенте стратегически важного для страны региона, занимаете огромный ряд общественных должностей… И кроме всего этого Вы – профессиональный поэт, выпускник Литературного института. Как всё удаётся совмещать?

– Когда мне задают этот вопрос, вспоминаю замечательного поэта Сергея Острового. Он как-то написал: «И я подобно малым детям забыл, впадая в разнобой. Что можно быть и тем и этим, но нужно быть самим собой». Нужно быть самим собой и не задаваться вопросом: что у тебя в жизни самое главное. Это сегодня редкость, когда деловой человек читает книгу. Иные представители власти и бизнеса, бывает, признаются, что они книг не читают, что слушают только аудиодиски, когда в аэропорт едут. Но я не понимаю, как можно «Войну и мир» прослушать? В лучшем случае только «Каштанку». В русской культуре литература, образование всегда были приоритетны.

Люди, занимавшие несоизмеримо более высокие посты, чем я, были прекрасными поэтами. Могу вспомнить Гаврилу Романовича Державина, который поработал и министром финансов, и губернатором, и генеральным прокурором при Екатерине II. На этом посту его сменил Иван Иванович Дмитриев – известный баснописец. А Пётр Андреевич Вяземский возглавлял один из государственных банков. Директором банка также был Бенедиктов – известнейший поэт, в прошлом отважный офицер, участник Отечественной войны 1812 года. У него даже стихи есть, посвящённые каким-то банковским делам. Голенищев-Кутузов, известный поэт – тоже банкир. А в 1904 году Нобелевскую премию по литературе получил Хосе Эчегерай – президент национального банка Испании, а до этого министр финансов Испании. И он же – прекрасный стихотворец и драматург. Его портрет, кстати, украшал песеты – испанские банкноты.

Образованность была присуща деловым людям. Это сейчас того, кто прочёл «Войну и мир», считают, чуть ли не космонавтом – настолько он редок. Я всегда говорю: уважайте человека, сделайте его просвещённым, сделайте его образованным – и тогда всё будет ему по плечу. Хотите построить самую передовую экономику в мире, он построит! А с униженными и оболваненными у вас ничего не получится. В основе любой экономики – человек!

ПОЭТ, ФИНАНСИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НОВОЙ РОССИИ

Дмитрий Александрович Мизгулин – поэт, президент Ханты-Мансийского банка, депутат окружной Думы, общественный и государственный деятель. В канун своего 50-летнего юбилея он ответил на вопросы главного редактора журнала «Невский альманах» Владимира Скворцова.

– Дмитрий Александрович, как Вам удаётся совмещать бизнес, политику и творчество? Для нас это большая загадка. Я читал Ваши стихи и восхищался, настолько они искренние, по-настоящему проявляется дар Божий! Ваши стихи – это не «поделки» от скуки или мимоходом, это – настоящая литература. Многих удивляет многогранность Вашего таланта! Когда же Вы всё успеваете?

– Мы живём в интересный век. В своё время было написано в пьесе Мольера «Тартюф» о том, как героя обучали грамоте. Помните, один учёный его учил писать, другой – читать, и когда он вмешивался в чей-то спор, то кричал: «Как вы можете не соглашаться с этим великим учёным, который не только читать, но и писать умеет?» Я к тому всё это говорю, что нынешний уровень грамотности населения, в том числе у представителей элиты, упал настолько низко, что сегодня, когда задаётся вопрос: «Какую в последнее время книгу читали?» – некоторые из них отвечают, что вообще не читают книг, а только «слушают их по аудиодиску, когда едут в машине». А раньше не было ничего удивительного, когда люди находились на какой-то крупной государственной должно-

сти и занимались творчеством. Есть классические примеры, Гавриил Романович Державин. Он был прокурором России, а потом, кстати, министром финансов и являлся прекрасным поэтом. Его на должности прокурора сменил Иван Иванович Дмитриев, который был известным баснописцем. Если брать классических финансистов, которые работали в банках, например, и в русской поэзии, самый яркий пример – это Бенедиктов. Его первая книга вызвала большой фурор, при этом он был отважный офицер, прошёл финскую компанию 1808 года, Отечественную войну 1812 года. Сегодня русская поэзия немыслима без Бенедиктова.. Вторая фамилия – это Пётр Андреевич Вяземский. Помимо того, что он был сенатором, заместителем министра народного просвещения, он ещё и возглавлял один из крупнейших банков страны, был директором Государственного заёмного банка. Два профессиональных банкира, которые возглавляли крупнейшие государственные кредитные учреждения России и были яркими поэтами: Бенедиктов и Вяземский. Если брать мировую литературу, есть такое имя – Хосе Эчегерай. В Испании даже была купюра «песет» с его изображением. Он был министром финансов и председателем Национального банка Испании, при этом являлся известнейшим испанским драматургом, кстати, стал лауреатом Нобелевской премии в 1904 году «за возрождение испанской драмы».

– А не было у Вас сомнений – поступать, скажем, не в финансово-экономический, а на филфак или в Литературный институт?

– Я заочно литературный институт закончил, но это было позже. А когда думал о профессии, то выбирал нечто среднее между гуманитарными науками и науками точными. Хотя сначала поступил в электротехнический институт связи, ныне Университет телекоммуникаций. А потом уже перешёл в финансово-экономический институт. Я выбрал эту профессию и всю жизнь ею занимался… Теперь о литературе. Дело в том, что сегодня литературный процесс, как мне кажется, разрушен. Он разобщён и с точки зрения изданий, и с точки зрения книгораспространения, и с точки зрения

взаимосвязи с читателем. В Советском Союзе была тесная связь между читателем и писателем, целая система работала. И читатель активно общался с писателями без всякого там Интернета. Сегодня, с одной стороны, литературный процесс разобщён, однако, с другой, у меня есть глубокая убеждённость, что поэзия как жанр литературы будет востребована больше, чем что-либо другое. Потому что поэзия – она дискретна. Прочитать небольшой текст, 8-10 строчек, хоть в книге, хоть в Интернете, когда заходишь на сайт поэзии, – это много времени не отнимет, а удовольствие получишь от хороших стихов. И если мы говорим, что сегодня в России всё в кризисе: машиностроение, спорт, политика, здравоохранение – всё находится в удручающем положении, то, честно скажу, поэзия находится на подъёме! Я, когда захожу на сайт, там более 50 000 посещений в сутки. То есть, люди заходят, люди пишут. А это – желание людей. Что такое поэзия, как её определяют? Это стремление русского человека достучаться до небес! Русский человек понимает, что, достучавшись до Бога, он может не получить счастья, может быть, даже не получит радости, но, тем не менее, он ломится в эти двери, лезет по этой лестнице. Так что мы с вами не в безнадёжной находимся ситуации. Это открытие, эта встреча не принесёт финансового благополучия, морального облегчения, тем не менее такое стремление в людях есть. Мы сегодня видим, что у стихотворных сайтов огромная популярность. Это вселяет надежду на то, что мы ещё живы и будем жить. Я думаю, что благодаря таким изданиям, как «Невский альманах», литература будет поддерживаться. И поэзия, считаю, как ни странно, как ни смешно, она перспективна, потому что прозу читают тяжелее. Я не представляю сегодня человека, который может взять и прочитать Сервантеса. Нынче, правда, всё упростилось. То есть, ты берёшь толстую вроде бы книжку, например, известной телеведущей, о том каким мылом она вчера мыла руки, а там шрифт такой крупный – для слабовидящих. В сознание современного человека может не лечь роман, может не лечь повесть, может не лечь рассказ, но стих ложится стопроцентно, поэтому я считаю, что поэзия сегодня – это очень перспективное направление литературы. Она живёт.

– Как в подтверждение Ваших слов могу сказать, что шлют нам стихи со всех уголков огромной России: с Дальнего Востока, с Крайнего Севера, пишут наши соотечественники, которые уехали за границу, присылают свои стихи, и я поражаюсь, что стихи-то на очень хорошем уровне, а фамилии часто незнакомые.

– Я хочу учредить ещё одну премию для русских писателей, которые живут за рубежом. У меня, вообще, была идея издавать альманах, связанный с русским зарубежьем. Мы должны поддерживать языковое пространство. Сегодня катастрофа русского языка заключается в том, что он устраняется из жизни. Если раньше он был языком межнационального общения, то сегодня ты с болгарином, чехом, поляком, узбеком, казахом, эстонцем общаешься на английском.

– Поддерживать, может быть, не только тем, чтобы они там печатались, а здесь издавать, например, журнал «Зарубежная литература в Петербурге». И тогда люди, которые пишут за рубежом, смогут присылать в электронном виде свои произведения, мы выпускаем раз в полгода журнал «Зарубежная литература в Петербурге» и организовываем рассылку.

– Что бы мы ни говорили, но зарубежного русского читателя нет как такового. Писателям важно, чтобы их читали здесь, в России. Мы все участники единого литературного процесса. Сегодня исход русских из России едва ли не выше, чем был тогда в 1917–1918 годах. Раньше уходили армейские подразделения, уцелевшие в гражданской войне, уезжали аристократы, учёные… Скоро будет годовщина пражской эмиграции, когда Прага приняла большое количество русских учёных, которых выдворили за пределы России в 1921 году. Но... сегодня-то выезжают люди рабочих профессий, очень много простых людей, даже пенсионеры… Мы не говорим об этом, но на самом деле факт, что исход русских из России – это очень тревожная тенденция, которую никто не изучал, которая на самом деле идёт очень большими темпами. Русские оставляют

свою родину – это факт... Странно, что его никто не замечает, что его никто не комментирует, и делают вид, что этого нет, как обычно у нас всегда бывает.

– Что мы должны сделать в России, чтобы начался обратный процесс?

– Я считаю, что наши руководители разных уровней должны понять и для себя принять решение, что они всё-таки руководят самой лучшей страной в мире и самым лучшим народом. Пока не наступит это осознание, у нас не будет ничего: ни экономики, ни промышленности, ни культуры. Президент любой африканской страны никогда не скажет, что у него плохой народ и плохая страна. У нас самый лучший народ в мире, у нас самая лучшая страна в мире, у нас самая лучшая история в мире!

– Если даже с очень хорошим человеком общаться как с негодяем, относиться к нему как к животному, он станет очень плохим для того, кто с ним так общается, кто к нему так относится.

– Если по телевизору каждый день говорить, что мы дураки, что мы не умеем работать, что мы ленивые, что мы хронические идиоты, что у нас не было истории, что у нас не было культуры, что у нас не было языка, чему мы тогда удивляемся? Закономерно, что человек выходит на улицу и бросает в ноги прохожим окурок или выплёвывает жвачку. Мы всю нашу пропаганду построили на уничижении человеческого достоинства, когда людей оторвали от культуры, людей оторвали от традиций. Сколько раз я был за рубежом, и везде, обязательно выступает национальный ансамбль. Всегда спрашиваю: «Кто это? Профессиональные артисты?» «Нет, это водопроводчики, это слесари, это народные коллективы». В западных странах идёт насаждение национальной культуры. А у нас человек оторван от культуры, ему эту культуру не дают, ни народную – ни какую. Дают блокбастер, да и кормят его отбросами. Мы сегодня в одном православном хозяйстве получаем молоко и

творог. Но дети не пьют это молоко и не едят этот творог, потому как они тяжело переносят запах: им кажется, что пахнет навозом. Люди уже отучены от натурального продукта. Они привыкли к порошку. Катастрофично то, что мы накормили народ вот этими ненужными вещами, так называемыми «культурными ценностями». Я считаю – это великая трагедия. Как мы сегодня можем жить лучше? Прежде всего, наши идеологи и пропагандисты должны без ума полюбить свою Родину, свой народ, какой бы он ни был – это, во-первых, а во-вторых, народ не должен отрываться от истоков. Он должен быть культурным, просвещённым. Прекрасное русское слово: просвещение. А когда я прихожу в церковь со своим старшим сыном, и он глядит на икону Фёдора Ушакова и не знает, кто это... Регулярно идёт ревизия истории. А если народу на самом верхнем, среднем, нижнем уровне постоянно втемяшивать в голову идею о его неполноценности, что мы хотим завтра получить? Если прививать народу комплекс неполноценности, то мы будем получать только Манежную площадь... Мы живём в многонациональной стране, но мы всегда со всеми жили дружно. Возьмём такой факт: зайди сегодня в любой книжный магазин. Посмотри на полки. Ты найдёшь книгу армянского автора, переведённого на русский язык, или азербайджанского? Или киргизского? Или белорусского? Или украинского? – Нет ничего! Это же политика. У нас на полках испаноязычная литература, англоязычная. Америка заполонила всё! Ребята, а где Украина? Что, на украинском перестали писать? Что, на армянском перестали писать? На узбекском перестали писать? Куда всё это делось? И не надо говорить, что это – рынок. Это – государственная политика. Если государство будет продолжать проводить такую политику, что мы завтра получим? Почему мы общение между народами передали на уровень людей, которые стоят на самом низу социальной лестницы – на рынке. А где деятели культуры? Где они? Вы видели хоть раз, чтобы к нам приехал украинский театр оперы и балета на гастроли? Или белорусский театр драмы? Или таджикский Театр комедии? Мы уничтожили это межнациональное общение.

– А что, если раз в год выпускать книгу с названием «Литература народов России»?

– Прекрасная будет книга. Вы знаете, что все национальные литераторы, включая Чингиза Айтматова, в мировую литературу вошли через русский язык. Никто не переводил с киргизского на английский, или с казахского на французский. Все переводили с русского. И путь в мировую литературу был всегда через русскую литературу, через русский перевод. Русская переводческая школа была. Я вспоминаю мою первую учительницу литературы Наталью Грудинину, которая переводила северную поэзию. Они все в мировую литературу попадали – с русского языка. Это всё уничтожено сегодня. И если целенаправленно уничтожается дружба народов на уровне общения литератур, культур, извините, а как мы хотим получить дружбу народов, когда люди делят прилавок? Государство ушло из области просвещения, государство ушло из области культуры. Сегодня я встречаюсь с чехами, встречаюсь с болгарами – мы сегодня уже не общаемся на русском языке, мы общаемся через переводчика по-английски. Очень горько, но это так.

– У Вас было такое ощущение, что стихи мешают работе, жизни? Лично мне в студенческие годы казалось, что они мне мешают, я бы лучше учился – а тут стихи пишутся, и не отвязаться. Времени много отнимают.

– Нет. Я всегда считал поэзию временным пристанищем. Я всегда мечтал и писал прозу. Но на прозу не хватало времени, потому что проза – это серьёзная вещь. Как пишутся стихи? Вот моя записная книжка, их у меня здесь много, я записал строчку, и они живут в строчке, а потом наживляешь, как бусинки. Строчка приходит неожиданно. Например, «ни топора, ни каши» – есть у меня такое стихотворение. Помните, как солдат из топора кашу варил? Я написал: мы родину довели до того, что у нас теперь ни каши нет, ни топора. Я не согласен с Ахматовой, когда она написала: «Когда б вы знали, из какого сора...» На самом деле не из

сора, а любая строчка – это Божественное провидение. Всё даёт Господь. У меня есть такие стихи, что кто-то произошёл от Бога, а кто-то от обезьяны. Я считал, что самое главное в моей жизни – это проза. Но жизнь сложилась так, что пока нет времени на прозу, рождаются стихи. И написалось за всё это время достаточно большое количество. И, оглядываясь назад, уже думаю, что, может быть, это и было главным предназначением. У меня есть такое стихотворение: *«Лучше жить сегодня и сейчас, Как на исходе, Быть может, твой последний час Уже проходит»*... И я ушёл в поэзию. А рождается она из строчек, обрывочков, которые стараюсь записывать.

– Вы наверняка знаете о том, что Институтом мозга много лет руководила Наталья Бехтерева. А Вы слышали о том, что она, выступая по телевизору, говорила примерно следующее: всю жизнь я посвятила изучению мозга. Там нет ума. В мозге ума нет. Нет вычислительного центра. И приходим к выводу, что у одних людей есть способность подключаться к какому-то высшему разуму, к какому-то информационному полю, у других таких способностей нет. У одних это идеально происходит, у других – с помехами, и поэтому – то прозрение происходит, то нет. Подобное не только она утверждает, многие учёные. Что Вы об этом думаете?

– Я так же думаю, что мы – только передатчики. Приёмники... Я считаю, что любому человеку даётся всё. Любому человеку дана дорога... Трагедия величайшая была в жизни русского народа – революция, но крестьянина оторвали от земли и послали его в космос. А сейчас его оторвали от земли и послали в пивной ларёк. Советская власть рушила храмы – это плохо, но советская власть в каждой деревне строила дома культуры, библиотеки. А сегодня есть храм, но внутреннего наполнения нет. Потому что человек выходит с этой «телевизионной пропагандой» и понимает, что он живёт в самой плохой стране с самой отвратительной историей...

– Значит, мы, литераторы, должны эту ситуацию изменить.

– Литература – это великая вещь. Я очень люблю поэзию Бориса Корнилова. Мы говорим: «30-е годы, культ личности». А ведь жили люди. И, когда читаешь его стихи, начинаешь понимать, что это было не только время репрессий, это было время любви. Это было время созидания.

– Для любого поколения в любую эпоху «всё только начинается».

– Я сегодня пишу, просто записываю факты. Вот, например, жена Владивостокского губернатора (у неё профессия написана «актриса Владивостокского драматического театра») заработала 38 миллионов рублей за год – больше, чем Дженнифер Лопес. А губернатор ничего не заработал. Вот уровень общества, в котором мы сегодня живём. И если будет такое отношение к собственному народу и к собственной истории, то не будет ничего в нашей стране – ни самолётов, ни пароходов. Пока мы не достигнем уровня самоуважения, пока наши идеологи не скажут: «Мы руководим самой лучшей страной в мире», «в нашей стране живут самые лучшие в мире люди». Вот тогда у нас будут победы и в хоккее, и в биатлоне, тогда мы будем строить океанские лайнеры и космические корабли. Тогда у нас будет всё!

– И люди, которые сегодня убегают за границу, начнут возвращаться.

– Они начнут возвращаться в страну, где их любят, где их ждут. В той же Чехии в официальном порядке проживает чуть ли не до 50 000 русских. Сегодня обо всех говорят, но никто не говорит об исходе русских из России. Библейский исход. Ладно, мы говорим, олигархи выезжают, но с олигархами выезжают их семьи. Тот, кто стрижёт пуделя у олигарха, – тоже уезжает. Самый простой пример: в прошлом году Нобелевскую премию получили два русских

учёных – это факт. И по какому пути мы пошли? – Мы строим под Москвой Сколково. Причём, мы все знаем и многие из нас видели, что в Новосибирске есть целый Академгородок с учёными, с людьми, с инфраструктурой. И без Сколкова не проехать по Москве. Почему даже страны слаборазвитые, типа Бразилии или Пакистана, столицы переносили? Не надо перегружать столицу дополнительными функциями.

– Как писатели могут в этом помочь, чтобы народ зауважал себя? Я считаю, что надо больше рассказывать о достойных людях России. У меня рубрика есть в журнале: «Достойные люди России».

– Что меня всё время удивляло за рубежом? Попадаешь в страну – у них огромное количество памятников. Они даже не всегда помнят, кто это. Но каждый достойный человек у них всегда чем-нибудь отмечен: мемориальной доской, например. А у нас… Мы живём в городе, где жил Чайковский. Что, у нас Дом-музей есть Петра Ильича Чайковского? Кто защищал город во время войны? Маршалу Говорову у нас памятник есть? Если мы сейчас начнём считать памятники литераторам, то выяснится, что большая часть их была поставлена при царизме. А почему нет памятника Тютчеву? Я получил бумагу от Фонда культуры: «Мы хотим поставить памятник Пушкину в Праге». 15 миллионов рублей! – Это будет чуть ли не 8-метровый Пушкин. Слушайте, давайте не будем ставить 8-ми метрового Пушкина в Праге, давайте поставим бюстик Тютчева в Питере. Я очень люблю этого замечательного поэта. А Лев Николаевич Толстой жил в Санкт-Петербурге? То есть, если мы возьмём литературную карту города, то мы с ужасом увидим, что у нас отмечены памятником не многие деятели литературы. Я уж молчу о музеях.

– Зато «новые русские» своим умершим котам ставят памятники.

– Но это он сам заработал деньги. Мне понравилось интервью с одним продюсером. У него спрашивают: «Как вы можете – такие песни поют?» Он говорит: «Я и работаю на потребу. А мораль, это дело государства. Пусть они этим занимаются. Это к ним вопрос!» Это «они» и должны решать эту роль: заградительную, защитную. Вспомним Советский Союз. Иметь книгу – это было престижно. Престижно было подписаться на «Новый мир». Престижно было поговорить о книжной новинке. И на Западе сегодня также престижно пойти на концерт классической музыки. Здоровый образ жизни – это считается нормой. А у нас что престижно: бутылка пива, сигарета, наушники в ушах, потому что мы все рабы. Десталинизация – вот у нас сейчас самый главный вопрос. Других важных вопросов нет!

– Десоветизация. А ведь это, как я вижу по факту, умерщвление стариков, которые и в войну победили, и страну восстанавливали.

– Кажется, что у нас сейчас самая главная проблема в стране – Сталин. Коррупция – это Сталин, самолёты не летают – Сталин, электричка опоздала – опять Сталин виноват. Это уже смешно. Вы отвечайте за свои проблемы. Беда в том, что некоторые не понимают международной ситуации: как только нас заставят признать Сталина таким же человеком как Гитлер, с нас точно также потребуют репарации. Скажут, что имеет место факт оккупации, потребуют деньги. Сегодня политика десталинизации – это политика ревизии итогов Нюрнбергского процесса – вот что это такое. Это ревизия всей нашей Победы.

– Какие Ваши новые книги ждать в ближайшем будущем?

– Это – книга стихов. Накапливается и проза. У меня вышла книга – «Ночник». Она у меня фрагментарная, дневниковые записи. На большее времени не хватает. Например, нас во время последней поездки арестовали в Греции… Полиция. За превышение скорости. Штраф – 300 евро. Но, если ты его заплатишь в течение

трёх дней, то плати половину, если в течение недели – то 300, если просрочишь – 600. И я прихожу к выводу: ведь все наши клерки ездят за рубеж перенимать передовой опыт. Почему они этот опыт не внедряют в России? Версии две: либо они равнодушные люди, либо знают, что такое хорошо и что такое плохо, и делают плохо. Другого нет…

Я считаю, что народ у нас в стране золотой. Процессы, которые происходят в государстве и наша пропаганда его портят. Посмотрите, сколько людей мы пропускаем через тюрьмы в современной России. Сколько людей сидит за пустяковые преступления! Мы прогоняем через этот круг огромную часть молодёжи, которая, попадая туда, уже нормальной не выходит. Но генетическая память в народе настолько глубока! Я приведу в пример Крещение. У нас в Ханты-Мансийске 19 января каждый год народ едет купаться – очередь, в прорубь не попасть. И нигде нет рекламы – это не концерт Филиппа Киркорова, не хоккейный матч. Огромное количество народа. Это как золото – оно лежит где-то там, на глубине 5000 метров – оно уже покрылось каким-то слоем, но внутри оно осталось золотом. Не переделать русский народ. И то, что русский народ как был крестьянином в глубине души, так он и космос осваивал по-крестьянски. Мы космос освоили, как огород, в отличие от других. И какое бы ни приходило руководство с новыми веяниями – оно всё будет «обламываться». Я больше чем уверен: главное нам – не перевалить за критическую массу, когда инородного будет больше. Когда захламлена языковая среда, культурная среда – это самое страшное. Вообще считаю, что космос – наш, русский. Колумб открыл Америку – значит, она испанская, Кук открыл острова в Тихом океане – они Английские. А космос наш – русский. Обратите внимание, как скромно прошло 50-летие полёта Юрия Гагарина. Почти никак. Даже медальки никакой не выпустили.

– Откуда такая самоуверенность у людей, которые внезапно, вдруг, откуда ни возьмись, приходят к власти? Так было в 1917 году, в 1991 и позднее…

– Самоуверенность идёт от недостатка ума, культуры и низкого профессионализма, а также от пренебрежительного отношения к своему народу. Самоуверенность прорастает только на базе дремучего невежества. Как говорил Сократ: «Я знаю только то, что ничего не знаю». А у нас каждый чиновник уверен, что знает и может всё!

– Какое-нибудь одно стихотворение. Из последних.

* * *

Как грустно на Родине милой:
Пустеют и стынут поля.
И вместо героев – дебилов
Рождает родная земля.

Бескрайние наши погосты,
Унылые наши дожди…
Причины пленительно просто
Нам всем объяснили вожди:

Мы с вами – простые холопы.
Ни жить не умеем, ни пить,
Не с нами им выйти в Европы,
Не с нами им мир удивить...

И всё у нас разом отняли –
Очнулся Федот – да не тот...
И только великий Гагарин
Вершит свой бессмертный полёт.

Придумайте новые веды,
Крутите историю вспять,
Но этой великой победы
У нас никому не отнять!

Мерцают тяжёлые росы,
И солнце восходит в зенит,
Кто первый открыл этот Космос,
Тому он и принадлежит.

И пусть наши думы – о хлебе,
И в душах царит непого́дь,
Но в русском блистательном небе
Живёт милосердный Господь.

Я с этой победой родился
И в жизни своей непростой
Трудился, крестился, молился
Под русской советской звездой.

Вершится неравная битва,
Тускнеет в тумане звезда,
Но русская наша молитва
Услышана будет всегда...

Д. Мизгулин

КАК МОЖНО ПРОЙТИ МИМО БОГА?

10 сентября 2016 известный поэт, Лауреат премии Правительства России, президент Литературного фонда «Дорога жизни» Дмитрий Мизгулин отметил своё 55-летие.
Газета «СЛОВО» встретилась с этим ярким и неординарным человеком.

– Дмитрий, в твоей книге «НОЧNIK» (СПб, 2010) прочитал: «Спросят иногда – как вы пришли к Богу? А мне удивительно наоборот. Как можно пройти мимо?» Мы с тобой ровесники, в одно и то же время сдавали зачёты по научному атеизму. Зачем Советская власть вела русский народ мимо?

– Зачем? Люди захотели стать богами на земле. Советская власть обожествляла человека. Об этом в моей заметке «Политическая лирика Ф.И. Тютчева». Процитирую сам себя: «В отрицании «иллюзий», то есть традиционных исторических, божественных, духовно-нравственных начал, в приоритете материального начала в мировосприятии Тютчев видел причину будущего распада европейской цивилизации. Поистине пророчески предсказывая грянувшие в XX веке события, он предположил, что дальнейшее движение и развитие этого направления мысли способно привести Европу к состоянию варварства, не имеющего ничего себе подобного в истории мира, и в котором найдут себе оправдания всяческие угнетения». И далее: «Это дальнейшее выполнение всё того же дела – обоготворения человека человеком, это всё та же человеческая воля, возведённая в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный». Тютчев сказал гениально. Удивительно, что Фёдор Иванович недооценен у нас как глубинный русский ум.

Вообще, коммунизм – это «вершина» всей западной мысли, которая обожествила человеческое я. Советская власть реализовала западную мысль в России.

– Зачёты по научному атеизму ты как сдавал?

– На пятёрки.

– Я тоже – на пятёрки.

– Самое интересное, что в наше с тобой время, воинствующего атеизма уже не было. Он стал научным. Не было прямых гонений на верующих, церквей уже не рушили...

Следует сказать, что Советская власть разрушала храмы, но возводила Дома культуры. Насаждала культуру. Большевики оставляли людям Пушкина, Тютчева, Чехова... И благодаря этому мы сохраняли себя в общемировой культуре. Сегодня же на фоне общих разговоров о духовном возрождении этот блок из нашего духовного развития изъят.

– Что делать, чтобы современная молодёжь, студенты не прошли мимо? Когда: «...И в цепких сетях Интернета / Блуждает душа наугад».

– Помнишь: «Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха, что такое хорошо, и что такое плохо?» Вот скажи мне: нож – это хорошо?

– Хорошо, им можно нарезать хлеб.

– А можно зарезать человека. Не Интернет плох сам по себе – всё, что создано на свете, создано Господом Богом. Ведь написано: «Без Мене не можете творити ничесоже...» В Интернете можно найти прекрасные фильмы, передачи, сайты... А можно искать одну порнографию... Человеку и тут Господь даёт свободу выбора.

О том, что делать, чтобы молодёжь не прошла мимо, в первую очередь должно думать государство. Самое главное в стране – не нефть, не газ, не Вооружённые силы... Самое главное богатство – человек. Каким будет духовно-нравственный, физический потенциал человека, которому жить завтра, через 20 лет – это главная забота государства. Важнее не геологоразведка, а разведка месторождений духа. Если не будет человека, нам не нужны станут ни нефть, ни газ. Если мы не научим молодёжь ценить прекрасное и высокое, что есть в нашей стране, у нас будет не страна, а неизвестно что.

– Государство должно возложить на себя функцию «подведения» молодых людей к Богу? Звучит неожиданно...

– А кто? Как государство регулирует дорожное движение? Есть красный цвет, есть зелёный... Есть порядок движения. Без него был бы хаос. В аптеке мы читаем аннотацию к лекарству, узнаем о побочных явлениях. Государство за этим следит! Оно контролирует то, что мы едим и пьём, какие предметы материального быта потребляем. Государство следит за тем, как строятся дома. Какой должна быть толщина перекрытий. Почему же государство не должно контролировать духовную сферу? Следить за нашей духовной пищей. Почему некоторые государственные деятели пытаются внедрить в школы сексуальное образование, и выступают против «Основ Православия»?

– Потому что веру в Бога считают частным делом.

– Это – идиотизм. Тезис про «частное дело» насаждают люди, которые имеют свой взгляд на жизнь. И Господь попускает это. Как Он попустил врага человеческого, определив границы зла, за которые врагу не перейти.

В человеке есть божественное начало и земное начало. Эти начала всегда будут биться внутри него. Государство не должно давать возможности человеку проявлять свои самые худшие качества.

– Православие – государственная религия в Финляндии, Греции… В России такое возможно?

– А почему нет? Не надо этого бояться. Государство финансирует театры, телевизионные каналы, осуществляя тем самым государственную политику. Мы можем открыть свой театр, свой канал – это будет нашим частным делом. Есть частные и государственные школы. В государственных школах должна быть обязательная программа, государством утверждённая. Для чего? Для того чтобы мы получали полноценных членов общества. Если стране нужны Чкаловы, Маресьевы, Калашниковы, Туполевы – это одна ситуация. А если только обходчики газопроводов – другая. Вот и всё.

Проблема Советской власти в том, что она воспитала человека с мировоззрением, который смог прийти и свергнуть Советскую власть. Нынешняя власть видимо учла это и сейчас воспитывает людей в материальных инстинктах. Зачем? Чтобы легче было управлять.

Раньше мы сдавали макулатуру и покупали редкие книги. Читали их. Сейчас нас приучают покупать вещи. Быть потребителями.

Если государство не даёт человеку образования, оно лишает его возможности наслаждаться Чеховым, Чайковским, Рубенсом, высшими культурными и духовными достижениями.

– Что в твоей жизни появилось раньше: вера или поэзия?

– Всё появилось естественно. Стихи я писал – как себя помню – всю жизнь. Вера пришла.

Чем отличается человек от животного? Каждому человеку дано знание о Боге. Животному – не дано. У слона, обезьяны, собаки – его нет. Другое дело: верует человек или не верует. Я всегда чувствовал себя частью огромного мира русской культуры. А она насквозь православна. Тот, кто живёт в русской культуре, не может быть атеистом. Рано или поздно он придёт к вере. Были писатели заблуждающиеся, но и они приходили к Богу. Даже Толстой, хоть он и написал своё евангелие. Его книги насквозь православны.

Атеист, это равнодушный к Богу человек, он не против Бога. Против были воинствующие атеисты. Атеист пройдёт мимо храма, но увидит в нём объект культуры. У культурного человека никогда не возникнет желания храм взорвать. Когда мы с тобой были атеистами, мы против Бога не выступали. Сдавали зачёты, и внутри себя переживали о разрушенных храмах.

– Из книги «ДВЕ РЕКИ» (М, 2004): *«Бежим за сумрачной столицей, / Которую попутал бес, / И ждём заморских инвестиций, / Как раньше жаждали чудес».* Ты веришь в чудеса? Они случались в твоей жизни?

– Конечно. Чудеса случаются постоянно. Разве не чудо что мы родились, и стали писать стихи. Нас ведь никто поэзии не учил. Разве не чудо, что мы встретили любимых женщин, потом на них женились? Потом пошли дети... Вся жизнь из чудес. Старцы призывали внимательнейшим образом изучать свою жизнь, потому что всё, что нам посылает Господь – не случайно.

Надо уметь видеть чудеса. Чудо – это не явление Деда Мороза. Чудо не в том, чтобы в один момент получить миллион долларов...

Вот тебе чудо. Был момент – я хотел прибить крест над входом в свой дом. С полгода ходил и сам себе напоминал – надо прибить, надо прибить... И всё никак не прибивал. Однажды прихожу домой, а у меня на пороге лежит гвоздь. Я взял его и прибил крест. Разве гвоздь – это не чудо. Кто его положил, или обронил? Случайно, или преднамеренно?

Надо уметь видеть эти маленькие чудеса. Радоваться им. Как и всей жизни. А мы часто переживаем из-за того, что кто-то получает зарплату больше нашей.

– Из той же книги: *«Не включай телевизор, не трогай, / Молча пусть этот ящик стоит, / И дыханье свободы и Бога / На мгновенье тебя посетит».*

Но ведь не факт, что «посетит». Наверное, кроме выключенного телевизора нужно ещё что-то?

– Нужна тишина. В тишине человек начинает думать. Освобождается от внешнего воздействия и сосредотачивается в себе.

Китайцы выращивают карликовые деревья. Заплетают их, извивают... И из нормального земного растения вырастает неизвестно что.

Человек тоже прорастает как зерно и растёт. Реагирует на внешние условия. Не всегда внешнее воздействие имеет знак плюс. Сегодня часто – минус. В результате человек тоже заплетается, извивается...

Понятно, что кроме тишины нужно ещё стремление к Богу. Желание – чтобы посетил…

– Как поменять знаки? Есть какой-нибудь мизгулинский рецепт?

– Чтобы разрушить народ, нужно лишить его героев. Люди воспитываются на примерах. Должны быть герои – спортсмены, лётчики, конструкторы... Для нас герои Великой Отечественной войны не были абстрактными фигурами, у нас с тобой воевали родственники. Сегодня – когда главной целью жизни ставятся деньги – кто герои? Они есть, но и о них – боевых офицерах, солдатах, ученых, инженерах, спортсменах, даже артистах – не говорят. Не показывают труда до седьмого пота артиста – сегодняшнего «героя». Показывают внешний блеск, мишуру, модные вещи, которые подаются как смысл жизни. Но смыслом жизни не могут быть штаны. Или часы. Или счёт в банке. Это глупость...

Зайди в Московском парке победы на аллею дважды героев Советского Союза и Российской федерации и расскажи об их подвигах. Не сможешь, потому что не знаешь. И я знаю только Косыгина, Уланову... Об остальных – ничего. В этом и есть катастрофа нации. А ведь люди совершили подвиги – за просто так Звезду героя не давали.

Нам о каждом героическом поступке должны рассказывать в школах.

– Снова из той же книги: *«Как второсортное кино, / Чужие сны смотреть устали. / Чужие помыслы давно / Как будто соб-*

ственными стали». А какие наши, собственные помыслы? Откуда они должны прийти?

– От Бога, конечно. Стихи одного моего знакомого поэта стал исправлять редактор. Автор возмутился, говорит: мне эти строки Господь нашептал. Редактор смеётся: Господь тебе шептал всё правильно, но ты Его не правильно услышал. Может быть, уши не мыл. Понимаешь, да. Господь ведёт по правильному пути, но человек может с него свернуть, он имеет право выбора.

В истории Валаама был такой период, когда монастырская жизнь там только начала возрождаться. И у причала – справа продавали иконки и свечечки, а слева разливали пиво и водку, под шашлыки и пирожки. И люди приезжали на Валаам за разным. Так устроена вся наша жизнь.

– Какой слух должен быть у человека, чтобы слышать Бога правильно...

– Всё очень просто. Надо исполнять заповеди Божии. Припадать к таинствам Церкви – исповедоваться и причащаться. Вот и всё.

– Ещё стихи: *«Молчат деревья, камыши, / Молчит село. Молчит дорога. / Но зреют в глубине души / Слова, которые от Бога».* У каждого, наверное, «зреют» по своему… Как «зреют» у тебя?

– Как зреют... Я постоянно думаю. Я не знаю, как другие люди живут, но ты тоже, скорее всего, постоянно думаешь. Слова зреют в думах. В диалоге с собой, в переживаниях.

Вот приходят в голову две-три строки... Надо успеть их записать. Записал... Потом попил чаю, подумал – и написал стихотворение. Черновики Пушкина исчирканы все, а Тютчев писал практически без помарки. Сидел в Министерстве иностранных дел – на заседании коллегии или в комитете по цензуре – и писал. Вокруг о чём-то говорили... А он напишет, и листок на пол. А чиновники потом подбирают эти крупицы разума, читают, что он написал.

У всех творческий процесс идёт по-разному. Но я абсолютно убеждён, что всё что происходит, происходит по воле Бога.

– *«И слышно в лунной тишине, / Как тихо снег пошёл... / Никто не вспомнит обо мне / И это хорошо».* Схожий мотив в других твоих стихах: *«Здесь нынче такие сугробы, / Что путника скроют вполне, / Здесь так мне захочется, чтобы / Забыли бы все обо мне».*

Почему – хорошо? Почему – чтобы забыли? Разве поэт пишет не для того, чтобы помнили, вспоминали?

– Кто-то из классиков писал, что люди, у которых не возникает потребности побыть одному – очень подозрительны. Одиночество объективно необходимо любому мыслящему человеку. Чтобы собраться с мыслями, что-то глубоко продумать...

– Телефон не звонит – это одно дело... Но чтобы забыли!

– Конечно, это временное желание.

Ты в этот мир пришёл один, ты из него один и уйдёшь. И ответ перед Богом будешь давать, лично... Ты же не соберёшь друзей, не скажешь: Давайте вспоминайте какие мы там добрые дела делали... За свои поступки в отношении других людей тоже будешь отвечать сам. Как наставляет священник перед исповедью: Говорить надо только про себя и про свои грехи. Всё чётко и ясно.

Одиночество необходимо человеку, чтобы прийти в себя. Остаться наедине с собой. И с Богом. Это абсолютно нормальное стремление каждого нормального человека.

– В таком случае нужно добавить: На время забыли…

– Да, согласен. Хотя об этом можно и догадаться.

– Заинтриговали строчки из книги «КАК БУДТО ЖИЗНЬ ЕЩЁ НЕ НАЧИНАЛАСЬ...» (СПб, 2009): *«Какая красота, ка-*

кой простор – / Всё слажено и сложено в природе. / Стихает бесполезный разговор / О правде, о свободе, о народе...» Почему бесполезный?

– Потому что он ведётся уже тысячи лет. Смысла в нём нет, если не говорится о Боге.

– Если «всё слажено и сложено» может быть, человеку вообще не стоит что-либо делать?

– Господь Бог создал человека, как составную часть природы. Сын Божий нам был послан в образе человека. Не в образе дерева, облака или какого-нибудь животного. Для чего – так? Чтобы каждому из нас дать шанс быть вместе с Богом. Быть счастливым. Любить. Посмотри на старцев. Какой у них просветлённый взгляд. Как они любят жизнь! Это светлые люди, они на другом уровне мышления.

Мы поэты. Лев Аннинский правильно сказал, что Поэзия – это диалог с Богом. Так если Бог нам что-то говорит, мы не можем не реагировать... Обязаны делать! Он ведь не просто так говорит.

– Но ведь «всё слажено и сложено»... Вот лето заканчивается и нам его не остановить, как бы мы этого не хотели...

– Природа сильнее нас. Задача человека не пытаться её изменить. Не пытаться встать на место Бога. Или – на место природы. Не разворачивать реки вспять, не пытаться лосей впрягать в повозки и плуги – чем, к примеру, занимались на одной лосиной ферме под Костромой. Как ни бились – лоси не впахивались, не приручались. Зебра – это ведь лошадь. Но тоже не впрягается. Господь их создал именно такими.

Не из всех обезьян получились люди. Некоторые остались обезьянами.

– В книжке «ЧУЖИЕ СНЫ» (СПб, 2013) ты, кажется, выразил главное, русское...

А жить так просто на Руси,
Чтобы достичь пределов рая.
Не верь, не бойся, не проси,
Земным вождям не доверяя.
Держись подальше от царей
И не играй с судьбою в прятки,
И будет голова целей,
И душу сохранишь в порядке.
Не предавай, не унывай,
Куда б не вывела дорога.
И никогда не забывай
Везде и всюду славить Бога!

Но как – при таком подходе – противостоять пресловутому давлению Запада, экономическим санкциям, конкуренции в борьбе за рынки?

– Очень просто. Жить и работать. Не искать внешнего врага, а созидать. Распахать поле, хорошо замостить дорогу, одну, другую. Посадить дерево, сад. Написать книгу. Надо заниматься своим государством, а не учить других жизни.

– Но захватят же Сибирь...

– Будем дурака валять – захватят, конечно. Как захватили Украину. Это же катастрофа для Русского мира. Как можно было её допустить? Дети украинских школ не знают что Россия и Украина – единое пространство.

В СССР внешней политике уделялось больше внимания, чем внутренней. Крах Советского Союза был во многом вызван тем, что больше думали об Анголе, Мозамбике, Афганистане, чем о жителях Архангельска или Костромской области. Не дай нам Бог повторить эти ошибки.

Надо сосредоточиться на себе и заниматься благоустройством своей страны. Её безопасностью. С молитвой к Богу.

НАЧИНАЮ ЖИЗНЬ СНАЧАЛА...

Андрей ШАЦКОВ,
вместо послесловия

Мы познакомились, если так можно выразиться, «по долгу службы». В роли советника министра культуры я сопровождал его в Ханты-Мансийск на мероприятие, одним из спонсоров которого и был Ханты-Мансийский банк, возглавляемый своим президентом – Дмитрием Александровичем Мизгулиным. Конечно, я знал эту фамилию и раньше, ибо, выпуская возрождённый в недрах Минкультуры знаменитый альманах «День поэзии», не мог пройти мимо творчества одного из одарённейших поэтов моего поколения, которое условно называю поколением «семидесятников».

Однако фамилии поэта Мизгулина и преуспевающего банкира 21-го (!) по рейтингу банка страны долго не отождествлялись в моём сознании. Впрочем, когда Дмитрий прочёл со сцены пару своих «узнаваемых» стихотворений, всё быстро стало на свои места. Поскольку поэту, а по совместительству государственному советнику III класса Российской Федерации А.В. Шацкову не надо было долго объяснять, как это «гос» или просто служащий, коим является наёмный работник акционерного общества «Ханты-Мансийский банк» Д. Мизгулин, одновременно может быть известным поэтом. В конце концов, одну из высших чиновничьих должностей России – генерал-прокурора Российской империи, занимал поэтический классик Гавриил Державин. Тайный советник Фёдор Тютчев был товарищем министра иностранных дел, а выдающийся поэт-романтик Владимир Григорьевич Бенедиктов закончил служебную карьеру членом правления Государственного заёмного банка в чине действительного статского советника.

На пример последнего особенно любит ссылаться Дмитрий Александрович, который считает, что «у нас есть значительно более крутые примеры «совместительства» – как в плане творческом, так и в плане подъёма по служебной лестнице». Что же до него самого, то главная часть жизни, как ни крути, все равно – творчество. А банк, что же, «это – достойная профессия».

Профессия, может быть, и достойная, но не любят в нашей стране банкиров, как в постреволюционные времена не любили «нэпманов-кровососов». Сразу представляется пузатый буржуй в цилиндре и с сигарой во рту с плаката Маяковского.

А если «буржуй» ходит с расстёгнутым воротом рубашки, если который раз избирается действительно народным депутатом думы Ханты-Мансийского автономного округа, если ежегодно тратит на благотворительную деятельность в области образования, здравоохранения, культуры, на помощь православной церкви не менее 15 миллионов рублей в год? Наконец, если пишет стихи со словами:

Когда пойдёт гвоздать эпоха,
Живых и мёртвых не щадя,
На что нам – шутки скомороха
Или пророчества вождя?
Сладкоголосые витии
Со свистом сгинут. И темна
Наступит ночь по всей России,
И оглушит нас тишина.
А я – смахну снежок с крылечка.
Как хорошо, что я один,
Как хорошо, что в доме печка,
А не готический камин.
И что с того – что нету света?
Ярится чайник на плите,
И пусть не та уже планета
Но баня – та. Соседи – те.

Как быть с таким «нетипичным» представителем «банкирского племени» – поэтом, о котором наш известнейший критик Л.А. Аннинский написал: «...интересно, что Мизгулин вовсе не пересказывает нам сказку с мыслью научить (или отучить) жить по щучьему веленью; сказка лишь поблёскивает в контексте стиха, и это уже рука мастера: выросший в мареве легенд и лозунгов лирический герой остаётся в этом мареве навсегда, но вспоминает без всякого благоговенья, а так, что не сразу сообразишь, как...»?

В скупых строках электронной энциклопедии – Википедии – сказано: «Дмитрий Александрович Мизгулин – президент, председатель правления ОАО Ханты-Мансийский банк родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. В 1984 году окончил Ленинградский финансово-экономический институт по специальности «финансы и кредит». Проходил службу в рядах Вооружённых сил СССР в Краснознамённом Закавказском военном округе. Работал на предприятиях оборонной промышленности. В 1993 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Живёт в Ханты-Мансийске».

В воображении возникает магический треугольник суровых северных городов. Главный из них – Питер, где Мизгулина до сих пор считают своим. Здесь он основал литературный фонд «Дорога жизни» и альманах с одноименным названием. Здесь же учредил независимую литературную премию «Навстречу дня!» им. Бориса Корнилова, ежегодно, в день гибели автора «Песни о встречном», вручаемую в петербургских стенах Российской национальной библиотеки лучшим литераторам России.

Да и «школа стиха» у него, несомненно, классическая питерская, доказывающая, что кровная связь поэта с великим городом не порушена.

Сентябрьский дождь.
Мерцание залива.
Звенящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул

сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез!..

или:

Ночью в город приходит весна.
Спят канала свинцовые воды,
Но, очнувшись от долгого сна,
Пробуждаются силы природы.
Тает снег. И светлей вечера.
Суетятся весёлые птицы.
У случайных прохожих вчера
Просветлели усталые лица...

Но и в локомотивном для экономики страны регионе – Ханты-Мансийском автономном округе Югре Мизгулину, думается, привелось оказаться совсем не случайно, а судьбинно.

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь сначала,
Примеряясь, не спеша.
Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Всё казенное: квартира,
Мебель, кухня, телефон,
Лампа и комплект постельный –
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный –
Всё имущество моё...
Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непого́дь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

Югра, лежащая в центральной части Западно-Сибирской равнины и находящаяся примерно на одной широте с Москвой в 2800

километрах от неё, всегда готова встретить вас тридцатиградусным морозом и пронизывающим ветром с позёмкой. Однако к вечеру метель обычно утихает, и над волшебными вековыми елями сверкают мириады звёзд…

Как видите, романтика Севера сама просится в стихи.

Реки вскроются. И не спеша
Поплывут белоснежные льдины
От ольховых болот Иртыша
В ледниковое царство чужбины.
Предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет – как сумрак тумана.
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.

Кроме удивительной природы в «Югорском царстве» живут удивительные люди, которые до сих пор не разучились чувствовать плечо друг друга. Так повелось ещё со времен брежневской конституции, утверждавшей, что у нас сложилась новая общность людей – советский народ. С тех пор много воды утекло. И народ стал населением, и именуют его теперь россиянами, но здесь, в суровом краю, где выживают самые сильные, видимо, произошёл естественный отбор, и остались не только самые стойкие, но и самые добрые, потому что без человеческой доброты и тепла на Севере делать нечего. И люди эти – в большинстве своём сохранили православие, как строй души.

КРЕЩЕНЬЕ

Минус сорок. Мрак вселенский.
Ночь темным-темна.
Стынут в проруби крещенской
Звёзды и луна.
Пред купелью, окаянный,
Встану не спеша,

Стали нынче Иорданью
Воды Иртыша…

Мизгулин, несомненно, – православный поэт. Да и как не писать духовные стихи человеку, чьи прадед, прапрадед и прапрапрадед были священниками. И хотя он не позиционирует себя как блюстителя церковной морали, но естественная строгость и искренность его стихов говорят сами за себя.

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетёмся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.
И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?
Ведь всё, что в душе накипело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бренное тело,
Когда бы не глупая плоть.
Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженье лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

Итак, Дмитрий Александрович, несомненно, – гражданственный, православный и, конечно, главное, лирический поэт. Снова предоставим слово Льву Александровичу Аннинскому: «…В лирическом пейзаже Мизгулина естественна именно непого́дь. Стих звенит на студёном ветру. На причале – мороза стальная печать. Ветер, мрак, слёзы. Тьма заснеженных полей. Промёрзшие клочья небес. Воды, скованные чёрными льдами…

Всё это вполне укладывается в таёжно-бездорожный пейзаж, из которого закалённый стих не ищет выхода. Но потаённое «нет»

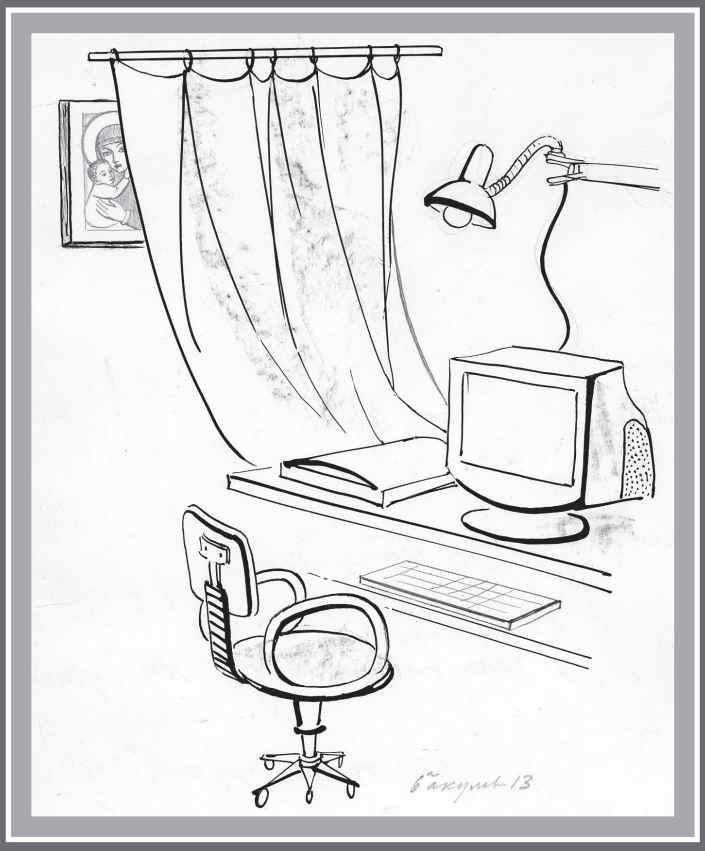
звучит и из-под этого вечного пейзажа, в котором легче прожить на русский «авось» или пересидеть на печи с Емелей…»

В лирике Мизгулина сквозит неизбывная любовь к Родине, в которой сейчас громогласно клянутся все подряд. Причем чем меньше таланта, тем громче звучат уверения, а настоящая любовь, как известно, крика не переносит. Только высокая, искренняя лирика может достигнуть сердец друзей и слушателей.

В канун своего юбилея у президента ведущего банка России Д. Мизгулина – множество дел и забот. На литературу времени катастрофически не хватает. Впрочем, новая книга «Ненастный день» к юбилею поэта поспела. Но главное – литература уже сама включила его имя в круг, где «много званых, да мало избранных». Только в этом году он был удостоен премии журнала «Юность», международной Лермонтовской премии в области литературы, общественного ордена Владимира Маяковского, учреждённого Московской городской организацией СП России.

Ещё активнее стало сотрудничество Дмитрия с ежегодным альманахом «День поэзии – XXI век», попечительский совет которого он теперь возглавляет вместе с правнучатым племянником и полным тёзкой великого поэта – М.Ю. Лермонтовым.

«Человек талантливый – талантлив во всех областях» – это почти что народное выражение, на самом деле принадлежащее немецкому романисту и драматургу Лиону Фейхтвангеру в полной мере применимо к Мизгулину. Может быть, именно здесь кроется успех юбиляра. Ведь для исполнения задуманного талантливому человеку требуется чуть меньше времени, чем бесталанному. А, следовательно, времени для новых стихов хватит и можно начинать творческую жизнь сначала и сначала.



СОДЕРЖАНИЕ

Пути творческой личности. Евгений Каргополов 6
Ковчег Д. Мизгулина. Владимир Скиф 28
Русский лад или параллельные метели
о современной русской поэзии. Сергей Козлов 38
Нет, не исчезнет русский дух. Игорь Деордиев 52
Час духа и день души. Максим Грановский 60
Река, впадающая в небо. Александра Петрова 72
Музыка и поэзия. Лениза Шелковая 74
Там где ангелы поют. Инна Кустова 76
Скорбный слух поэта. Наталья Стручкова 80
Тихая поэзия Д. Мизгулина. Марк Порхов 96
Общность мотивов в поэзии Н. Рубцова
и Д. Мизгулина. Наталья Поспелова 108
Пространство России в гражданской лирике Д. Мизгулина.
Анастасия Собянина 116
Сакральный хронотоп в поэзии Д. Мизгулина. Наталья Романова 122
О поэзии Д. Мизгулина. Михаил Верхоланцев 130
Диалог с Ангелом. Виктор Гуминский 138
Всё мерит время мерой строгой. Ольга Иванова 142
Целебные строки грустных стихов. Елена Захарченко 146
Такие простые слова. Алексей Ахматов 150
Я высказаться тороплюсь. Галина Седых 158
Лишь душа да крест нательный. Андрей Расторгуев 162
Междуречье добра и зла. Екатерина Картинина 170
Стяжание Слова и Духа. Виктор Петров 178
Поэтическая кольчуга Д. Мизгулина. Марина Скворцова 184
Встреча с Дмитрием Мизгулиным. Михаил Рябий 192
При свете «свечи». Вагиф Юсифли 200
Предисловие к книге «Шам» («Свеча») на азербайджанском языке.
Чингиз Абдуллаев, Народный писатель Азербайджана 206
Сюрприз Югорскому поэту от переводчиков. Княз Гочаг 208
Простая сибирская мудрость. Княз Гочаг 212

Предисловие к книге Д. Мизгулина на венгерском языке. Каталин Надь . . 214
ДВОЕ (вступительная статья к сборнику Д. Мизгулина
и Арк. Елфимова «Движение души»). Юрий Лошиц 218
Послесловие к сборнику Д. Мизгулина и Арк. Елфимова «Движение
души». Александр Быков 220
Печатная книга – изделие штучное. Сергей Филатов. 222

ОТЗЫВЫ 233
Синдром любителя словесности. Ольга Санталова 258
О поэте-банкире Д. Мизгулине. Александр Вычугжанин 266
Социальный статус автора. Ольга Прокофьева 268
Поэзия солонок. Сергей Прокопьев 278
Чудеса в серебре. Нина Никонорова 286
Серебро и соль коллекции Д. Мизгулина. Татьяна Березовская 294

ДИАЛОГИ
Бенедиктов тоже был банкиром:
Александр Казинцев – Д. Мизгулин 304
Уроки словесности: Е. Коваленко – Д. Мизгулин 310
Перекрёсток Д. Мизгулина: Алексей Проскурин – Д. Мизгулин. 318
Дневник его души и сердца: Ирина Рябий – Д. Мизгулин. 326
Как чувствую, так и определяю: Александр Суриков – Д. Мизгулин . .334
Банкир. Писатель. Мыслитель: Ирина Тарабаева – Д. Мизгулин. 348

ИНТЕРВЬЮ
В основе любой экономики – человек. 362
Поэт, финансист и общественный
деятель современной России. Владимир Скворцов. 366
Как можно пройти мимо Бога? Владимир Хохлев 380
Начинаю жизнь сначала. Андрей Шацков 390

ДРУЗЕЙ УСЛЫШУ ГОЛОСА

О творчестве Дмитрия Мизгулина
Избранные монографии, статьи, диалоги, интервью

Редактор Валентина Рыбакова
Вёрстка, дизайн – Анастасия Евменова

ИД – №02293 от 11.07.2000 г.
Ассоциация АПИ (Союз писателей России)
Подписано к печати 07. 06. 2017. Формат 60x84/16
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. Тираж 500
Заказ 72332.
***
Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06